



# КОСТРОМСКАЯ СЛОБОДА

КОСТРОМСКОЙ АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ  
И ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК





# «КОСТРОМСКАЯ ГЛОБОДА»

КОСТРОМСКОЙ АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ  
И ЛАНДШАФТНЫЙ МУЗЕЙ ЗАПОВЕДНИК

## СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В ВОСПОМИНАНИЯХ, ДОКУМЕНТАХ,  
ФОТООЧЕРКАХ, МАТЕРИАЛАХ  
НАУЧНЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

КОСТРОМА  
2016

УДК 947.08(471.317)  
ББК 63.5 (2.Рос-4)  
К 725

*Редакционный совет:*

*А.И. Митин, директор Музея-заповедника «Костромская слобода» (председатель); С.А. Пиляк, заместитель директора; Л.В. Москалёва, главный хранитель;  
Т.Г. Гончарова, учёный секретарь;  
Е.А. Новиков, зав.научным отделом.*

**К 725** **«КОСТРОМСКАЯ СЛОБОДА».** Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник. Страницы истории в воспоминаниях, документах, фотоочерках и материалах научных экспедиций. – Сборник материалов. – Кострома, 2016. – 144 стр.: ил.

Эта книга посвящена более полувековой истории создания Костромского музея деревянного зодчества под открытым небом, истории Музея-заповедника «Костромская слобода», реставрации его уникальных памятников деревянного зодчества. В неё вошли очерки известных специалистов в области народной архитектуры: реставраторов, искусствоведов, историков крестьянской культуры. Воспоминания первых директоров и старейших научных сотрудников музея познакомят вас с забытыми страницами прошлого, а материалы из этнографических экспедиций: дневники, зарисовки, фотоснимки - наполнят ваше представление о народной культуре новыми подробностями. Издание будет интересно не только специалистам, но и широкому читателю.

© Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник  
«Костромская слобода». 2016 год.



Фольклорный ансамбль «Матица» сотрудников музея-заповедника с директором А.И. Митиным.

## **А.И. МИТИН,**

*директор Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода»*

### МУЗЕЙ – ТВОРЧЕСТВО КОЛЛЕКТИВНОЕ

**В** 2015 году наш музей отмечал 55-летие с момента образования Костромского музея деревянного зодчества. Более полувека назад, в мае 1960 года, было принято официальное решение Костромского областного Совета народных депутатов (от 3 мая 1960 г.) о создании в черте города Костромы на стрелке рек Волги и Костромы «Музея народного деревянного зодчества». Всё это время музей, как отдел, входил в состав Костромского историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь» и лишь в 2006 году получил самостоятельный статус и новое название – «Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода». Сегодня, вспоминая о первом 10-летию этой новой истории, мы можем сказать, что «Костромская слобода» – это не только комплекс памятников деревянного зодчества, собранных в уникальном по красоте месте, но и центр проведения массовых народных праздников и гуляний, фестивалей народного искусства, мастер-классов и выставок костромских ремесел, других мероприятий. Тысячи костромичей и гостей нашего города приходят именно





Празднование Масленицы в «Костромской слободе». 2015 год.

сюда, на стрелку Волги и Костромы, чтобы отпраздновать наступление Масленицы, посмотреть спектакли под открытым небом исторического театра «РЯД», принять участие в интерактивных программах, организованных сотрудниками музея-заповедника. «Костромская слобода» – настоящая визитная карточка Костромы и Костромской области в целом.

Сегодня в музее можно получить представление об уникальных памятниках культовой, жилой и хозяйственной архитектуры XVI – XX веков. Они восстанавливались реставраторами разных поколений с 1955 года по настоящее время. Деревянная архитектура – это предмет национальной гордости, привлекающий туристов со всего мира, потому что памятники деревянного зодчества, отличающиеся высочайшими художественными достоинствами, сохранились в таком количестве лишь в России. Среди них и наши жемчужины – церковь Собора Богородицы XVII в. из села Холм Галичского района, Ильинская церковь XVIII в. из села Верхний Березовец Солигаличского района, церковь Всемилоственного Спаса 1712 г. из села Фоминское Костромского района и другие.

В настоящее время в экспозициях и на выставках нашего музея ежегодно экспонируются около двух тысяч предметов, как переданных во временное хранение от Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (КГИАХМЗ), так и предметов, собранных и хранящихся в фондах музея-заповедника «Костромская слобода». Это позволяет полноценно показать народную культуру края во всём её многообразии.

Страницы истории нашего музея-заповедника, его памятников – тема этой книги, в создании которой приняли участие научные сотрудники музея-заповедника разных поколений, хранители, собиратели и энтузиасты исследовательской работы в области народной культуры и этнографии.

И первая страница этой истории – это 1945 год, когда только-только закончилась Великая Отечественная война и было принято историческое решение об образовании научной экспедиции под эгидой Академии архитектуры СССР по изучению памятников народного зодчества в Костромской области, созданной в 1944 году. В 1946 году экспедиция под руководством Святослава Леонидовича Агафонова приступила к работе: провела натурное обследование и фотофиксацию многих памятников деревянного зодчества Костромской области. В дальнейшем силами костромичей, архитекторов, реставраторов, плотников, некоторые из них были перевезены в черту города Костромы и составили основу нашего музея.

Центральные научные экспедиции и их выводы, подтверждаемые специалистами высочайшего уровня (С. Л. Агафоновым, И. Э. Грабарём, С.Я. Забелло и другими) позволили создать в Костроме один из первых в России музеев деревянного зодчества под открытым небом по образцу первых музеев «скансен». Музей формировался и в связи с необходимостью спасения уникальных памятников деревянного зодчества на низинных территориях Костромской области, попавших в зону затопления при организации Горьковского водохранилища.

Первые памятники начали перевозить с затопляемых территорий в 1954-1955 годах, а уже к 1960 году (и в последующие годы) в черте города Костромы вокруг Ипатьевского монастыря на месте слияния рек Волги и Костромы начал складываться целый комплекс памятников деревянного зодчества. Затем архитектурный ансамбль музея стал пополняться строениями из разных районов Костромской области. В целом в собрание музея-заповедника входит около трех десятков памятников народной архитектуры – жилого, культового и хозяйственного назначения, располагающихся на десятках гектарах пойменных земельных угодий по берегам Волги.

Выявление старинных уникальных памятников бытовой и культовой архитектуры, обеспечение их сохранности и реставрация, сбор этнографического материала, составление и описание коллекций – таково было содержание работы первых поколений исследователей и музейных работников. Людей, для которых этнографическая деревня была образом не только художественным, но и смысловым, позволяющим преодолеть нарастающий поток массовой культуры и выразить идею национальной самоидентификации.

Костромской музей стал одним из первых музеев под открытым небом в Российской Федерации, где несколькими поколениями научных работников формировалось собрание лучших образцов деревянного зодчества. В создании музея наряду с известными в стране специалистами народной архитектуры – реставраторами Борисом Васильевичем Гнедов-



ским, Александром Викторовичем Ополовниковым – участвовали инициаторы сохранения уникальной деревянной архитектуры Костромской области, архитекторы Костромской специальной научно-реставрационной и производственной мастерской: Калерия Густавовна Тороп, Иосиф Шефтелевич Шевелев, Вадим Сергеевич Шапошников, Людмила Полиэктовна Матросова, инженер-строитель реставрационной мастерской Василий Андреевич Чапыгин, бригада плотников-реставраторов и специалисты, непосредственно на территории музея собиравшие перевезенные памятники, осуществлявшие их биозащиту.

С 1966 года началась работа над новым вариантом генплана. После продолжительных дискуссий было принято решение о создании архитектурно-этнографического музея, позволявшего наиболее полно показать народную культуру Костромского края.

Значительный вклад в последующее развитие Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода», как он стал называться после реструктуризации 2006 года, внесли его первые директора – С.В. Екименко, Л.А. Михайленко; научные сотрудники – С. М. Гусева, Л.В. Москалёва, С.А. Уткин, С.Д. Масалёва, Л.И. Массорина, чьи воспоминания о данном периоде истории музея читатель также найдёт на страницах этой книги.

Данное издание можно считать юбилейным, к тому же здесь впервые обобщаются материалы, связанные с историей реставрации музейных памятников деревянного зодчества, традициями домостроения и крестьянского уклада тех мест Костромской губернии, откуда они были перевезены на берега речки Игуменки. Мы знакомим читателей с исследовательской работой учёных – архитекторов, реставраторов и искусствоведов, сотрудников музея, в разное время соприкоснувшихся с нашими артефактами. Среди авторов сборника и те, кто в 1960 - 1990-е годы собирал материалы в этнографических экспедициях, а также краеведы, чьи интересы так или иначе были связаны с изучением культурного наследия Костромского края.

Эта книга посвящена традициям народного деревянного зодчества и продолжает издательский проект музея-заповедника «Костромская слобода», начатый в 2012 году. Она обращена к самому широкому читателю и концептуально продолжает предыдущие издания музея.





Ворота в д. Громово Вохомского района. 1960-е годы.

**И. Ш. ШЕВЕЛЁВ,**

*Заслуженный архитектор РФ,*

*Почетный академик РААСН,*

*лауреат премии им. Д.С. Лихачева.*

## СОХРАНИТЬ ОБРАЗ МИНУВШЕЙ ЭПОХИ

КАК ВОЗНИК МУЗЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА

**Ю**билей Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода» возвращает мою память к дням, предшествовавшим основанию в Костроме музея деревянного зодчества. Ко времени затопления пойменных лугов Костромского края – середине и даже концу 1950-х, к появлению у нас, вслед за Рыбинским водохранилищем, Костромского моря и других «морей» – к грандиозным деяниям Гипроводхоза с его идеями повернуть вспять северные реки.

В памяти моей и сейчас жива картина, которую я видел во время паводка году в 1960-м, в месте впадения Унжи в Волгу, когда катером возвращался из Макарьево-Унженского монастыря. Над уходящим к горизонту простором воды вдали появились и плыли мимо меня верхушки деревьев и над ними – уже залитые водой и наклоненные колокольни с главками и крестами...



В 1950-е годы все, кто был связан с памятниками зодчества и культуры, понимали, что спасти исторически самое ценное нужно немедленно. Деревянная Старая Русь, церкви, часовни, хозяйственные постройки исчезали с лица земли, унося под воду, в небытие мудрость народа и неповторимые художества. Сельское население Костромского края, верхнее и среднее Поволжье – дети лесов, чья жизнь исторически связана с лесом. Лес давал пищу, одежду, обувь (лапти), лыко и бересту, ветряные мельницы, овины. Лес давал крышу над головой, огонь в очаге, телегу и колесо, сани, плот и баржу, лодку-долбленку, лыжи, лукошко, мачту для паруса, храм, часовню, могильный крест, лемех для покрытия глав и строительные леса для возведения каменных храмов. Лес же дал каркас и обшивку кораблей, бороздящих океаны.

Деревня и дерево – однокорневые слова. Север постиг тайны дерева: глубоко плотницкое знание и умение; утратив единожды, их не вернуть. И если культовые постройки XVI-XVII вв. в России в какой то мере были уже изучены, во всяком случае, известны по экспедициям Российской академии еще с дореволюционной поры, то гражданское народное зодчество исследовано в ничтожной мере.

В экспедиции. У Алексея Козлова в д. Трошинцы .1960-е годы.



Гигантский размах деятельности Гипроводхоза губил естественный бассейн Волги, ее многочисленные реки. У нас это Унжа, Ветлуга, и сотни других – малых – рек. Во имя «светлого будущего» на дно новых водохранилищ должны были опуститься естественные пастбища – заливные луга. Вместе с ними – каменные храмы. И были обречены на гибель последние деревянные постройки XVIII века, еще хранящие тайную мудрость народа, чья жизнь была испокон лесной. Плоты уже не вяжут сегодня черемуховыми виче. Неотвратимо исчезает знание использования живого строительного материала. Современные технологии обработки древесины стерли сложившиеся веками в народе приемы рубки клетки. Вместе с ними угасали естественная и выразительная форма, созданная плотницким топором, и сама душа сруба и художественных ремесел, неотделимая от природы дерева. Форма отпадала от сущности; явилась эклектика. Калибровка бревен, почти уже ставшая нормой, при строительстве деревянного жилого дома нарушает заболонь, и срок жизни сруба снижается. Меняет лицо деревянная резьба, скульптура. Чтобы спасти, сохранить что еще можно было, требовалось из зон затопления и обширных глухих мест нашего огромного края куда-то вывезти последние шедевры народного деревянного зодчества: жилые дома, церкви, бани, хозяйственные постройки, ветряные мельницы на столбах и на избушках. Ничего этого почти не осталось. Их нужно было найти, раскатать по бревнышку, по доске, чтобы затем собрать на новом месте как было – каждое бревно, каждую врубку, каждую деталь положить на свое место. Чтобы сохранились и были доступны потомкам методы сплачивания венцов, логика конструкций крыши и кровли, чтобы не забылся смысл причелин, полотенец, наличников, украшаемых резьбой; не потерялись пластика и рисунок лемеха, которым крыли церковные шеи и главы, подзоры, опушки тесовых лавок. И голбцы, и кухонная утварь, – все, что характерно для нашего края; то, зачем они возникли, и почему именно такими.

Сохранить образ минувшей эпохи, ее дух и тайны, уходящие в небытие – в этом вижу я главный смысл создания музеев деревянного зодчества под открытым небом, и, в том числе, Костромского музея.

### **За крепостными стенами**

Не было средств у учреждений культуры не то что на создание специального музея-заповедника, но даже на охрану территории, где можно было бы сохранить свозимые в Кострому разобранные на бревна объекты народного зодчества. Решить эту задачу в то время могли только уже существующие и хорошо охраняемые стены – крепостные стены Ипатьевского монастыря. В 1953 году монастырские здания были уже



освобождены от проживавших здесь рабочих ткацких фабрик; территория монастыря была официально объявлена архитектурно-историческим музеем-заповедником. Так монастырский «Новый двор» стал единственным возможным местом резервации объектов будущего Музея деревянного зодчества. Сюда из затопляемой зоны: села Спас-Вежи и окрестных деревень приплыла в Кострому на барже костромская «Венечия»: Преображенская церковь на сваях из Спас-Вежи и свайные бани из деревень Жарки и Куниково. А вслед за ними, летом по рекам, зимой – на тракторных санях двинулись мало-помалу и другие постройки: часовни, церкви, жилые избы, амбары, сказочные мельницы на избушках и на столбах.

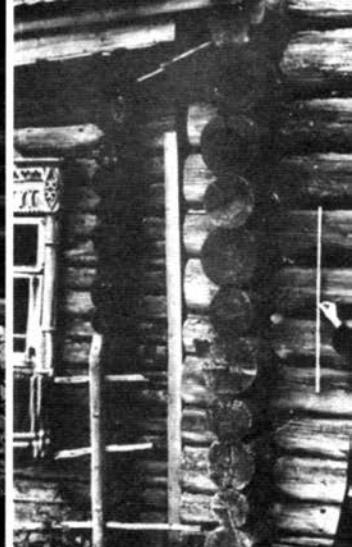
### Проектировщики музея

Проектировать и практически осуществить Музей деревянного зодчества выпало на долю Костромской реставрационной мастерской, возникшей в 1950 году. Вначале Костромская специальная научно-реставрационная производственная мастерская (КСНППМ) занималась в основном восстановлением стен и башен Ипатьевского монастыря. В середине 1950-х в связи с затоплением поймы Волги ей выпала задача везти из зон затопления первые экспонаты будущего музея. А вскоре (1958-1960 годы) параллельно с перевозкой известных и славных памятников культового зодчества началась планомерная разведка глубинки: поиск неизвестных шедевров, во имя их спасения от скорой гибели и забвения.

В 1953 году, накануне защиты диплома в Киевском инженерно-строительном институте, я был распределен в Кострому. И хорошо помню увиденную мной тогда в «Крокодиле» погромную статью о реставрации «Под сенью Ипатьевского монастыря». Погром имел последствия. Костромская реставрационная мастерская утратила архитекторов. Ушли Горохов, Чашин, Гейшин, Клишкин. Приехал я в период их увольнения, и, вслед за мной, появились техники-архитекторы из Ленинграда: Альберт Экк, Нина Меркушина, Вадим Шапошников. И, года два спустя, Людмила Матросова. В 1954 году главным архитектором мастерской стал нагрянувший из Москвы деятель реставрации Виктор Михайлович Дворяшин, манерами большой барин. Он жил наездами в гостинице «Кострома», пока в 1958 не вернулся в Москву руководить трестом «Росреставрация». На его долю и выпало руководить переносом из зоны затопления первых экспонатов будущего музея. Уникальной церкви Преображения из села Спас-Вежи, срубленной в затопляемой низине и поставленной на дубовые сваи, к тому времени замененные уже на кирпичные столбы, и четырех банек из деревни Жарки, так же стоящих на сваях. Обмер церкви Преображения и проект ее реставрации заказали опытному деревянщику, знато-



В экспедиции. Крестьянский дом из д. Торманов дор Вохомского района.



Л.С. Васильев на экспедиционных обмерах сруба избы. 1960-е годы.

ку деревянной архитектуры Севера главному архитектору Ярославской реставрационной мастерской Борису Васильевичу Гнедовскому. Собрали церковь и бани в 1954 -1955 годах, в ограде Нового двора Ипатьевского монастыря. Другого места тогда не было. Вне монастырской ограды, раскатанные на бревна, разобранные на доски, они, безусловно, были бы частично раскрадены. Эскизный проект и затем рабочий проект, разборка и перевоз построек на новое место – все это делалось в спешке.

### Первые генпланы

Единственным местом, где можно было тогда сосредоточить спасаемые образцы народной архитектуры: разобранные церкви и часовни, уже известные и выявляемые нашими экспедициями, жилые постройки, амбары, бани, сказочные мельниц на избушках и на столбах – была территория Нового двора Ипатьевского монастыря. И было ясно с самого начала, что Музей деревянного зодчества неминуемо выйдет за тесные монастырские стены. Первый генплан (1960 года), исходя из реалий, предлагал оставить в ограде двора свайные постройки: церковь Спас-Вежи и бани из села Жарки. А развить Музей деревянного зодчества на север от монастырской стены – в квартал между северной стеной монастыря, рекой Кострома и церковью Иоанна Богослова. Первая идея была создать в устье реки Костромы такой хранящий память истории целостный город, начинающийся с юга Ипатьевским монастырем, замкнутый с северо-запада церковью Иоанна Богослова, а с северо-востока рекою. Проект предусматривал снос нескольких деревянных построек Ипатьевской слобо-



ды. По этому первому плану и были поставлены в Ипатьевской слободе, перевезенные, вслед за Преображенской церковью в 1960 г., памятники: церковь Собора Пресвятой Богородицы из села Холм Галичского района – древнейшая из костромских деревянных церквей. Четверик этого храма с галереей, его окружающей, датируется 1552 годом. И рядом собрали дом Ершова из деревни Портюг. Незадолго до переноса церкви из села Холм я видел ее на месте своими глазами: восьмерик с крестчатой бочкой и главами лежали уже обрушенные внутрь храма. А дом Ершова наша третья экспедиция к счастью застала на его родном месте в самый последний момент. Он был уже продан на дрова, и разборка его как раз начиналась.

Обмеры и проект реставрации церкви Пресвятой Богородицы из с. Холм выполнил выдающийся реставратор деревянной архитектуры архитектор Александр Викторович Ополовников. Рядом поставили мельницу на избушке, привезенную из Совети Солигаличского района. Но в 1968 году музей-заповедник получил от властей во владение территорию стрелки, к югу от монастырской стены. Это снимало вопрос о сносе частных строений к северу от монастырских стен. И, что очень важно, здесь существует малое водное зеркало – отрезанная дамбой от реки Кострома речка Игуменка. Есть пространство, позволяющее органично вписать в естественный пейзаж свозимые из разных мест разного корня и стиля постройки.

Итак, начало Костромскому музею деревянного зодчества положил перенос церкви Спас-Вежи и бань на сваях, оказавшихся непосредственно в зоне затопления, под охрану монастырских стен на Новый двор Ипатьевского монастыря. Выходу музея за ограду монастыря предшествовали экспедиции в костромскую глубинку, предпринятые Костромской реставрационной мастерской. Задача была выявить наиболее интересное и ценное. Наметить маршруты, организовать и провести экспедиции 1958, 1959 и 1960 гг. привелось мне. Копия отчета о результатах первых экспедиций, представленного в Министерство культуры РСФСР в 1959 году, и рецензия Бориса Гнедовского (январь 1960 года) сохранились в моем архиве. Министерство культуры рекомендовало Костромскому облисполкому создать музей народного деревянного зодчества под открытым небом. Такое решение было принято в мае 1960 г.

### **Наши экспедиции**

Наши экспедиции были оснащены вполне любительски. Мы двигались на велосипедах. С палаткой, необходимыми в пути продуктами и снаряжением. В первой экспедиции, год 1958, нас было трое; во второй, в 1959 году – двое; в третьей, 1960 год – пятеро. Лето. Поедаемые кома-



Плот. Переправа через реку Вохму, 1960 год.

рами и слепнями, крутим педали. Порой тащим своих изрядно навьюченных железных коней руками через труднопроходимые волокы: на стыках Костромской и Вологодской областей (или за Солигаличем, на Совеге). А в экспедиции 1960-го года испробовали плот. Мы выловили в верховье реки девятиметровые бревна и сплотили их дедовским методом – перекрученными ветвями черемухи, «виче», и плыли от мест слияния Белой и Голубой Унжи (так называли местные жители) до череды оборвавших наше плавание запаней. На корме в ряд стояли наши велосипеды. В центре – палатка. На носу – жердяной настил, вынесенный вперед над водой, на нем слой грунта с речной галькой и костер. На двух рогатках висит на поперечине котелок. Пристав к берегу, мы объезжали ближние деревни, фотографировали, замеряли, рисовали. Незабываемы рассветы на плоту, утренний туман, стремительное движение, отталкивание от берега шестом...

Экспедиций, предшествующих официальному рождению музея, мы провели три, не считая точечных выездов. В первой в августе 1958 года были со мной художник Владимир Муравьев и студентка архитектурного факультета ЛИСИ Наталья Державец; во второй – мы были в 1959 году вдвоем с архитектором Вадимом Шапошниковым, а в третьей, в 1960 году, нас было пятеро: я, художники костромского художественного фонда Владимир Муравьев и Юрий Кочеганов, техник-архитектор Нина Меркушина и студентка Костромского технологического института, фамилию которой мне, к сожалению, не удастся вспомнить.



Экспедиции прорастали в будущее: нужно было маркировать, разбирать и перевозить баржами или санными путями, когда путь устанавливался. Вывозить отобранные экспедицией срубы в «музейный двор» выезжала бригада плотников.

Заброшенные деревни были не редкость. Запустение и нищета деревенской жизни послевоенных тяжелых лет хорошо известны. Жителей, случалось, было 3-4 старика на деревню. Встречались деревни и вовсе с заколоченными окнами. Была на нашем пути деревенька с выразительным названием «Половинки». Мы искали художеств и старину, и бедность деревни сохраняла их. Деревня не подновлялась и так дожила до конца 1950-х, когда появившиеся в ней молодые ребята ветхие дома пускали на слом и, часто, перерубали, уничтожая уникальные мудрые конструкции, броские художественные детали жилых и хозяйственных построек. Крыши, декор окон и стен, интерьеры исчезали в эти годы, словно охваченные пожаром. Костромская земля – это территория, равная иному государству. Наши те экспедиции были подобны гонкам. Они носили рекогносцировочный характер. Наука подала голос чуть позже, при обработке материала экспедиций, при маркировке и разборке построек на старых родных местах и при сборке их на территории музея.

### **Школа реставрации**

«Главная школа реставрации, – говорил мне почитаемый мной Александр Ополовников, – наблюдать вживе работу потомственного плотника, стремиться понять конструкцию. Все, что касается жилья и иных строений продиктовано в этом краю природой леса и природой дерева». Лев Толстой говорил о народе русском, что «он владел топором, как волк владеет зубами, – одинаково верно, со всего размаха раскалывал топором бревно и, взяв топор за обух, вытачивал им тонкие колышки и вырезывал ложки».

Ничто так широко и емко не подтверждает эту мысль Толстого, как сруб – жилая или хозяйственная постройка Русского Севера. Самые ранние драгоценные, подлинные из них созданы одним лишь топором. Наблюдая работу плотника, познавая ее конструкцию, глубже понимаешь не только то, что истории русского деревянного зодчества известно, но и неожиданно видишь то, о чем профессиональная литература молчит. Глубоко и полно отображает сруб природу и свойства живого дерева.





Часовня в д. Большое Токарево Солигаличского района. Нач. XX века.

## Традиции плотников Костромского края

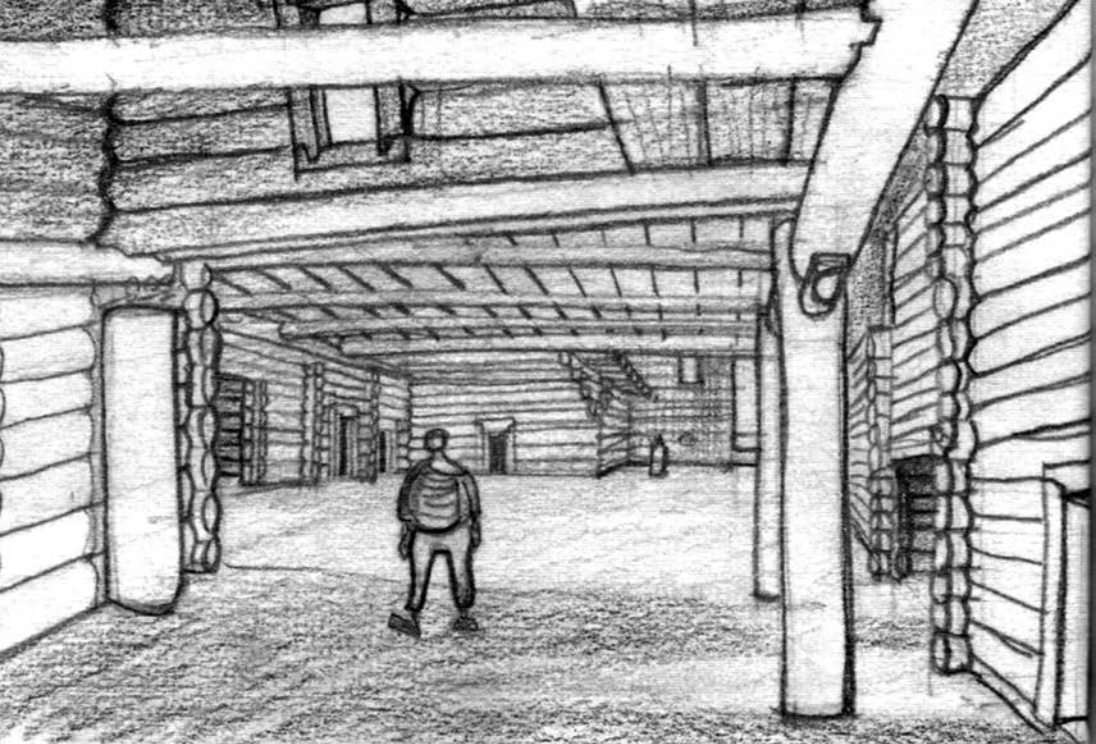
Конструкции сруба Русского Севера изучены и описаны многими исследователями. Классифицирована их планировка. В Среднем Поволжье нашими экспедициями обнаружены некоторые их особенности, в литературе еще не описанные, представляющие для истории народного деревянного зодчества Руси большой интерес.

Во-первых, в Костромском крае – это рубка угла «в крюк в потай», т.е. жестко фиксированное, плотное соединение угла. О существовании врубки с таким именем однажды говорил мне Александр Викторович Ополовников, лучший деревянщик из всех, кого я знал. Его идеи, его книги об архитектуре Русского Севера были главными моими учителями. Александр Викторович хотел увидеть врубку *крюк в потай* воочию. Теперь я думаю, что именем «крюк в потай» плотники называли рубку угла с невидимым глазу, внутри чаши вытесанным шипом. Такая врубка (зарисована мной 55 лет тому назад) соединяет углы четверика церкви Ильи Пророка из села Верхний Березовец Галичского района, это конец XVIII века, и часовни села Притыкино, перевезенные в Костромской музей деревянного зодчества.

Во-вторых, для добротных изб богатых крестьян бревна для стен отбирались снизу доверху ровные и мощные, диаметром около 40 см и более, один к одному. Самые мощные стволы, диаметром до 70-90 см, шли на пластины пола, на лавки вдоль стен, на лари. Так был срублен дом Ципелевой в деревне Аристиха Шарьинского района, и, в 14 километрах от него, теми же плотниками и из верхов тех же самых гигантских стволов сосны – дом в деревне Нелюбиха.

Но нередко храмы и избы рубили из бревен заметно неодинаковых диаметров. И можно здесь различить два приема расположения в стенах





Интерьер подклети крестьянской избы, Судайский район. Рис. И.Ш. Шевелёва.

заготовленных бревен. Общеизвестно правило: диаметры бревен, если это церковь или колокольня, последовательно снизу вверх уменьшаются. Чем выше предстоит уложить венец, тем легче должны быть бревна, наверх поднимаемые. Это естественно. Вверху бревна имеют тенденцию становиться короче от яруса к ярусу и, следовательно, тоньше. Сама форма клети в плане меняется: четверик внизу уступаетверху место восьмерику.

В жилой же северной избе, поднятой на высокой подклети, случается, что все происходит наоборот: толстые бревна помещают вверху, а более тонкие – внизу, кроме закладного венца. Это оправдано функционально, конструктивно и художественно.

Подклеть является холодным погребом. Сила ветра возрастает с удалением от земли. Тепло всегда сосредоточено вверху. Поэтому стены подклети могут быть не так толсты и теплы, как в жилом помещении. Толстые стены выгодно иметь вверху еще и по другой, на мой взгляд, очень важной конструктивно-художественной причине. Если центр тяжести сруба смещен вверх, вес вышележащей части сруба в каждом очередном сечении резко возрастает. Сруб плотнее, Стена сильнее давит на мох,стилающий венцы, и *срок осадки стены становится много короче.*

Концы бревен верхних венцов – повалы, выступая под фронтоном вперед, мощны. Фигурно обработанные топором, они придают крыше и

дому в целом монументальный, впечатляюще выразительный силуэт. Этот прием – роста диаметра бревен снизу вверх – благоприятно отражается и в интерьере. Мы видим, в добротных избах бревна стен изнутри стесываются, стена делается плоской, гладкой, удобной. Углы в интерьере оказываются стесаны по кругу. Делается это когда сруб уже поставлен. Работа эта трудоемкая. Поэтому за печью, под лавками и, что особенно характерно, верхние бревна выше плеча (под потолком), т.е. *самые толстые бревна*, тесать не приходится. Кроме того, верхние венцы стены предназначены нести мощную матицу потолка. Толстые стволы оптимально отвечают этой задаче.

В-третьих, есть еще одна тонкость. Дерево растет на опушках леса и полянах неравномерно: медленно к северу и активно к югу. Ветви тянутся к югу. Центр ствола, который охватывают годовые кольца, смещен к северу. Поэтому ту сторону, где годовые кольца плотны, где ствол прочнее противостоит дождям и сырости, опытные плотники обращают наружу, к улице. А сторону, где много сучков, южную, поворачивают внутрь сруба. Заготавливался лес под сруб преимущественно поздней осенью или зимой, когда движения сока в стволе прекратилось. От стены, срубленной с полным знанием дела 100 лет тому назад, топор при ударе им извне – отскакивает.

В-четвёртых, сильное впечатление производит своеобразное устройство костромских самцовых крыш приемом «курицы под следи». Так срублен ряд хозяйственных построек с пологими кровлями – амбары, сараи, овины – в Вохомском районе, в деревнях Языково, Замордвинье, Большое Заовражье, Разбойница, Питер. Этим приемом в селе Тихон и деревнях Худобино и Иерусалим рубили даже и жилые клетки. Прием гениально прост. Здесь виден один только топор (ни гвоздей, ни подвязок лыком). Стена, крыша и кровля сомкнуты в одно целое и создан глубокий навес: роскошная тень, падающая на фасадные бревна.

Курицы (молодые елочки, срубленные с развилкой корня, в которую помещаются водотечники, принимающие концы тесовой кровли) обычно укладывают *на верхний венец сруба*. Они *врубаются* сверху в 3-4 следи. При этом верхняя грань курицы лежит заподлицо со слегами, сквозь которые эти курицы проходят. Прием «курицы под следи» ослаблять следи врубками не требует. В качестве слег здесь используют тонкие бревна, жерди. А держат курицы *два достаточно сильных верхних венца сруба*. Курица пропущена между двумя верхними бревнами продольной стены. И работает она как рычаг, опирающийся на стену: наподобие папиросы, зажатой между двумя пальцами. Короткие плечи рычага несут водотечник – держащий на отлете свес тесовой кровли; длинные плечи (стволы елочек) плотно прижаты к слегам *снизу* – на всю длину. Снеговая нагрузка





Дом Ершова в д. Портьюг. 1960 год.

на крышу, сила ветра эту конструкцию не рушат, а, напротив, усиливают, прижимая крышу к слегам, связывая слуги, курицы и стену в одно целое. Иногда первая пара «куриц под слуги» врубается на фасаде перед самцом-фронтоном открыто.

В-пятых, нельзя забывать, что забота о долговечности и прочности конструкции – вот главная идея сруба. Мы прослеживаем это в каждой детали. Этой же цели служит устройство нарб. Нарба – мощная вертикальная доска, врезанная «в ласточкин хвост», в стену внутри клетки. Нарбы объединяют пять-семь венцов сруба в единый пакет. Они соединяют венцы в стену точь-в-точь, как сплавиваются шпонками в единую доску иконы отдельные ее доски. Так рублены стены ветряных мельниц на избушке и на столбах (Совета, Солигаличский район). Сама избушка (нижний сруб) нарб не имеет, так как она тяжело загружена. А венцы верхнего сруба, собственно мельница, стоящая на ветру, сплочена нарбами по каждой из трех стен.

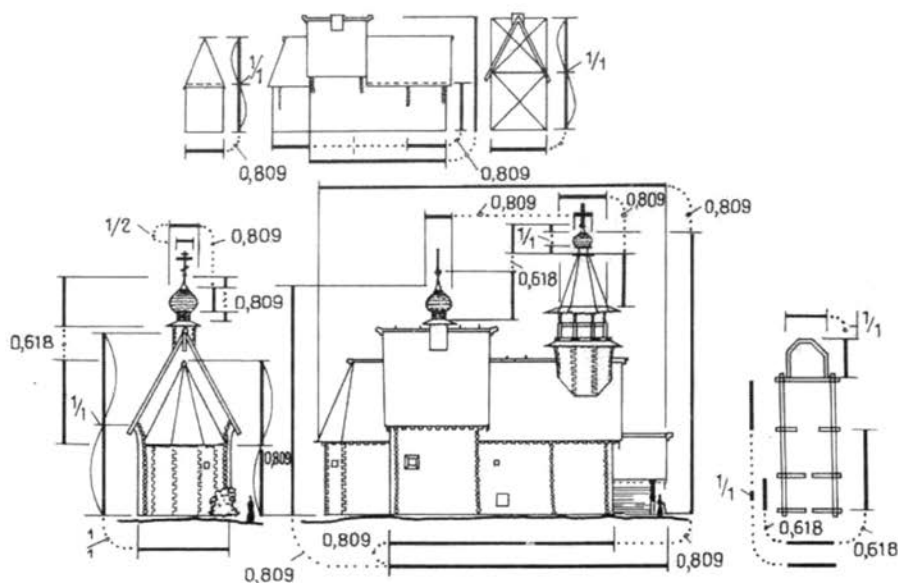
### **Правда конструкций и правда образа**

Восполнение утраченных частей здания при реставрации памятников архитектуры порой совершенно необходимо. Задача реставрации – восстановление правды, но не только протокольно-исторической, но и правды конструктивной и правды художественной. Утраты деревянной старины – огромны, а возможность сохранения ее образцов крайне ограничена. Воскрешая силуэт избы и овина, утраченные или переделанные в железные старые главы церквей, шатры их звонниц и крыльца, мы опираемся на сохранившиеся на теле срубов следы. Но небо не сохраняет

следов. Вступает в дело докомпозиция. И я, понимая это, стремился, восстанавливая утраченное, воскресить не столько букву, сколько дух народного зодчества, его красоту – в том малом, что еще возможно было в то время спасти. Реставратору приходится использовать образные аналогии, повторять традиционные форму и пластику силуэтов, рисунки деталей, известные по историческим образцам, характерным для данного места и времени. Но это только половина дела. Восполняя утраты, нельзя забыть о соразмерности частей и целого, о взаимном соответствии форм и размеров, о гармонии, присущей высоким творениям народного гения. Реставратор обязан владеть общим принципом создания эстетически сильного образа, иначе, правдивый в малом, он потеряет правду большую.



Церковь Спаса в с. Фоминское  
Костромского района. 1960 год.



Церковь Спаса. Схема размерной структуры завершений.



## **И. Г. СЕМЁНОВА,**

*Заслуженный работник культуры РФ,  
член Союза архитекторов и Союза реставраторов РФ,  
архитектор-реставратор высшей категории.*



*Ирина Генриховна Семёнова – в числе многих специалистов, благодаря которым создавался Костромской музей деревянного зодчества под открытым небом. Она автор одного из первых проектов генерального плана развития Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода». Сейчас работает главным архитектором Российского республиканского научно-реставрационного ЗАО «Росреставрация», является председателем секции деревянного зодчества и музеев деревянной архитектуры Министерства культуры РФ.*

## **СПАСЕНИЕ НАРОДНЫХ ШЕДЕВРОВ**

Костромской музей деревянного зодчества начал формироваться в середине в 1950-х годов ещё на территории Ипатьевского монастыря. Первым экспонатом этого музея стала церковь Преображения из села Спас-Вежи Костромского района, построенная, по преданию, известными

ярославскими плотниками братьями Мулиевыми в 1713 году. Это редкой красоты клетская церковь с пятигранным алтарём с трёх сторон окружена была галереей на консолях. Храм был поднят над землёй на 24-х дубовых сваях. В 1956 году она была перевезена в музей и сохранялась до передачи монастырского двора епархии. В 2002 году она сторела, виновные остались не найденными.

Вместе с храмом из зоны затопления были перевезены и бани по-чёрному на сваях. Эти постройки и положили начало созданию музея деревянного зодчества Костромской области.

Но ограниченное пространство монастырского двора не давало возможности развиваться музею. В 1960 году на территории бывшей Богословской слободы был отведён участок. Сюда были перевезены дом Ершова из деревни Портюг, построенный в 1860 году, и церковь Собора Богородицы из села Холм, срубленная предположительно в 1552 году. На этом же участке разместили и овин из деревни Пустынь (в настоящее время он перевезён на основную территорию музея). Столь маленький участок, отведённый под музей, не смог вместить памятники, которые необходимо было спасти. И тогда за южными стенами монастыря в районе заводи когда-то протекавшей здесь мелководной речки Игуменки, впадающей в реку Кострому, был отведён участок в 9 га для формирования музея деревянного зодчества.

Само название музея говорило о том, что он формировался как экспозиция уникальных памятников деревянного зодчества, а не как архитектурно-этнографический музей, представляющий во всём разнообразии материальную и духовную жизнь Костромской области. В 1971 году на эту территорию перевозится Спасская церковь из села Фоминское Костромского района, срубленная в 1712 году. На северо-восток от Спасской церкви, за речным протоком, выстраиваются в одну линию избы, доставленные из разных районов области. Но в 1980-х – 1990-х годах формирование музея было приостановлено.

Возможности дальнейшего размещения памятников на этой территории ещё, конечно, были, но требовались огромные средства для проведения мелиоративных работ по осушению заболоченных территорий. Анализ территории выявил небольшие участки земли, на которых ещё возможно было размещение памятников деревянного зодчества. В первую очередь устраивались усадьбы уже перевезённых домов, которые расположены вдоль условной деревенской улицы с огородами и изгородью. Практически не задействованы оказались расположенные в стороне от основного маршрута дом старообрядца Скобелкина и Ильинская церковь из села В. Березовец 1866 года постройки. Овин из деревни Пустынь находился



вне маршрута показа. Кузница из деревни Стрельниково не использовалась в музейных целях.

В 2003 году было принято постановление № 2076, разрешающее разработку проекта развития музея на участке площадью в 120 га с юго-западной стороны от старой территории музея. На основании этого постановления мной и был разработан эскизный проект генплана музея народной архитектуры и быта Костромской области (архитектурно-этнографический комплекс).

В связи с крайне неблагоприятными экономическими условиями и тогда, в начале 2000-х, и сейчас продолжает идти катастрофический процесс исчезновения сёл и деревень в России и в Костромской области в частности. Исчезает с лица земли традиционная народная архитектура, а, следовательно, и значительная часть русской духовной и материальной культуры в целом. Единственным возможным вариантом спасения памятников деревянного зодчества остались только музеи под открытым небом.

В 2001 году нашей группой архитекторов и этнографов было начато обследование Костромской области для выявления и фиксации традиционной народной архитектуры и памятников деревянного зодчества, обсуждалась их перевозка в музей, шла разработка генплана музея.

### **Работа в экспедициях**

К 2006 году были выполнены следующие работы:

Том 1. Предварительные работы.

Том 2. Натурное обследование территории.

Том 3. Отчёты о проведённых экспедициях по выявлению и фиксации памятников деревянного зодчества и традиционной народной архитектуры.

2001 год. 6 томов. Солигаличский, Чухломский, Парфеньевский районы.

2002 год. 8 томов. Пыщугский, Павинский, Октябрьский, Вохомский районы.

2003 год. 5 томов. Кологривский, Кадынский, Нейский районы.

2004 год. 3 тома (8 книг). Антроповский, Галичский, Буйский районы.

2005 год – 4 тома ( 6 книг). Нерехтский, Красносельский, Костромской районы.

2006 год – 2 тома ( 4 книги). Макарьевский, Шарьинский районы.

Том 4. Проект генплана музея, схемы зонирования, схемы благоустройства, пояснительная записка с обоснованием.



В разработанном генплане учтены территории: существующего музея деревянного зодчества, территория слободы – улицы Просвещения, дом 1б, где расположены дом Ершова и церковь Собора Богородицы из села Холм. (Территория существующего музея деревянного зодчества и земли зарезервированы постановлением № 2076 администрации города Костромы от 02.06.2003 до начала разработки генплана музея).

Историко-этнографические исследования и проведение экспедиций дали возможность выявить памятники деревянного зодчества, которые невозможно сохранить на местах. В основном это постройки середины XIX – нач. XX вв.: избы, церкви, часовни, земские школы, больницы, барские усадьбы, мельницы, хозяйственные постройки. По итогам экспедиции 2001 года к перевозке в музей было рекомендовано 18 изб, 2 амбара, церковь из села Ефремьева Ширь 1892 года постройки.

В 2002 году к перевозке было рекомендовано 11 изб (в д. Буданово сохранились росписи 1889 года), 4 амбара, 2 конюшни, приходская школа, часовни из с. Ратчина и с. Тихон, церковь из села Ильинское. В 2003 году к перевозке было рекомендовано – 7 изб, 8 амбаров, конюшня, часовня из с. Кужбал. В 2004 году – 12 домов, 2 барские усадьбы, часовни из с. Деревенька и с. Курново.

Итогом работ по обследованию области должна была стать карта с нанесенными типами усадеб, поселений, культовых памятников традиционных для Костромской области, ранее такая работа не выполнялась. Губернатор Костромской области Виктор Андреевич Шершунов поддерживал все идеи по развитию этнографической составляющей музея деревянного зодчества. Большая заслуга в возможности проведения экспедиций принадлежит Сергею Конопатову, который помогал на протяжении всех лет разработки генплана.



## Обоснование зонирования территории музея

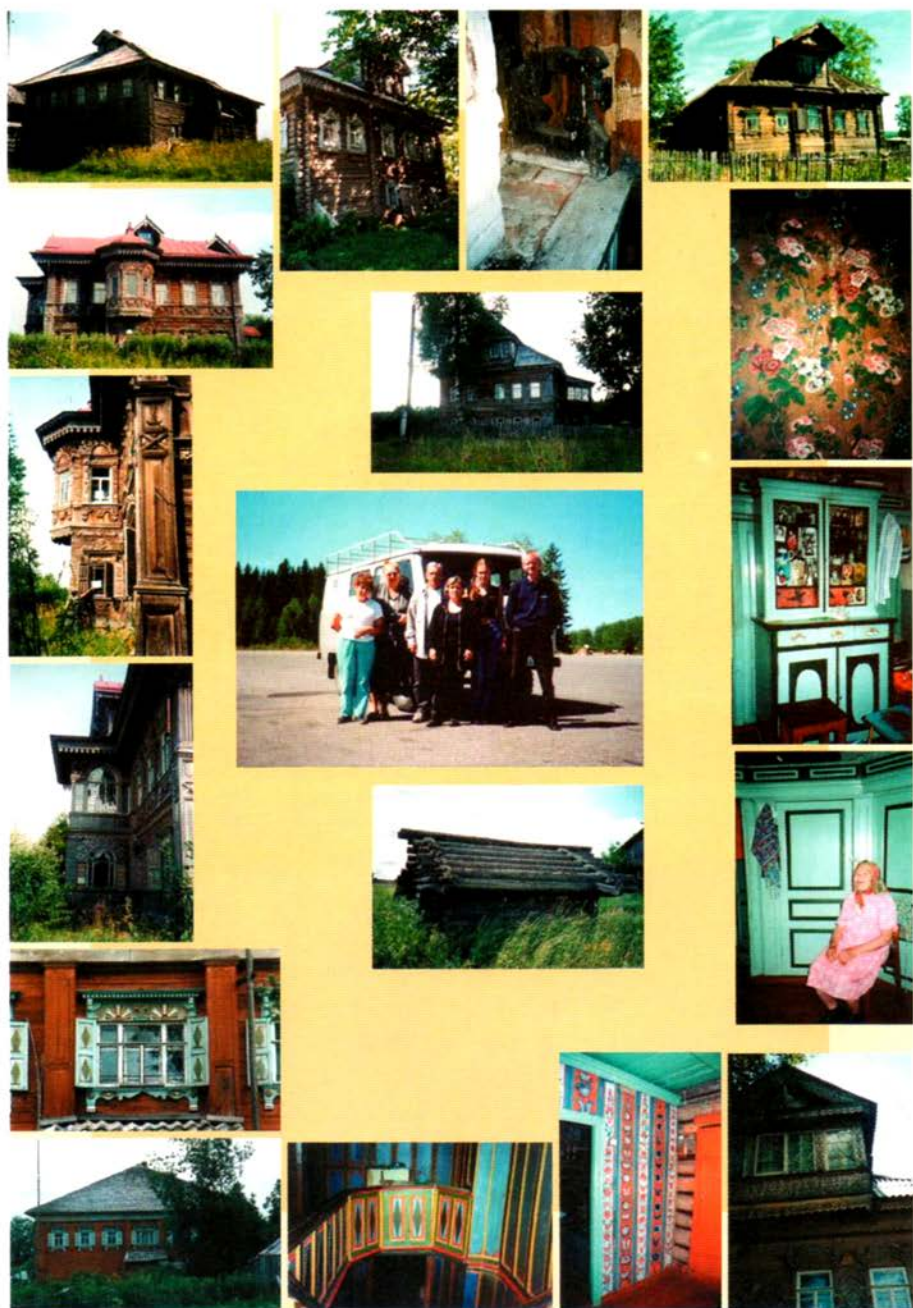
При формировании архитектурно-этнографических музеев одной из задач является отражение неповторимого своеобразия, особенностей, отличающих этот регион России от остальных. Заселение Костромского края шло с северо-запада со стороны Новгорода, с запада – с верховьев Волги и Днепра. Юго-западную часть занимали вятичи. Все они несли свою культуру и свой опыт строительства, позволяющий выживать в суровых климатических условиях.

Расположение Костромского края в северной половине европейской части России определило его схожесть с Русским Севером в архитектуре, говорах, в одежде, с другой стороны, жизнь края тесно связана с рекой Волгой, которая являлась связующим звеном для народов Поволжья. Всё это отразилось и в архитектуре деревенских усадеб и условно разделило область на две части – на западную и восточную.

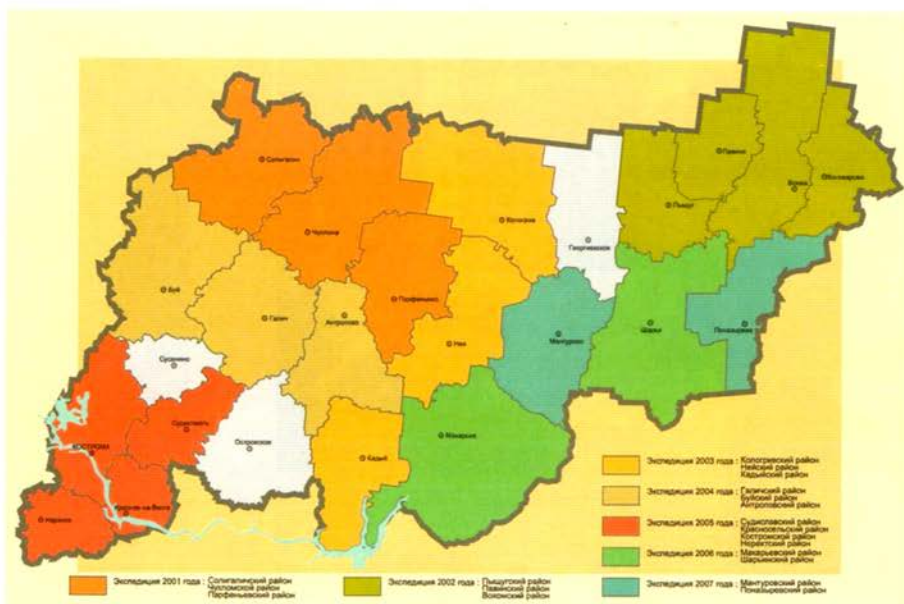
Обилие леса в восточной части края давало возможность для развития всех промыслов и ремёсел, связанных с селом. Основным орудием производства был топор. Значение леса для крестьянина было очень велико. Из него строили дома, он же давал тепло, из дерева изготавливали предметы домашнего обихода. В восточной части края, за рекой Унжей, преобладало развитие промыслов и ремёсел, связанных с заготовкой и обработкой древесины. Основной водной транспортной артерией в восточной части края являлась река Ветлуга.

Западная часть края, благодаря природно-географическим условиям, благоприятна для выращивания льна. Полотняное ткачество было старинным промыслом крестьян Костромского края. Домашним тканьем холстов и новин занималась почти каждая крестьянская семья, сеющая лён. Домотканые льняные костромские полотна становятся широко известны с XIV столетия. Всё это способствовало развитию торговли, превращая крестьянское домашнее ткачество в товарное производство. Уже в XVII-веке все кустарные промыслы края, ведущие своё начало от домашнего производства, были в большей или меньшей степени подчинены торговцам. Крестьянское домашнее льнопрядение и льноткачество положили начало развитию текстильной промышленности.

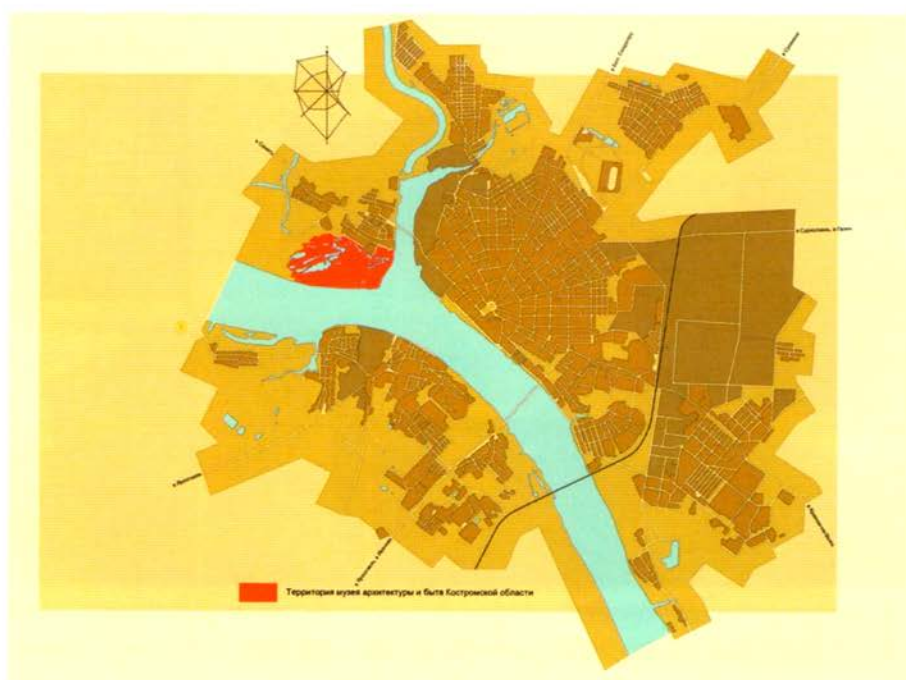
Учитывая новые экономические условия и изменившиеся отношения к музеям под открытым небом, которые становятся хранителями традиций и национальной народной культуры, при её полном исчезновении в сёлах и деревнях, просто в силу исчезновения самих поселений, в эскизном проекте генплана предлагалось значительно расширить функции музея (музейно-этнографического комплекса).



Памятники деревянного зодчества, обследованные в экспедициях по Костромской области.



Карта Костромской области с обозначением обследованных районов.



Проект генплана развития музея деревянного зодчества. Автор И.Г. Семёнова.

ПАМЯТНИКИ КУЛЬТОВОЙ ДЕРЕВЯННОЙ  
АРХИТЕКТУРЫ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА  
«КОСТРОМСКАЯ СЛОБОДА»



Церковь Всемилостивого Спаса ( 1712 г.),  
памятник народной архитектуры Музея-заповедника «Костромская слобода».



Ильинская церковь. Музей-заповедник «Костромская слобода»



Церковь Собора Пресвятой Богородицы XVII века из с. Холм Галичского района.





Часовня из д. Большое Токарево Солигаличского района.



Часовня XVIII века из с. Притыкино Шарьинского района.

ПАМЯТНИКИ БЫТОВОЙ ДЕРЕВЯННОЙ  
АРХИТЕКТУРЫ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА  
«КОСТРОМСКАЯ СЛОБОДА»



Бани на сваях. Конец XIX века.



Ветряная мельница. Вторая половина XIX века.





Ветряная мельница в процессе реставрации.



Ветряная мельница. Вторая половина XIX века.



Амбары из д.Собакино Нерехтского района. Конец XIX века.



Овин из д. Пустынь Костромского района Костромской области. XIX век.

Кроме традиционных для музеев секторов с показом народного деревянного зодчества и этнографических экспозиций предлагалось сформировать комплексы по тематике, центры (обучающие и тематические), мини-музеи, школы.

Само название музея должно было точно отражать суть нововведений. При разработке эскизного проекта генплана рассматривались различные варианты названий: музей материальной и духовной культуры Костромского края, этнографический музейный комплекс, архитектурно-этнографический комплекс, историко-культурный этнографический музей-заповедник, музей народной архитектуры и быта (этнографический комплекс). В конечном итоге было принято решение остановиться на таком названии – Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода».

### Комплексы музея-заповедника

Планировалось, что этнографическое наполнение музею-заповеднику дадут комплексы, расположенные в разных секторах его территории.

1. *Комплекс «Улица ремесленников»* или «Ремесленная слобода», включающий дом с лавкой, трактир, чайную, избы, представляющие процесс обработки льна, избу ювелира, избу бондаря, избу гончара. Здесь планировалось представить и другие костромские ремесла: плетение из лозы, бересты, народное врачевание ( чай из трав и продажа трав), пивоварение. Здесь мог показать своё искусство кузнец, часовых дел мастер, портной, сапожник.

2. *Комплекс « Заезжие избы»*. (Западный сектор территории), включающий три 2-х этажных дома (из сел Фокино, Красная Нива, Погорелово) 5-10 изб под гостиницы, трактир и бани.

3. *Комплекс « Постоялый двор»*. ( Восточный сектор), включающий гостиничный комплекс при « трактовой деревне» – 5-6 изб , конюшенный двор, трактир, баню, чайную.

4. *Комплекс «Игровых площадок»*, «*Театр Петрушки*», включающий качели, горки, карусели, площадки для игры в «бабки», «лапту», «мяч» и другие народные игры. Здесь планировалось разместить «Калашный ряд» и «Пряничный ряд», избу для детских игровых мероприятий ( организация празднования имянаречения и других семейных праздников.)

5. *Комплекс «В гостях у Снегурочки»*, включающий дом Снегурочки, поляну сказок.



6. *Комплекс «Лодейное дело»*, включающий избу мастера-корабела, мастерскую по изготовлению лодок, батнеков (долблёная лодка), коротни (две долблёные вмести), деревянный паром на канате, беляны и гусяны (плоты для сплавщиков леса, колесный пароход (купечество), мастерскую по изготовлению лодок и их моделей, «Волжский клуб», лодочную пристань.

7. *Комплекс «Рыбачий»*, включающий рыбацкие избушки, коптильню, бани, помещение для хранения лодок и инвентаря.

8. *Комплекс «Рыбная слобода»*, включающий Дом-музей истории рыбного промысла в Костромском крае, три дома с дворами с «пешнями» (печи для сушки ершей, вандыша), с традиционными огуречниками. «Рыбные ряды» с продажей рыбы,

9. *Комплекс «Охота»*, включающий Дом-музей по истории охотничьего промысла в Костромском крае, охотничью избу и дом лесничего, амбар, баню, погреб и ледник.

10. *Комплекс «Сельская ярмарка»*, ориентированный на торговлю сельхозпродуктами, оборудованием и инвентарем для сельских хозяйств; проведение сезонных ярмарок по продаже ягод, грибов, плодов и овощей.

11. *Комплекс «Пекарня»*, включающий Музей хлеба, водяную и ветряную мельницы, избы хлебопек, булочников и калачников.

12. *Комплекс «Усадьба помещика»*, включающий дом помещика, флигель, хозяйственные постройки усадьбы.

На территории музея-заповедника, которому на месте нужны будут свои кадры для реализации этой программы, планировалось открыть учебные центры и школы. Это:

- *«Школа обучения традиционным ремеслам»* (резьба по дереву, плетение из лозы, лоскутное шитье, вышивка, роспись, бондарное, столярное, токарное ремесло, кузнечное ремесло, шерстобитное, валяльное ремесло, гончарное, скорняжное, портняжное и сапожное ремесла.

- *«Иконописная мастерская», «Золотошвейная мастерская»*, расположенные у церкви Собора Пресвятой Богородицы из села Холм, здесь же Дом притча, воскресная школа.

- *«Плотницкий центр»*, в котором будет располагаться специализированная строительно-реставрационная организация, которая должна стать школой подготовки плотников, реставраторов-плотников и в дальнейшем взять на себя проведение работ на всей территории музея. Здесь же, на территории 4-5 усадеб, будет развернута экспозиция конструкций из дерева, старинного плотницкого инструмента, пильной мельницы, экспозиция о развитии русской избы (в макетах или в натуре).

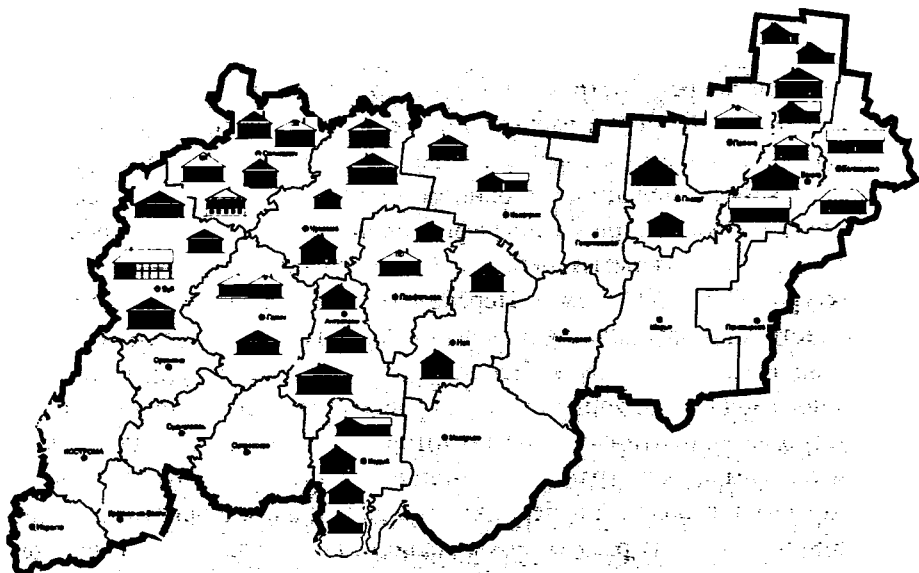
- «*Фольклорный центр*» – этнографическая школа с сезонным проживанием детей в крестьянских избах, организация программ работы с фольклорными коллективами, специалистами, записывающими народное слово.

- «*Центр исторического кино*» – кинопрограммы, концерты, прокат видеокассет.

- «*Международный представительский центр*». Туристическое бюро. Аккредитация представителей федеральных и международных организаций, постоянных участников проектов и ярмарок.

\*\*\*

Несмотря на то, что проект этого генплана развития музея-заповедника был утвержден на всех уровнях, ему не суждено было тогда осуществиться. Как всегда это бывает на русской почве, не стало во власти людей, которые всеми силами поддерживали его в непростые 1990-е и 2000-е годы, заглох и проект. Понимая, как важна данная программы развития музея-заповедника не только для культуры края или развития туризма, но в первую очередь для экономического развития такой дотационной области как Костромская, мне не раз в разных кабинетах приходилось отстаивать эти идеи. Но пока безрезультатно. Возможно, будущее будет светлее, чем прошлое.



Карта Костромской области с обозначением типологии жилых построек.





Ипатьевский монастырь. Новый двор. Сборка черных бань. 1955 год.

**Л.В. МОСКАЛЁВА,**

*главный хранитель*

*Костромского архитектурно-этнографического*

*и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода»*

## ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ В РОССИИ

На стрелке рек Костромы и Волги, среди березовых рощ и прудов, на берегу речки Игуменки раскинулось музейное селение с уникальными деревянными памятниками старины: церквями, часовнями, избами, амбарами, банями, мельницами, овином и кузницей. Это известный всем костромичам архитектурно-этнографический музей, один из первых в России музеев под открытым небом, собрание лучших образцов народной архитектуры XVI – XIX веков. Перевезенные из разных мест Костромской области, они органично вписались в Заречную часть города и обогатили ее архитектурный облик. Все эти строения – памятники народного деревянного зодчества, воплощение творческой мысли, умения и мастерства костромских плотников, слава о которых с XVIII века разнеслась по многим уголкам нашей страны: они были известны в Петербурге, Олонецкой и Архангелогородской губерниях, на Урале и даже в некоторых городах Сибири. Время, за редким исключением, не сохранило их имен, как и не пощадило творения их рук. И только музей, которому в прошлом году исполнилось 55 лет, сохранил для настоящего и, надеемся, для буду-

щих поколений эти удивительные постройки «славущих» плотников, так в народе называли знающих свое дело мастеров.

В музее возможно не только увидеть эти строения, но и погрузиться в созданную среду прошлых столетий и попытаться понять духовное богатство нашего народа, в этой старине запечатленное. Памятники народной архитектуры музея были выявлены исследователями разных поколений. Можно выделить несколько периодов этой деятельности: первый – (конец XIX – первая треть XX в.) характеризуется изучением деревянной архитектуры края в связи с научным интересом к народной культуре деятелей петербургской Академии художеств. В это время была разработана программа по исследованию народного зодчества. Одна из основных целей ее состояла в том, чтобы как можно больше зафиксировать редких образцов деревянной культовой архитектуры, отразившей вековые строительные традиции народа. Активная исследовательская работа известных архитекторов, художников, историков искусства: А. Павлинова, Л. Сологуба, Д. Милеева, И. Грабаря и других, а также членов Костромской губернской ученой архивной комиссии, позволила собрать уникальный материал и опубликовать его в различных научных сборниках («Трудах Императорской археологической комиссии», «Древностях» – трудах комиссии по сохранению древних памятников; «Костромской старине» и т.п.) Собранные ими материалы дают представление о культовой деревянной архитектуре края: уникальной церкви Преображения села Спас-Вежи XVIII в.; церкви Собора Богородицы XVII в. из с. Холм Галичского уезда; церкви Илии Пророка XVIII в. из с. Верхний Березовец Солигаличского уезда, ставших впоследствии памятниками музея, и других культовых сооружений, сохранившихся в фотографиях, обмерах, чертежах, описаниях исследователей начала XX в. Благодаря их деятельности мы имеем возможность знать о существовании выдающихся творений костромских зодчих-плотников, не сохранившихся до конца XX века.

\*\*\*

В 20-е годы XX столетия изучение народного деревянного зодчества в губернии продолжил Музей местного края. В 1926 году экспедиция музея под руководством известного краеведа и заведующего музеем В.И. Смирнова обследовала свайные постройки Костромского уезда и церковь Спаса Преображения из села Спас-Вежи. В этом же, 1926 году, С.В. Зетиллов, член Ветлужского научного общества по изучению местного края, обследовал среднее течение реки Ветлуги с целью выявления древних деревянных церквей, часовен, придорожных крестов<sup>1</sup>.



Значительный вклад в изучении костромской народной архитектуры связан с работой в области экспедиций институтов Академии наук СССР. Экспедиция Института истории и теории архитектуры Академии наук СССР 1946 года в составе С. Л. Агафонова (руководитель), архитекторов Л. В. Варзар, Е. П. Агафоновой, Е. А. Белоусовой (куратора темы С. Я. Забелло) – выполнила натурное обследование и фотофиксацию известных памятников деревянного зодчества. Среди них церковь Собора Богородицы (XVII в.) в селе Холм Галичского района на реке Тебзе; Ильинская церковь (XVIII в.) села Верхний Березовец Солигаличского района на реке Костроме. Задачами экспедиции также являлись учет, фотографирование, обмеры наиболее интересных и характерных изб, хозяйственных построек и их деталей, а также изучение материалов, хранящихся в местных музеях и архивах<sup>2</sup>.

Комплексная экспедиция 1950 года в районы Верхнего Поволжья, организованная Институтом истории искусств и Институтом этнографии Академии наук СССР, Государственным историческим музеем и музеем русской архитектуры имени А. В. Щусева, исследовала и зафиксировала постройки жилого, хозяйственного и культового назначения в низовьях реки Костромы. В предисловии к публикации материалов экспедиции И.Э. Грабарь писал о своих впечатлениях о Костромской низине: *«Совершенно исключительное, незабываемое зрелище открылось перед глазами членов экспедиции в Костромской области, когда они очутились в селении, сплошь поставленном на сваях: свайные избы, амбары, мельницы и даже свайная церковка...»*. Далее он отмечает, что *«Русь издавна славилась резьбой, однако то, что удалось увидеть здесь, в волжских деревнях Костромской области, превзошло все ожидания. Страсть русского народа к узорочью, изобретательность, чувство меры и ритма в орнаментике именно в Поволжье нашли особенно широкое применение. Избы, покрытые резьбой, невелики по размерам, но могут соперничать по своему высокому искусству с дворцами, построенными великими мастерами. Имена этих ведущих народных зодчих-плотников могут быть поставлены рядом с прославленными именами профессиональных архитекторов»*<sup>3</sup>.

\*\*\*

В результате экспедиционной деятельности круг наиболее интересных и характерных для этих районов построек был достаточно четко очерчен. Наиболее значимые из этих памятников впоследствии стали экспонатами музея деревянного зодчества, среди них: дом Ивана Александровича Скобелкина из деревни Стрельниково Костромского района середины XVIII века; дом Аксиньи Осиповны Лоховой из деревни Вашки-





Музей деревянного зодчества. Церковь Спаса из села Фоминского. Процесс сборки. 1968 год.

но Чкаловского района Горьковской области (бывший Юрьевецкий уезд Костромской губернии) II-ой половины XIX в.; дом Андрея Григорьевича Серова из деревни Мытищи Макарьевского района, 1873 год; дом братьев Липатовых из деревни Журавлево Макарьевского района, 1857 год; церковь Преображения Господня начала XVIII в. из села Спас-Вежи.

Перевоз церкви Преображения Господня XVIII в. из села Спас-Вежи на территорию Нового двора Ипатьевского монастыря, в связи с подтоплением Костромской низины плотиной строящейся Горьковской ГЭС, навел на мысль о создании музея деревянного зодчества. Тогда, в 1951 году, архитекторами Костромской специальной научно-реставрационной и производственной мастерской (КСНРПМ) Л. С. Васильевым, М.П. Гороховым были произведены детальные обмеры строения. В 1954 году известный архитектор Б. В. Гнедовский и Е. Добровольская провели дополнительное обследование постройки. Проект реставрации был

выполнен Б. В. Гнедовским. Одновременно с церковью на Новый двор перенесли четыре курные бани на сваях, XIX в. из д. Ведерки Костромского района. В 1958 году к обследованию области с целью сбора материалов по народному деревянному зодчеству и выявлению памятников деревянной архитектуры для музея деревянного зодчества приступили специалисты КСНРПМ. Первая экспедиция работала в составе архитекторов И. Ш. Шевелева, Н. М. Державец, художника В. П. Муравьева и обследовала северо-восточные районы области – Шарьинский, Пыщугский, Вохомский, Павинский в верховьях реки Ветлуги и по ее притокам.

Был собран материал, свидетельствующий, что в глубинке, в тот период, еще сохранялись интересные жилые, хозяйственные и производственные постройки (маслобойки, мельницы и т. п.), имеющие сложные деревянные механизмы. В материалах экспедиции отмечалось: *«Народная архитектура этих мест до сих пор остается почти неизученной. Между тем, оживленное строительство в самых отдаленных «медвежьих углах» привело к тому, что за последние 7-8 лет одна за другой исчезают уникальные постройки, отразившие в себе лучшие традиции деревянного зодчества прошлых веков. Гибнут замечательные образцы художественного вкуса и мастерства, последние носители оригинальных конструкций, представляющих исторический и практический интерес»*<sup>4</sup>.

По результатам экспедиции было рекомендовано поставить на учет, как памятники народной архитектуры, ряд деревянных построек, среди них – дом Ципелевой из деревни Аристиха, часовня из деревни Притыкино Шарьинского района, которые в настоящее время являются памятниками музея. Экспедиции КСНРПМ 1959-1966 годов также зафиксировали постройки, ставшие впоследствии экспонатами музея, и вместе тем показали, что значительная часть известных в начале и середине XX века памятников оказалась уже утраченной. В полуразрушенном состоянии находились уникальные церкви. Все это требовало принятия срочных мер для сохранения оставшихся образцов народного зодчества.

*«Восстановление памятников непосредственно на местах не представлялось целесообразным, так как там они оставались без присмотра и были недоступны для обозрения, – писала в пояснительной записке к плановому заданию на составление проекта генерального плана музея Калерия Густавовна Тороп, главный архитектор КСНРПМ, – значительную трудность представляет и организация производства работ вдали от базы мастерской... Учитывая эти обстоятельства, решение о сохранении памятников народной архитектуры в условиях музея под открытым небом являлось единственно возможным и правильным, несмотря на то, что памятники при этом теряют связь с привычным природным окружением и этнографической средой»*<sup>5</sup>.

В декабре 1959 года вопрос о создании музея деревянного зодчества в Костроме и материалы экспедиций по обследованию области со списком памятников, предназначенных к перевозу, были рассмотрены в Министерстве культуры РСФСР. Предложение Костромской реставрационной мастерской о создании музея нашло поддержку, о чем сообщалось в письме Главного управления культурно-просветительных учреждений Российской Федерации начальнику управления культуры Костромского облисполкома: *«Материалы по выявленным памятникам народного деревянного зодчества Костромской области были рассмотрены комиссией специалистов Министерства культуры РСФСР... Комиссией была отмечена ценность и необходимость проводимой работы и целесообразность обеспечения сохранения наилучших из выявленных памятников. Учитывая указанное, а также имея в виду, что памятники деревянного зодчества, и особенно не состоящие под охраной, находятся под постоянной угрозой частичного и полного уничтожения, Главное управление культурно-просветительных учреждений считает необходимым рекомендовать управлению культуры Костромского облисполкома:*

1. Продолжить выявление памятников народного деревянного зодчества и вывоз ценнейших из них для обеспечения их сохранности и широкого показа при музее-заповеднике б. Ипатьевского монастыря.

2. В целях более целеустремленного проведения работы по выявлению и вывозу ценных памятников народного деревянного зодчества... необходимо разработать план организации так называемого музея народного зодчества под открытым небом, предусматривающий принципы его построения, места и планировку.

... Включить в план работы реставрационной мастерской на 1960 год мероприятия по дальнейшему развертыванию обследования территории области на предмет выявления наиболее ценных деревянных построек, в первую очередь в наименее исследованных районах.

3. Вопрос о перечне подлежащих вывозу памятников, выявленных экспедициями 1958-1959 годов, по нашему мнению, целесообразно решить окончательно после получения данных о результатах обследования других районов и составления вышеупомянутого плана организации музея под открытым небом.

Зам. начальника Главного Управления культурно-просветительных учреждений А. Серегин».<sup>6</sup>





Итог реставрации дома Лоховой.

\*\*\*

В Костроме создается комиссия по выбору участка для музея деревянного зодчества с участием заместителя председателя облисполкома М.С. Осипенковой. Было предложено несколько вариантов будущей территории музея: – берег озера в Некрасове и прилегающая к нему территория; – район сельхозвыставки; – земли, прилегающие к северной стене Ипатьевского монастыря, между церковью Иоанна Богослова, памятником XVII в., и монастырем, с выходом на набережную реки Костромы по Береговой улице. Общая площадь участка вместе с монастырем составляла 9 га.

Комиссия указывает следующие аргументы выбора третьего участка: – музей деревянного зодчества и памятники монастыря составят единый музейный комплекс, удобный для обзора посетителями и эксплуатации; – участок имеет хорошие геологические условия; озеленен многолетними деревьями: березами, липами, дубами, лиственницами; – создаваемый комплекс построек МДЗ и монастыря, церковь Иоанна Богослова, необычайно выразительных по архитектурно-художественному образу, обогатит городскую застройку и станет композиционным центром Заречной части Костромы.

Недостатком выбранной территории являлось то, что размещение объектов деревянного зодчества связано со сносом жилых и хозяйственных построек начала XX века: монастырского сарая-каретника, двух жилых двухэтажных домов и деревянного здания, построенного в 1913

году к празднованию 300-летия Дома Романовых и предназначавшегося для почетных гостей.

3 мая 1960 года исполком облсовета принимает решение «О создании музея народного деревянного зодчества при историко-архитектурном заповеднике бывшем Ипатьевском монастыре». На основании представленных областным управлением культуры материалов по отбору памятников народного зодчества области и рекомендацией Министерства культуры РСФСР, исполком облсовета постановил:

*«1. Организовать музей народного деревянного зодчества под открытым небом при историко-архитектурном заповеднике бывшем Ипатьевском монастыре с размещением в нем наиболее ценных образцов народной архитектуры Костромской области.*

*2. Выделить в охранной зоне бывшего Ипатьевского монастыря участок площадью 3 га под музей народного деревянного зодчества со сносом имеющейся на участке застройки, в том числе на 1960 г согласно приложения №1.*

*3. Утвердить представленный общий генплан историко-архитектурного музея-заповедника всего на площади 9,5 га, включая территорию бывшего Ипатьевского монастыря, церковь Иоанна Богослова и участок музея деревянного зодчества.*

*4. Утвердить перечень памятников народной архитектуры для переноса на территорию музея в 1960 году. Председатель облисполкома Баранов»<sup>7</sup>.*

Для музея был выделен участок земли, примыкающий к северной стене Ипатьевского монастыря с выходом на набережную реки Костромы, ограниченный улицами Клубной, Просвещения и Береговой. Отвод земельного участка под музей был оформлен решением городского Исполкома депутатов трудящихся за № 608 от 16 мая 1960 г.

Проект первого генерального плана музея был разработан архитекторами КСНРПМ: авторы проекта генплана – главный архитектор К.Г. Тороп, архитектор И. Ш. Шевелев. Генплан музея был представлен на рассмотрение в Министерство культуры РСФСР и, в основном, одобрен. «Генплан являлся общей основой для размещения перевозимых памятников и будет уточняться по мере отбора и переноса экспонатов. На территории музея будут размещены крестьянские жилые дома, характерные для различных районов области с хозяйственными постройками – амбарами, колодцами, овинами и другими малыми формами ... В целях создания наилучших условий осмотра экспонатов и раскрытия наибольшего количества выгодных перспектив на Ипатьевский монастырь и церковь Иоанна Богослова принят принцип свободной планировки с групповым



*размещением экспонатов. Подбор объектов для музея деревянного зодчества исходит из оценки индивидуальных качеств памятников, на основе их композиционной, конструктивной и декоративно-художественной характеристики. Группировку объектов по этнографическому принципу мастерская считает нецелесообразным для конкретных условий, в силу специфики распространения различных типов жилья на территории области и небольшого масштаба создаваемого музея»<sup>8</sup>.*

Освоение территории предлагалось разбить на 2 очереди и перспективный резерв. « 1-я очередь – 1960-1962 годы – рассчитана на перенос уже выявленных памятников архитектуры: церковь Собора Богородицы XVII в., с. Холм Галичского района; мельница-толчея на избушке из деревни Малое Токарево Солигаличского района, конец XIX века; дом Ципелевой из деревни Аристиха Шарьинского района, середина XIX века. Для размещения этих сооружений необходимо было снести 3 одноэтажных дома и бывший монастырский каретник. На 2-ю очередь намечалось перенести: дом Скрябиной из деревни Худобино Вохомского района; – ворота из деревни Юрьево Вохомского района; дом Орловой из села Пыщуг. При строительстве объектов сносится 2 жилых одноэтажных дома. На 3-ю очередь намечено было перевести: дом Скобелкина из деревни Стрельниково Костромского района, XVIII в.; две ветряные мельницы из деревень Германов Починок и Разливное Солигаличского района; дом из Солигаличского района с хозпостройками. При сооружении объектов сносится деревянное одноэтажное здание детских яслей и пять жилых домов.

Остальная территория является резервной. По мере выявления объектов и привязки их будет определяться детальное размещение построек и соответствующий снос.»<sup>9</sup>

\*\*\*

Это намечалось, а в действительности в период с 1959 по 1966 годы в музей на территорию в Богословской слободе были перевезены следующие постройки:

- церковь Собора Богородицы XVII в. из села Холм Галичского района, древнейший памятник культового зодчества Костромского края. Автор проекта реставрации известный архитектор А. В. Ополовников. Реставрация проходила в 1960-1962 годах;

- дом Ершова, 60-е годы XIX в., из деревни Портюг Межевского района. Автор реставрации И. Ш. Шевелев. Реставрационные работы проведены в 1960-1962 гг. Дом принадлежал зажиточным крестьянам Ершовым. Дом являлся двухрядной постройкой, в музей перевезена часть



Мельница из д. Германов Починок. 1969 год.

дома: летняя изба, сеник, мост. Функциональное назначение построек было изменено: летняя изба экспонируется как зимняя, сеник – как летняя горница. Как отмечала К.Г. Тороп, перенос фрагментарно уцелевшего дома Ершова не может приниматься за образец, т.к. дом не сохранил первоначального объема планировки. При переносе дома не была также сохранена и зафиксирована планировка усадьбы и сооружений, стоявших на территории усадьбы.

- Ветряная мельница-толчея на избушке. Конец XIX в., деревня Малое Токарево Солигаличского района. Перевезена в 1962-1963 гг.

- Овин. Конец XIX в., деревня Пустынь Костромского района. Автор проектов реставрации В.С. Шапошников.

Размещение объектов на территории музея корректировалось на месте и в генплан вносились существенные изменения. Сборку памятников осуществляла бригада плотников КСНРПМ: С. И. Титов, И.Н. Петров, И. Ф. Каргин, П. Ф. Каргин, А. П. Быров, И. Д. Орехов, К. Плетнев, К. Лазарев, Д. Максимов. Пластинку лемеха с именами плотников, работавших в 1960-е гг., обнаружили во время реставрационных работ плотники «Костромареставрации» в мае 2007 г. при замене лемеха глав церкви. (Лемех с именами плотников хранится в фонде КАЭМ, передан В.А. Чапыгиным).

В 1966 году этот участок музея принял первых посетителей. Экспозиции в памятниках были созданы и построены заведующей историческим отделом музея-заповедника Н. Н. Яблоковой и научными сотрудниками отдела. В 1966-1967 годах вести дальнейшее комплектование музея на отведенной территории со сносом жилых домов оказалось невозможным. В связи со строительством автопешеходного моста через реку Волгу требовалось предоставить большое количество квартир жителям сносимых домов. Освобождение территории под музей было приостановлено, а единственно свободный участок на углу улиц Просвещения и Клубной был передан горисполкомом для расширения участка школы № 10 при ее реконструкции. На этот участок планировалось перенести деревянную церковь начала XVIII века из села Фоминского Костромского района.



Встал вопрос об отводе новой территории. Решением горисполкома депутатов трудящихся № 838 от 26.12. 1966 г. под музей был выделен участок земли в зоне отдыха, прилегающий к комплексу построек Ипатьевского монастыря с южной стороны, площадью около 20 га. Границами отведенного участка являлись: с востока – гидрозащитная дамба от реки Костромы, с севера – монастырская стена, с запада – грунтовая дорога на гравийные причалы, с юга – условная линия, параллельная южной стене Ипатьевского монастыря. Территория имеет спокойный рельеф с общим понижением к югу и несколькими местными повышениями, изрезана петляющим руслом речки Игуменки, являлась достаточно удобной и просторной, позволяющей разместить объекты свободно и живописно. Основным недостатком отведенного участка является довольно высокий уровень грунтовых вод, наличие заболоченных поверхностными водами мест.

\*\*\*

С 1966 года началась работа над новым вариантом генплана. Планировка новой территории осуществлялась по следующим принципам:

1. Группы построек и отдельно стоящие здания вписываются в окружающий пейзаж и организуют комплексы, соподчиненные между собой.

2. Внутри комплекса, вывозимого из определенной географической зоны области, сохраняются все характерные для него особенности.

Авторы генплана настаивали на комплектовании по принципу архитектурного музея, означающего, что при отборе того или иного объекта для переноса на территорию музея принимается во внимание и оценивается в первую очередь его архитектурно-художественные качества и типичность или наоборот оригинальность конструктивного или технологического решения. Музей-заповедник предлагал совместить архитектурный и этнографический принципы при разработке концепции музея. Предложение музея-заповедника основывалось на том, что Костромская область является неоднородной в этнокультурном плане; на ее территории сложились несколько историко-культурных зон, что предопределяет распространенный принцип создания музея по секторам.

### ***Северо-восточной деревни Костромской губернии:***

- усадьба с замкнутыми дворами из деревни Одогово Вохомского района; курная изба с расписным интерьером, двором и амбаром из д. Мухино Семеновского с/с; магазина – общественный амбар; церковный сарай села Кожегово; модель «Беляны» в Шарьинской сплавной конторе;



канатный паром через Ветлугу; планировалось показать процесс коллективного пивоварения; смолокурения.

### ***Юго-восточной деревни Костромской губернии:***

- д. Серова из деревни Мытищи или Липатова из деревни Кобылино Макарьевского района; изба с двором из деревни Яблонное Сокольского района Ивановской области; изба-гончара из деревни Варганиха Варнавинского уезда; изба-ложкаря из Ковернинского уезда;

- ветряная мельница-шатровка; колодец с большим колесом и крытым навесом; павильон для показа домовой резьбы Зиринова и других мастеров.

### ***Северо-западной деревни Костромской губернии:***

- усадьба крестьянина-отходника-питерщика; церковь Илии Пророка из села Верхний Березовец, XVIII в. ; церковь Ефрема Сирина из села Ефремье Ширь, XVIII в. Парфеньевского района;

- колодец с журавлем; рига с крытым током; амбар; ветряная мельница-столбовка; – изба-рыбака с рыболовными принадлежностями; планировалось показать кружевной промысел, солеварение, известковый промысел, грибоварение.

### ***Юго-западной деревни Костромской губернии:***

- церковь Спаса из села Фоминское; дом Скобелкина с мастерской корзиноплетения; овин из деревни Пустынь; курная баня на сваях; – дом-мастерская шапочника; мастерская красносельского ювелира; – кузница; – льнозавод первичной обработки льна.<sup>10</sup>

*Однако это предложение не получило поддержку. «Компановка музея по чисто этнографическим принципам невозможна по той причине, что особенности, определяющие тот или иной характер зданий, тип жилья или хозяйственных построек, выявляются не только в отдельных зданиях, но и в расположении и планировке селения в целом ... Отдельные постройки, перенесенные на территорию музея, не могут выступать в прежнем качестве, особенно если во главу угла будет ставиться этнографическая сторона. Другое дело – архитектурно-художественная характеристика объекта, которая продолжает звучать даже в другом окружении»<sup>11</sup>.*



Авторы генплана считали, что архитектурное направление для музея вполне оправдано: нецелесообразно расходовать значительные средства на приобретение и перенос зачастую из труднодоступных глубинных районов рядовых построек, имеющих малую художественную ценность, только для размещения в них бытовых предметов и утвари или ремесленного инвентаря. Как образец приводился дом Скобелкина из д. Стрельниково Костромского района, когда в одном сооружении сочетаются незаурядные архитектурно-художественные качества и ремесленное направление – плетение изделий из ивняка, которым занимался хозяин. Впоследствии было принято решение создавать архитектурно-этнографический музей, позволяющий наиболее полно показать народную культуру Костромского Поволжья.

\*\*\*

Экспозиция музея-заповедника представлена в виде селения с наиболее древней рядовой планировкой. Жилые дома и хозяйственные постройки представляют комплексы крестьянских усадеб. Все дома ориентированы на речку Игуменку.

Освоение новой территории начинается с реставрации церкви Спаса из села Фоминского Костромского района. Участок для переноса был выбран исходя из условий рельефа и особенностей памятника. В селе Фоминском церковь стояла на высоком берегу реки Андобы. В музее она также размещена на возвышенном месте, у воды, предполагалось, что памятник станет композиционным центром будущего комплекса. В декабре 1968 года церковь промаркировали, раскатали и по зимнему пути перевезли на территорию музея. Автор проекта реставрации архитектор И. Ш. Шевелев вернул постройке ее первоначальный облик.

Памятником, положившим начало формированию жилого комплекса музея, стал дом Ципелевой первой половины XIX века из деревни Аристиха Шарьинского района (как указано выше, изба была выявлена экспедицией КСНРПМ 1958 года и рекомендована к вывозу в музей). Перевезена в 1969 году. Авторы проекта реставрации – архитекторы КСНРПМ В. С. Шапошников, И.Ш. Шевелев. Реставрационные работы проходили в период с 1970 по 1977 годы. Примыкавший к дому двухъярусный двор не сохранился, существующий двор воссоздан по типу местных хозяйственных построек.

В 1968 году на территорию музея была перевезена курная изба Тарасова первой половины XIX века из деревни Мухино Вохомского района. Изба была выявлена экспедицией музея-заповедника в 1966 году и, по предложению музея, включена в состав объектов музейного значе-

ния, как образец курной избы, которые к этому времени полностью исчезли на территории области. Эскизный проект реставрации был составлен И. Ш. Шевелевым. Автор проекта реставрации – архитектор КСНРПМ В. С. Шапошников. *«Изба находилась в полуразрушенном состоянии и, кроме того, была капитально перестроена с перекомпановкой местоположения составляющих клеток-срубов, имела растесанные проемы, хозяйственный двор был полностью утрачен. Исследования сохранившихся срубов и устные сведения от владельцев и старожилов деревни позволили установить, что сохранившиеся срубы представляют собой жилую часть избы-двойни: зимнюю избу, где была печь, топившаяся «по-черному», и примыкающую к зимней избе летнюю горницу. Фрагментарно сохранившиеся элементы встроенных предметов интерьера (полатный брус, грядка, залавок), а также сохранившиеся на срубах пазы для их установки позволили воссоздать общий вид и интерьеры избы достаточно достоверно. Воссоздание хозяйственной части избы, где был скотный двор с поветью и другими хозяйственными помещениями, было наиболее сложным, так как в натуре эта часть комплекса полностью отсутствовала. Не сохранились такие важные элементы комплекса как крыльцо и ворота. Было принято решение выполнить докомпановку недостающих элементов по аналогам. Амбар-житница сохранился без переделок в своем первоначальном виде. Реставрация избы продолжалась длительное время. В 1971 году закончена сборка и реставрация амбара, а в целом, объект – комплекс курной избы был сдан музею 23 июня 1980 года»*<sup>12</sup>.

В 1968 году в музей перевезли мельницы: водяную – II половины XIX в., из деревни Нюрюг Шарьинского района, выявленную в 1966 году экспедицией КСНРПМ под руководством К. Г. Тороп и установленную в заводи речки Игуменки. Мельница была на два постава, механизм, приводимый в движение водяным колесом, находился в рабочем состоянии. Автор проекта реставрации – архитектор КСНРПМ В. С. Шапошников. В 1995 году, в связи с аварийным состоянием, мельница была разобрана для производства ремонтно-реставрационных работ, которые так и не были начаты.

Две ветряные мельницы на столбах, рубленные из сосновых брусьев (II половины XIX века – первой трети XX века), зафиксированные экспедициями Костромской реставрационной мастерской, вывезены из деревень Германов Починок и Разливное Солигаличского района, реставрированы по проекту архитектора КСНРПМ В. С. Шапошникова в 1969 году. Ценность этих построек, как чисто производственных, в своеобразном инженерном решении, использовании самодельных деревянных механизмов и различных хитроумных приспособлений. Часовни, срубленные в XIX в, ярусного ( Шарьинский р-н, д. Притыкино), шатро-



вого (Солигаличский р-н, д.Большое Токарево), клетского (Чухломской р-н, д. Юркино) типов, выявлены экспедициями КСНРПМ в 1958 – 1966 годах. Перевезены на территорию музея в 1969 году, реставрированы по проекту архитекторов КСНРПМ И. Ш. Шевелева и В. С. Шапошникова в течение 1969-1970-х годов. Размещенные так, как они стояли на местности: в центре, при въезде в деревню, в роще у дороги, эти постройки помогли воссоздать естественный для небольших северных деревень архитектурный образ селения.

В 1970-е годы на территорию музея было перевезено пять памятников культового, жилого и хозяйственного назначения. Среди них известная убранством интерьеров церковь Ильи Пророка, XVIII века, из села Верхний Березовец Солигаличского района. Осмотревшие в 1966 году храм архитекторы КСНРПМ К. Г. Тороп, Л. С. Васильев, художник-реставратор А. В. Кильдышев отмечали: *«Особый интерес представляет Ильинская церковь. Почти все убранство сохранилось в неприкосновенности (иконостас, расписное «небо», тьябла с иконами на южной, северной и западной стенах четверика), поэтому интерьер производит сильное впечатление. Существенных утрат в иконостасе нет, за исключением праздничного ряда...»*<sup>13</sup>. В 1970 году церковь была перевезена в музей, поставлена на просторном участке с перспективой создания на этом месте сельской площади, реставрирована по проекту архитектора В.С. Шапошникова в 1970-1977 годах. При реставрации воссозданы паперть и железные кровельные покрытия конца XIX века. Живопись и резьба в интерьере храма реставрированы художниками-реставраторами КСНРПМ и резчиками КСНРПМ в 1983-1987 годах.

Ряд жилых построек пополнил дом Аксины Лоховой, II половины XIX века из деревни Вашкино бывшего Юрьевецкого уезда Костромской губернии. Характерная для губернии двухрядная постройка с резными причелинами, полотенцем, очельем над красным окном. Хозяйственный двор не сохранился, восстановлен по аналогии. Реставрационные работы проведены по проекту архитектора В. С. Шапошникова в 1973-1977 годах.

\*\*\*

В 1980-е годы продолжается комплектование музея новыми памятниками. Формирование ряда изб по берегу речки Игуменки завершают дом Серова из деревни Мыгищи, 1873 года, и дом Липатова из деревни Журавлево, 1857 года, Макарьевского района. Оба дома срубил известный на Унже плотник и резчик Емельян Степанов Зиринов. *« Архитектурно-художественные приемы, используемые Емельяном Степановым, позволили ему создать необыкновенно стройную и красивую композицию*



плана обычной, по существу, избы поволжского крестьянина. ... Большое дарование этого мастера особенно ярко проявляется в архитектурном оформлении фасада, как дома Уваева (Серова), так еще в большей степени и других домов, построенных ... в соседних селениях, расположенных по берегу притока Волги – реки Унжи»<sup>14</sup>. Дом Серова И.В. Маковецкий характеризует как одно из «выдающихся жилых сооружений в Верхнем Поволжье»<sup>15</sup>. Дом Серова реставрирован по проекту В. С. Шапошникова и Л. П. Матросовой в 1979-1983 годах. Единственная двухэтажная постройка в музее замыкает ряд жилых памятников. Оригинально, но в традициях народной резьбы решенный фронтон дома придает всей постройке торжественный вид. «Исключительно сильное впечатление производит архитектурное решение слухового окна на фронте дома Липатова, представляющее полусферу с созвездием розеток, поддерживаемую четырьмя колоннами»<sup>16</sup>. Автор проекта реставрации дома Липатова – архитектор В.С. Шапошников. Работы проводились в 1982-1983 годах с воссозданием хозяйственного двора.

Со сборкой дома Липатова завершилось формирование архитектурного ансамбля памятников центральной части территории музея, вдоль берега речки Игуменки. Перевоз дома Скобелкина положил начало заполнению северной части территории музея. Дом Скобелкина из деревни Стрельниково Костромского района – наиболее ранний образец народного жилища Костромского края. Известный исследователь народной



архитектуры И. В. Маковецкий датирует постройку серединой XVIII века. Дом перевезен в музей и реставрирован по проекту архитектора В. С. Шапошникова в 1987-1988 годах. Хозяйственный двор, мост, крыльцо были воссозданы заново.

В 1984 году музеем была выделена дополнительная территория 17,5 га, примыкающая к основному участку с западной стороны<sup>17</sup>. На эту территорию была перевезена ветряная шатровая мельница из села Спас Нерехтского района. Памятник был выявлен сотрудниками музея деревянного зодчества. В мельнице помимо механизма, осуществлявшего помол муки, имелись также ступы с пестами для измельчения льняного семени и устройство для выбивания масла. Реставрирована в 1987-1990 годах по проекту архитекторов В. С. Шапошникова, Л. П. Матросовой. (В 2010-х годах мельница была разобрана и перенесена на основную территорию музея). С установкой ветряной мельницы завершается процесс комплектование музея памятниками архитектуры.

\*\*\*

Наиболее интенсивными годами по вывозу построек являются 1968-1970-е годы. В 1980-е годы эта работа несколько замедляется, а с 1988 года прекращается. За последние 25 лет в музей перевезен только один памятник – дом Тарасова из деревни Мухино-Емское Вохомского района, реставрация его не завершена до настоящего времени.

Для создания музея наряду с известными в России исследователями народной архитектуры много сделали архитекторы КСНРПМ: Калерия Густавовна Тороп, Виктор Михайлович Дворяшин, Иосиф Шефтелевич Шевелев, Вадим Сергеевич Шапошников, Людмила Полиэктовна Матросова и многие другие. Немало сил и энергии, для того, чтобы музей состоялся, затратили директора объединенного историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь», структурным подразделением которого долгие годы являлся музей деревянного зодчества. Это Мария Михайловна Орехова, Виктор Степанович Савин, Анатолий Александрович Шмелев, Владимир Семенович Соболев.

\*\*\*

Летом 1978 года музей деревянного зодчества на территории «Стрелки» принял первых посетителей. Экспозиции в двух жилых избах (дом Ципелева и дом Лоховой) были созданы научными сотрудниками отдела, организованного в 1972 году как структурное подразделение

историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь», С. Д. Масалевой и А.В. Соловьевой. Возглавил отдел Владимир Васильевич Макаров, а затем – Антонина Николаевна Мазерина, опытный руководитель, творческая личность, профессионал своего дела, организовавшая всю работу отдела: собирательскую, экспозиционную, экспедиционную, научно-просветительскую на научной основе. Благодаря такому подходу музею удавалось выполнять свою основную задачу – сохранять, изучать народную культуру и через музейные формы знакомить с ней посетителей. Для создания этнографических экспозиций в памятниках музея, воссоздания подлинных интерьеров в соответствии с назначением построек и различных выставок необходимо было достаточное количество музейных предметов – орудий крестьянского труда, утвари, предметов быта и т. п. Данной группы материалов в фондах объединенного музея было недостаточно. В период с 1960 по 1993 годы было организовано более 70 экспедиций в различные районы области с целью выявления этнографического материала. Первоначально сбором занимался исторический отдел музея-заповедника: Яблокова Н. Н. – заведующая отделом, Е. Муравьева, М. А. Шахова – научные сотрудники. С 1972 года в собирательскую работу активно включились сотрудники созданного отдела – музея деревянного зодчества А.Н. Мазерина (заведующая музеем), С.Д. Масалева, А.В. Соловьева, С. М. Гусева, а также активно собирали предметы народной культуры С.С. Каткова, заведующая отделом древнерусского и народно-прикладного искусства, С. С. Галенкова, сотрудник этого отдела. Предметы, собранные в экспедициях, наполнили и обогатили интерьерные экспозиции и выставочные помещения музея.

\*\*\*

К сожалению, в 1990-е годы, в то время, когда музей деревянного зодчества ещё являлся структурным подразделением объединенного историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь», произошли значительные утраты памятников, перевезённых на его территорию. В 1993 году сгорела мельница-толчея на избушке из деревни Малое Токарево Солигаличского района. В 1995 году была разобрана, в связи с аварийным состоянием, водяная мельница из деревни Нюрюг Шарьинского района, строение XIX века. Из-за отсутствия финансирования реставрационных работ она так и не была вновь собрана. А в 2002 году сгорела церковь Преображения Господня начала XVIII века, уникальная культовая постройка на сваях из села Спас-Вежи, что находилась на территории монастырского двора.



И сегодня у Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода» также много нерешенных проблем с финансированием реставрационных работ, в которых нуждаются уже почти все его памятники. Сохранение и реставрация находящихся на территории музея-заповедника жемчужин народного зодчества Костромского края, воплотивших в себе не только уникальные строительные приемы, но и мировосприятие и национальную культуру народа, невозможно, надо это признать, без государственной поддержки на самом высоком уровне.



Водяная мельница из д. Нюрюг после реставрации. 1982 год.

### Примечания

1. ГАКО. Ф. р-838 оп. 1 д. 195
2. Забелло С. Я. Костромская экспедиция. Архитектурное наследство. Вып. 5, М., 1955.
3. Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества Вехнего Поволжья. Москва. Академия Наук СССР, 1952, с. 4,5.
4. Архив КСНРПМ. Материалы экспедиции в Шарьинский, Пыщугский, Вохомский, Павинский районы в верховьях реки Ветлуги и по ее притокам. 14.07. -14.08.58 г.



5. Архив КСНРПМ. Тороп К. Г. Пояснительная записка к плановому заданию на составление проекта планировки музея народного деревянного зодчества в Костроме.
6. Архив КСНРПМ. Письмо Главного управления культурно-просветительных учреждений Российской Федерации № ОП-641 от 31 декабря 1959 г.
7. Решение Исполкома областного Совета «О создании музея народного деревянного зодчества при историко-архитектурном заповеднике бывшего Ипатьевского монастыря» № 387 от 3 мая 1960 г. Решение Костромского горисполкома № 608 от 16.05.60 г. «Об отводе Костромскому областному Управлению культуры» земельного участка для создания музея народной архитектуры и быта (в Трудовой слободе площадью 3,5 га).
8. Письмо К.Г. Тороп, главного архитектора КСНРПМ заместителю начальника управления культпросветучреждений Министерства Культуры РСФСР от 24.03.62 г.).
9. Архив КСНРПМ. Пояснительная записка к проекту музея народного деревянного зодчества.
10. Архив КСНРПМ. Предложения историко-архитектурного музея-заповедника к генплану музея деревянного зодчества.
11. Архив КСНРПМ. К.Г. Тороп. Пояснительная записка к генплану музея народного деревянного зодчества 15-26.08.1966.
12. Архив КСНРПМ. Тороп К. Г. Отчет о воссоздании курной избы из деревни Мухино Вохомского района Костромской области на территории музея народной архитектуры и быта. 1983 г.
13. Архив КСНРПМ. Отчет о работе экспедиции по обследованию Судиславского, Галичского, Чухломского, Солигаличского районов Костромской области с целью выявления памятников архитектуры народного зодчества, произведений искусства и предметов быта 15-26.08.1966.
14. Маковецкий И. В. Памятники народного зодчества Верхнего Поволжья, Москва, 1952, с. 15.
15. Указ. соч., с.13
16. Указ. соч., с.16.
17. Архив КАЭЛМЗ. Решение Исполкома Областного Совета «Об отводе земли 17,5 га для МДЗ» № 426 от 13.11.84 г.





Выезд в с. Коряково Костромского района.  
Сотрудники музея (слева направо):  
М. А. Шахова, С. Д. Масалёва, А. Н. Мазерина,  
зав. музеем деревянного зодчества,  
Н. Н. Яблокова, заведующая историческим  
отделом. 1975 год.

### *История музея в воспоминаниях*

**А. Н. МАЗЕРИНА,**

*заведующая Костромским музеем деревянного зодчества  
в 1970-1980-е годы*

### «А ВОЙДЁШЬ В ГОРУ – ВСЁ СНОВА ХОРОШО...»

Об истории села Двою-Никола, о родных местах, о здешних праздниках и обрядах, о традициях, когда всем миром выходили на сенокос и жатву, на пашню и молотьбу, рассказывала мне моя мама.

Хорошо помню два ряда домов, смотрящих своими окнами друг на друга, и церковь в руинах. Мамина сестра Ольга вспоминала своё любимое село так: «Вот работаешь, работаешь – целый день косишь осоку по колено в воде, сил уже нет, а войдёшь в гору – всё снова хорошо, усталости как ни бывало!». И церкви здесь издавна строились, деревянные сменяли одна другую. Сохранилось предание, что последняя деревянная церковь сгорела от «огненного запаления», то есть от молнии, и была она в честь Николая Угодника, любимого в этих местах святого, не случайно и село называлось Николами. В деревне неподалёку (Шишкине) с высокого берега Шачи уронило в омут во время бури Никольскую деревянную

церковь. Барин приказал перенести её в село Николы. После этого появилось село с новым названием Двою-Николы. А уже много времени спустя была построена каменная церковь. Но во времена повсеместного гонения на Церковь её разрушили. Сначала на глазах у всех жителей села сбросили с колокольни на землю колокола. Об этом акте в народе говорили так: «Когда “татарева” сбрасывали колокола, вся деревня плакала». И неважно, татары это были или кто другой – всё равно что иноверцы. Это стало потрясающей трагедией для всех.

Предки наши знали, где селиться. Здесь удобное место для жизни: из-под горы в овражек вытекал весёлый ручеёк чистой прохладной воды. Поповым ключиком его называли, потому что находился он под горой на уровне церкви. А позднее, когда разрушили церковь, стали звать его по имени моей бабушки Марьиным ключиком, дом её стоял ближе всех других к нему, и жители мимо него ходили на ключ за водой, а свободное пространство на пути к нему называлось Марьиным пустырьём. Спуск с горы использовался в зимнее время для катания на санках, обычно небольшого размера, а в праздники сюда выходила почти вся деревня. Катались на небольшого размера санях – кучей летели вниз с горы – смех, крик, веселье, особенно если сани вдруг опрокидывались! Дети катались и на «козлах»-ледянках – самодельных приспособлениях, состоящих из доски и стояка с ручками, за которые стоя можно было держаться.

Село Двою-Николы Сусанинского района состояло из двух рядов крестьянских домов, смотрящих фасадами друг на друга. Дом моей бабушки Марии Павловны Кудрявцевой стоял в середине ряда, на краю холма (горы). Это типичная постройка из двух изб: передней, летней, и задней, где жили зимой. Они были разделены сенями или мостом. Обе имели печки, ведь летом тоже надо было готовить для семьи пищу. Войти в избы можно было с крыльца, а также через двор – он находился за зимней избой. Она была теплее, и в ней окна были с двойными рамами, да ещё их утепляли. А вот в летней только одни неутеплённые рамы в окнах. В неё переходили жить обычно на Пасху, хоть и холодновато ещё было. Перед этим избу мыли: стены, потолок, лавки, конечно же, пол. Летняя изба была по размеру больше зимней, светлее и чище её. Печь поставлена, как здесь было принято, посреди зала, к ней примыкала деревянная пристройка голбец, в нём – лаз в подполье. У кого не было голбца, лазали в подполье через люк-западню. К весне некоторые продукты уже «задыхались». Так было ещё помещение под холодным неотопливаемым сенником, куда ставили молоко и продукты, которые оставались от зимы – капусту, огурцы и прочее. В летней избе зимой хранили ульи. Таким образом, в казалось бы большом деревенском доме всё устроено рационально, никаких лишних помещений, и всему было своё место. В доме



крёстного рассказчицы летняя изба устроена с горницей, вход в неё был из «упечи». Горницей называли особо чистое помещение, такое, чтобы в нём всё «блестело». В горнице находилось большое, так называемое итальянское окно (такие окна только что входили в моду). А ещё мне запомнился этот дом тем, что хозяева его как раз гнали мёд и велели нам принести по куску хлеба, а потом всю босоногую братию угощали хлебом с мёдом.

Муж Марии Павловны Кудрявцевой, мой дед, был шапошником, отходником – уезжал в Москву на заработки. Семья с четырьмя детьми оставалась на матери. ...

Деревня была людная, жили по старинным дедовским обычаям, работали на полях, косили сено, держали скотину, выращивали овощи в огородах, молились в церкви, а когда её разрушили, приходилось ходить за 17 километров в Сусанино. Все слышали о подвиге Ивана Сусанина, хорошо знали деревню Деревеньки, из которой он происходил, считали почти своим человеком.

В селе Двою-Николы довольно быстро перешли на кожаную обувь: в связи с этим расскажу случай. Начали школьники создавать свой музей. Нужны были для него лапти – обратились к бабушке, которая умела их плести. Девочка просит:

– Бабушка, сплетите, пожалуйста, нам лапти или подарите готовые.

А та ей отвечает:

– Милая, а ты знаешь, какие я лапти-то плету? Для покойников!

– А чем они отличаются?

– Для живых я плету лапоть с носка, ведь ты идёшь носком вперёд, а для мёртвых – с пятки, ведь покойника выносят пятками вперёд.

– Ну, всё равно, продайте...

– Э, милая, если принесёшь к себе домой такие лапти, тебе неприятность будет.

Так ведь и случилось – сразу несколько неприятностей кряду было, так и пришлось побыстрее избавиться от лапотков.

Другая обувь крестьян – поршни (у нас они так назывались). Их плели не из лыка, а из берёзовой коры – бересты. Их носили на жатве, при молотье. Кроме того их быстрее можно снять с ноги и оказаться босой. Грядки копали в поршнях, а также удобно было выйти на двор к скотине. Ещё мастерили специальные, «грязные», поршни.

Я по своему незнанию спросила:

- Гулять в этой обуви не ходили?

- Ну что ты, это всё домашнее! – ответила мне мама.



Экспедиция в Вохомский район.  
А.Н Мазерина, зав. музеем деревянного зодчества с информаторами. 1974 год.

По её мнению, жили все в деревне одинаково бедно. Наверное, малоземелье было главной причиной этого. Не случайно для получения пахотной земли крестьяне должны были освобождать от леса указанный участок. <...>

\* \* \*

В первой половине XX века строительного леса почти не оставалось и даже такую необходимую для жизни постройку, как баня, построить было довольно сложно, потому и мылись в печах. Но, я думаю, причина лежала не только в этом, а в многовековой традиции, тем более что мытьё в печи имело свои преимущества. Автору когда-то довелось попариться в печи и убедиться в этом на опыте. Как же готовили печь к мытью в ней? Утром топили (заметим, что она была достаточно свободная, можно было лечь и сесть в ней). Хорошо обметали верх и низ в печи, а перед мытьём ещё раз выметали сосновым помелом, настилами на «под» – низ, соломы. Если длины печи не хватало, то на шесток приносили ещё настил. Мылись из шаек с одной ручкой на полведра воды (обычно в печи была одна шайка). С собой брали берёзовый веник, мыло, какое было, мочалку или тряпку для мытья. Детей маленьких тоже мыли в печи, а чтобы им было повеселее, приговаривали: «Парь, парь, веник, божья милость. Спи



по ночам, расти по часам! Не слушай, где курицы кокачут, а слушай, где свиньи спят!»

Окачивали водой маленьких ребятешек прямо в печи, или на кухне у печи. Взрослые вымоются из шайки (в ней же веник размокал), выпарятся, домочадцы выльют у них из шайки использованную воду, нальют в неё чистой воды для повторного мытья. Потом вылезают из печи и идут окачиваться на двор (на вымосточку). Потом берут ещё ведро немного подогретой воды, потом ещё ведро. Вытирались дома у печи на соломе, тут стояла скамеечка для чистого и грязного белья. Иногда и при наличии бани крестьяне мылись в печи, особенно после долгой зимней дороги, когда требовалось как следует погреться. Мытьё в бане-печи лечит и очищает организм от шлаков и доставляет большое удовольствие.

Здесь жили по старинным дедовским обычаям даже в первые послевоенные годы – работали на полях, косили сено, ухаживали за скотом, растили овощи на огородах, молились в церкви, сушили и мололи на мельницах хлеб.

За Двою-Николами стояла ветряная мельница-«шатровка». Она работала на силе ветра, а он не всегда был, поэтому приходилось уговаривать мельника. Обычно был ответ: «Ветер будет – смелю». Человеку, пришедшему на мельницу, интересно было посмотреть, как она устроена внутри. При взгляде вверх поражало воображение устройство этого инженерного, построенного неграмотными крестьянами сооружения. Вверх был устремлён огромного диаметра вал, в верхней части которого был встроен горизонтальный вал с насаженными на него под углом махами-крыльями. Ветер, попадая на махи, вращал, вертикальную громадину основного столба, а затем движение передавалось от вала при помощи встроенной шестерни на жернова, которые и мололи зерно в муку. В шатровой мельнице с помощью воротила (специального устройства из двух жердей) поворачивали на ветер не весь остов мельницы, а только её верхнюю часть, называемую местными жителями «колпаком». Это было довольно трудным делом, и осуществлялось оно обычно двумя-тремя человеками. Шатровая мельница украшала сельский пейзаж, она была похожа на сказочного великана.

Да и сейчас пожилые люди помнят о мельницах. О «шатровках» любили петь частушки:

Мелет мельница-шатровка  
Насупротив ветерка,  
Рассердился, не садился  
Все четыре вечерка.

Складывали о них пословицы и поговорки: «Мельник богат шумом», «Пустая мельница без толку мелет»...

Шатровую мельницу нельзя было даже ночью оставить без присмотра, так как ветер мог перемениться и поломать крылья. Останавливали крылья толстым канатом, отворачивали от ветра. В сильный ветер хозяин не молот. Владел мельницей обычно один человек, и мельников, мы знаем, часто раскулачивали.

В округе было несколько мельниц. В деревне Пески устроена шестикрылая толкуша – овёс толкли на муку. В ней были песты и ступы. Водяная мельница в деревне под Яхноболо (на яхнобольском лугу). В ней обдирали зерно и мололи муку. Иногда двою-никовские жители ездили туда, особенно когда не было ветра и наш хозяин не брался молоть.

До образования колхозов была в деревне Борисовское паровая мельница, но считали, что мука с неё хуже, чем с ветряной – крупнее и жёстче. Смолоть зерно в муку – это ещё половина дела. Вначале его надо на земле вырастить, сжать (раньше это делалось вручную серпами), связать в снопы, высушить их в овине.

Овины в Двою-Николах были с ямами и без ям, но с печками. У Марии Павловны был овин с ямой. Надёнке было 12 лет, когда она видела, как топили его. А топили специально заготовленными дровами-овинниками. Так и говорили: «Поедем за овинниками, овинники заготавливать». Рубили осину, ёлку, берёзу, сосну. Ёлка хоть и сильно трещит, давая искры, но всё равно рубили. На откупленном участке заготавливали одновременно и дрова, и овинники. На лошадях привозили и складывали у овина. Топили и пнями, когда раскорчёвывали лесные участки под пашню (это в первые годы в колхозе выжигали лес для посевов).

Топят овин обычно ночью, чтобы наутро люди, встав, шли молотить или лён мять, если просыхал лён, или околачивать снопы. Кладут дрова костром. Непростым делом была и насадка овина. Снопы устанавливались на жерди-колосники, между которыми оставлялись щели для лучшего доступа воздуха. Насаживают сразу два ряда – первый ряд ставится на колосники весь кверху колосом (все снопы стоят прямо). На полке у овинного окошка стоит человек, в овине наверху ещё один, ему помогает человек, да с ладони подаёт один, итого овин «насаживают» четыре человека. Иногда снопы подают с телеги, иногда поддевают сложенные под полку специально сделанной «рогаткой» – палкой с деревянным, чтоб не уколется, гвоздём. Даже эту работу старались выполнять «всем миром», кричат, бывало: «Надёнка, пойдём снопы перекидывать!»

Возили их в специальных сноповозных телегах-ондрцах. В овин убиралось по четыре ондрца, а на ондрец нагружали четыре суслона



по 40 снопов каждый. В деревне всё поддавалось расчёту. С появлением колхозов здесь возникло понятие «рига». Но любопытно, что ригой здесь называли тот же овин, только бóльшего размера.

Повествуя об овинах, нельзя не рассказать о ладонях, в других районах их называли то́ком, здесь же нет, хотя со словом «ток» мы встретимся, и оно тоже имеет отношение к обработке зерна. Ладонь начинали делать с простой вспашки участка, выделенного под неё, а находилась она обязательно впереди овина. Овин и ладонь – на краю гумна за домом. После вспашки всё выбрасывали на стороны, образуя берега. Глиной в отличие от некоторых других районов здесь не обмазывали, укатывали катками. За ладонью – очень важным звеном трудовой деятельности – крестьяне тщательно ухаживали. Её каждый год скоблили согнутыми косами, чистили, поливая водой. После этого она блестела – можно было молотить. Яровое молотили лошадьми, она возила валик, который и обмолачивал, на сиденье был человек, управлявший лошастью.

Молотили и вручную молотилом. Оно представляло собой длинную палку, к ней было прикреплено сыромятным ремнём короткое молотило, кожа обёртывала обе палки, и молотило при работе не закручивалось.

Для молотьбы снопы укладывали на ладони чуть внахлёстку, меньше четырёх человек не молотило.

Во время молотьбы на ладони требовалось достаточно много разного инвентаря: молотил – штук 6 или 8, топор или серп для рубки поясков, мётлы из берёзовых прутьев с длинным черенком, грабли – штук 6 и специальные мешки (их делали пошире – из двух полотнищ). Перед помолом крестьяне зерно подсеивали решетом: рожь – мелким, пшеницу или ячмень – более крупным, и молоть увозили не сразу всё, а мешка три, четыре, остальное позже.

На мельнице мешки с зерном заносили внутрь, мельник взвешивал и брал за работу гарцевый сбор (например, по 1 кг с мешка). Всё это было достаточно тяжело. Не зря наша рассказчица вспоминала: «Как это всё было плохо». Особенно если учесть, что труд в нашей «бабьей стороне» был в основном женский.

Мельницы поражали воображение крестьян своим устройством и мощностью, о них долго вспоминали. И вот такое «воспоминание» мы встретили в 1984 году в деревне Сельцо Нерехтского района – частную небольшую меленку шатрового типа. Хозяин сказал, что она ещё не закончена (да это и так было видно), но обязательно будет выстроена, «ибо велика тяга человека сделать что-то необычное, чего сейчас уже нет, но что поражает твоё воображение».

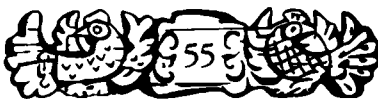


Наверное, эта «великая тяга» сама искала и нашла себе союзников, чтобы сохранить на Костромской земле хотя бы память о величии души и таланта наших предков.

К 70-м годам XX века – начальному периоду моей работы в Костромском музее деревянного зодчества, уже было перенесено на музейную территорию из различных районов области несколько изб, церквей, часовен, хозяйственных построек. В частности, многим известная церковь Спаса-Преображения из села Спас-Вежи и церковь Собора Богородицы из с. Холм Галичского района, они реставрированы по проектам маститых московских архитекторов Б. В. Гнедовского и А. В. Ополовникова. Первая была поставлена для сохранения в Ипатьевском монастыре, вторая – на первом, очень небольшом участке в Трудовой слободе, напротив монастыря. Сюда же перенесли и дом Ершова из Межевского района, и овин из Костромского. К сожалению, тогда не было ещё генерального плана нового музея или какого-либо обсуждения его, и ставили памятники там, где считали нужным архитекторы, а точнее даже, где отводился какой-то земельный участок. Бывший директор областного краеведческого музея с её «пробивными» способностями, Мария Михайловна Орехова, сумела получить первый земельный участок, и музей сохранил ценнейшие памятники деревянного зодчества. К счастью, на первом этапе много работал с памятниками деревянного зодчества архитектор И. Ш. Шевелёв. Он ездил в экспедиции, обследовал указанные объекты, руководил их перевозкой, определял места их установки в музее-заповеднике.

Отдельный разговор о «начинке» деревянных построек, собранных на сравнительно небольшом участке по берегам речки Игуменки. Ещё в 1974 году сотрудники отдела деревянного зодчества музея интенсивно изучали литературу по архитектуре Севера, архивные материалы, совершали выезды в различные районы области. Экспедиции эти были с целью сбора сведений и экспонатов в соответствии с перенесёнными памятниками. В одной из первых экспедиций по Вохомскому району мы собрали и перевезли в музей целую грузовую машину крестьянских вещей – стало чем оборудовать «чёрную» или курную избу, и житницу, и постройки, перенесённые из этого района и даже из родной их деревни. Были ещё живы тогда их хозяева, и мы записывали их рассказы.

Территория, куда позже переносились памятники – район речки Игуменки, имела далеко не экспозиционный вид. Поэтому нужно было организовать вырубку «сорного» кустарника, чистку водоёмов, подсыпку на дороге тонкого слоя песка, чтобы создать видимость дороги на деревенской улице. Поэтому приходилось стоять и наблюдать за выполнением



работ, даже считать машины, привозившие песок или землю. Постепенно музейную деревенскую улицу заселили новые жильцы-памятники деревянного зодчества из разных районов области. Чтобы их подготовить к показу туристам и жителям города, нужно было срочно выезжать в новые экспедиции для сбора сведений и экспонатов по материальной и духовной культуре костромских крестьян. Всё собранное документировалось и сдавалось в фонды музея.

К 1978 году сотрудников музея деревянного зодчества стало четверо: С. Д. Масалёва, А. Н. Мазерина, С. М. Гусева и А. В. Соловьёва. Теперь стало возможным одному сотруднику заниматься сбором фольклора, записью обрядов, песен, кадрилей на магнитофонную ленту. Так, в деревне Башутино был записан современный обряд золотой свадьбы.

Мы побывали практически во всех районах нашей области, и собранные устные сведения и экспонаты позволили отобразить разные темы, которые были бы интересны посетителям экспозиции музея под открытым небом.

Избу из Вохомского района мы так и показывали как чёрную избу (она и была на месте, где раньше стояла, курной или «чёрной»). В ней прекрасно смотрелись на фоне чёрных «прокопчённых» стен и потолка красивые крестьянские вещи. Через зелёную луговину встала другая изба из могучих сосновых деревьев, привезённая из деревни Аристихи Шарьинского района. В ней во всех подробностях интересно и достоверно показан гончарный промысел (автор проекта – С. Д. Масалёва). Рядом встала изба из деревни Вашкино, маленькая, уютная, с резьбой на фронтоне...

Весьма важным событием в жизни музея была впервые у нас проведённая в 1980 году «Ярмарка ремёсел». К этому времени у музея сложились творческие отношения с ремесленниками. Мастерами края положено было начало традиционным праздникам народных промыслов. Издан первый «Путеводитель по музею деревянного зодчества», был создан при музее фольклорный коллектив «Берегиня» (от слов беречь, оберегать старину) под руководством С. М. Гусевой. Первые костюмы для него мы сшили сами из крашеной в синий цвет бортовки и красного плакатного материала, имеющегося на складе и ждущего своего применения. Тем не менее, этнографическая точность народного костюма получила высокую оценку приехавших на праздник московских специалистов.

Эти праздники и поездки в экспедиции, наверное, самое яркое, что вспоминается из истории Костромского музея деревянного зодчества.

2010 год.

*Из архива экспедиций*

## НЕЙСКИЙ И ПАРФЕНЬЕВСКИЙ РАЙОНЫ

Из дневников *А.Н. МАЗЕРИНОЙ*

*«Записи рассказов и наблюдений  
по темам деревянного зодчества».*

1979 год

20.07. 1979 г.

### Новая деревня

Эта деревня организовалась в 1929 г. Жители переехали сюда с Коткиша и создали колхоз. Обратили внимание на колодцы-журавли. Верх срубов выполнен из толстых досок. Остроумное приспособление – ключ, закрепляющий ведро на оцепе. Он кованый и встречался нам не однажды. Плотники здесь работали с Николо-Поломы, приходили и матвеевские. Население кроме земледелия занимается портняжным промыслом и пимокатным (по-мест. *тимы* – валенки). Сведения записаны со слов Павла Ивановича Смирнова, ему 78 лет.

Купили у него пестер для ношения грибов и ягод. Он сплетен из бересты и лыка. *«Заплетал лыком, ковырял берестом – в две стенки».* Выучился этому мастерству, когда ему было 25 лет, у старичка, местного жителя. Бересту драли в сенокос – конец июня – до августа. Из бересты плели ступни (поршни) для сенокоса.

По дороге в Нею (обратный путь от Новой деревни) проходили мимо бывшего т.н. подсобного хозяйства. Сохранилось несколько домов. Тут когда-то был хутор. Заинтересовал один из них. Он принадлежал местному богатею. Передняя часть дома и глухое крыльцо срублены «в лапу». Рубка домов «в лапу» в Нейском районе встречается часто, но, как правило, постройки такие позднего происхождения. Дом этот с перерубом.

21.07. 79 г.

### Село Вожерово

Посреди села стоит деревянная церковь. *«Строили её в основном матвеевские плотники. Они славились».*



Усадьба. Земельный участок в полгектара (это до коллективизации). Вместе с домом – двор. Сарай для льна стоял отдельно. Мякинщица. Клеть – под зерно. Овин верховой. Подгумно-молотильный ток. В хозяйстве было две коровы, лошадь, овечки (две овечки обязательно)...

### Деревня Борисово

Сохранилось всего лишь шесть домов. Кроме одного все заброшены и разорены. Дома с прирубом. По-видимому, как и в Кологриве, тоже работали парфеньевские плотники.

### Деревня Марьино

Дом Нины Ивановны Кремень, 64 года.

По сообщению Н.И. Кремень дом построен в 1921 году. Строили матвеевские плотники. *«Славились, лучше их никто не строил. Рядились за хлеб – время было голодное».*

### Деревня Семеново

**Рассказал Баринов Енуарий Гаврилович, 1908 г. рожд. (71 год):**  
*«Лес рубили до соку, чтобы крепкий был. Разрешалось рубить там, где шло расширение полей. Свой дом рубил в 1934 г. Рубили лес до сенокосу, в июне, до 25 июня. Часто новину рубили, все подряд. Новину срубив, сушишь. Зажигали, чтобы горели сучья. Потом на горине сеяли пшеницу.*

*Крыши домов часто крыли соломой, устраивали их на куреях (курицы), т.к. было плохо с гвоздями. Использовали курей, жерди. У дома – придел – под ним амбар. Есть повить. Кроме нее для сена есть сарай».*

*Об овине. «Ямы не рыли, позднее стали делать печки. Плотники приходили из села Матвеева».*

### Село Троице-Солтаново

Село это находится южнее Неи на 18-20 км. Расположено на горе. Сохранилась церковь XVIII в., каменная, пятиглавая.

Бытует такая легенда. Леса здесь глухие, в лесах безобразили разбойники. Атамана разбойников звали Султан. Когда его прижала власть, он решил пойти на поклонение к императрице Екатерине (здесь проходил Екатерининский тракт Кологрив – Макарьев) и захотел поставить церковь во искупление своих грехов. Был прощен и поставил церковь.

Она действовала до 1937-1938 гг. Здесь еще стояла часовня Александра Невского, деревянная, круглая, её разобрали в 1937 – 1938 гг.

**Записано со слов Александра Федоровича Гусева (53 года):**

*«Село Солтаново в прошлом было богатым торговым селом. Долгое время сохранялись каменные торговые ряды. На окраине села встретили большой деревянный дом XIX в. Его перевезли из Стрельницы (7 км от Солтаново). Сейчас его восстанавливают. Перевезли дом, не разбирая его. Подвели под сруб бревна – «хлысты», поставл. на распорки закрепленные. Хлысты скреплены были со стенами проволокой. Тросом тянули, как сани».*

### Деревня Пустошки

Встретился дом с поперечной застройкой двора. По словам хозяйки, поперечная застройка не характерна для этих мест. Здесь двор поставлен таким образом в расчете на то, что «избу будут ставить наперед, а эта изба поставлена наскоро, после пожара, на временное житье».

### Деревня Погост

Деревня стоит на холме, на его склоне. Однорядная, домов 6-7. Из них жилых меньше половины. Фотографировали дома, беседовали с жителями.

О прялках сообщила жительница **Апполинария Ивановна Клотова 67 лет**: *«Прялки со столбушками были только у старух, у молодых – прялки точеные. По деревням ездили с ними и в Макарьеве покупали пряжи-точенки. Пели так:*

*«Прялочка точеная,  
Куделя толоченая  
Что, моя подруженька,  
Сидишь запорученная?»*

*Не милой сидит у пряжи,  
А милой ушел домой.  
Слезы брызнули у девушки  
На фартук голубой...»*



Подарила кувшин для пива, по форме он напоминает татарский металлический кувшин.

Замечания о промыслах. «Здесь малоземелье, поэтому мужчины уходил в отход – сезонники. Жгонили. Ходили на Урал, в Нижний Тагил, Пермь, Челябинск.

*«Надоели нам ребята,  
Осневские шиши,  
Придут жгонники-ероники,  
Ребята хороши».*

Прим. (Осенево – населенный пункт, жгонка – катание валенок).

Жгонские термины:

баба – *мама*  
старик – *корш*  
мужик – *маз*  
печка – *камышкина*  
баня – *плеханка*  
дека – *кызын*  
дом – *перт*  
плохо катается шерсть – *шом*  
шить – *стебунять, стебать*  
хорошо – *соево*  
ножик – *пурт, мясор*  
есть – *троить*  
уходить – *ухлывать*  
деньги – *сары*  
много – *уло*  
мало – *ласо*  
хороший – *сай*  
плохой – *шош*

Хозяйка вспомнила частушку:

*У кого какой милой,  
У меня – ремесленный.  
Заказали шить ботинки  
Сшил бурак берестяный.*

О плотниках.

*«Рубили дома паломские плотники (Н. Палома Парф. р-на)*

*- «Ой ты, паломский плотник!»*

*Плотники уходили в Ленинград, Москву, Мурманск, даже во Францию».*

### **Деревня Лаптуново**

(Парфеньевского р-на)

#### **Александр Иванович Кондратьев (72 года):**

Посреди деревни деревянная часовня. *« В часовне происходили службы: в Егорьев день (Егорий-победоносец), в Тихвинскую – положённый день. Накануне был град, все выбило. Град был такой, что дома было сидеть невозможно, сидели в голбцах. Дали обещание служить молебны. Ходили вокруг деревни, по за гумнам с попом, с образами. В часовне внутри были иконы, хоругви».*

#### **Спрыгов Иван Васильевич (73 года):**

*«Построил часовню богатый здешний человек дедушко Михайло Яковлев (дом его увезли в Аносово). Дедушко Михайло подолгу жил в городе. Он был подрядчиком. Моей бабушки муж работал у него в подряде, разбился на Исаакиевском соборе, упал с лесов, пенсию бабушке не платили. Плотник был. Это адамовы годы уже было.*

*Плотники ходили всё в Ленинград, работали от дедушко Михайло».*

#### **Хабибулин Б.Т. (73 года, приезжий):**

*«Плотники ездили на Мурманск (слыхал от свекора, местного жителя). Деревню Лаптуново основали якобы ссыльные».*

Планировка деревни круговая. Было 15 домов. «Гувенники» по 50 саж., огородцы. Дома поставлены «на солнце». Сам Хабибулин плотничал и знает о плотницком деле в здешних местах понасыльшке. Живет здесь 35 лет.



- Часовня срублена «в лапу» – почему не «в угол»?

- *«Красивее. Дом нельзя рубить «в лапу», он холоднее бывает. В Аносове, правда, есть дом, срубленный «в лапу», но надо очень тщательно рубить. Дома рубят «в угол», а материалу идет одинаково. «В лапу» надо подбирать дерева одинаковые 18 x 18, 22 x 22, 10 x 10. В шейку» – когда делают переруб. Лес нужен боровый, и к краю – смолистый».*

За 35 лет жизни здесь рассказчик «подвел» 49 домов. Низ гниет быстро от земли. Матица – матка.

Порядок стройки; обрядовость: *«отмерили участок, ставят хорошие смолистые стулья. Потом под стулья положили венец – выпивка. Под правый угол кладут серебро (монетку, чтобы счастливый угол был, в правом углу висят иконы). Подымают до матки, кричат балошных (помощников) – кладут балку – выпили. От понедельника до субботы плотники не пили (Боже спаси!). Балку старались подвести к субботе – выпивка и баня, в воскресенье – отдых».*

Выделку избы выполняли плотники: протесать (теска стен в собранном виде), тесали кривым топорщиком. Бывало и на земле только стены. Пословица: «Кривым топорщиком не прокормишься». Тесали, когда время есть.

В избе рассказчика и в горнице богатые резные киоты из дерева, такой же резьбы карнизы на окнах и дверях. В избе иконы в правом углу, в горнице – в левом. На иконах веточки березы – остались от Троицы, будут висеть пока не засохнут. Иконы привезены отцом жены Хабибулина ещё из Петербурга. Он был столяр-отходник. Артемьев Александр Иванович – отходничал в столице. Часы с боем, висящие на стене, он привез из Петербурга в 1910 г. Им 113 лет, сделаны во Франции. Дом рассказчика срублен в 1911 г. Сейчас он самый старейший дом в деревне (не считая часовню). В доме, кроме русской печи, установлена круглая высокая печь, обложенная металлом.

Потолок на 3-х матицах. Бывали дома с 2 и 1-й матицей.

Старые дома были, по сообщению рассказчика, маленькие, с одной балкой, топились по-черному.

*«У нас лес на стройку слабый. Отборный лес был в руках купцов. Купцы не давали. У государства лес был молодой, менее 80 лет, а надо, чтобы лес был боровой и не менее 100 лет. Такой лес лучше строит, дольше служит».*

Об отходниках: *«плотники на зиму уедут, на лето приезжали пахать и сеять, а некоторые по 3 года не приезжали. Часто прожигались и возвращались домой пешком, по 3 недели шли ходоки без рубашки боси-*



ком. Таким по возвращении их жены по ночам рубашки да штаны шили, чтобы утром на люди показать. А один из Н. Паломы (фамилию забыл) на тройке к дому подкатил: «Рассчитайся, матка, у меня все крупные», а у самого ничего не нет...».

## Деревня Тихон

### Тимонин Сергей Анисимович (76 лет):

**АМБАР.** Слева от дома (дом его особого интереса не представляет) стоит амбар. Амбар старый. Стоит близко к дому, вход со стороны крыльца, торцом выходит на улицу.

Рассказчик сообщил, что по всем стенам амбара стояли сусеки, в которых хранилось жито и мука. На зерно сверху накладывали рубленой «шипицы» (шиповник от грызунов). В амбаре, слева от входа, висят моты – льняные белёные и небелёные, а также крашенные. Подобный амбар мы видели в д. Грбовщика. Там тоже амбар стоит близко к дому. Сохранились сусеки. Они стоят по трём стенам. В некоторых секциях рожь, в других мука для корма скота и т.д. Сверху дуплёнка с мукой. На полу слева ведра с мукой. Совок. Тимонин С.А. сообщил, что в его амбаре жито хранилось в сусеках. Мука хранилась в ларях.

**ОВИН.** В овине сушили снопы перед обмолотом. Ямный овин 2 м глубины. Снопы садили на колосники. Колосники были расположены низко *примерно*  $\frac{1}{2}$  м от земли. Обмолачивали снопы на *гумнице*. Для этого траву, набивали глиной. Молотили цепами. За ночь в овине можно было высушить 10 суслонов (по 13 снопов в суслоне).

## ЧУХЛОМСКИЙ РАЙОН

### Из Дневника экспедиции 14-29 июня 1985 года

14 июня

Выехали из Костромы в Чухлому на музейном автобусе, по приезду устроились в гостинице. Представились председателю райисполкома Постниковой Татьяне Владимировне: объяснили ей цель нашего приезда, заручились ее визой на письмах в сельские советы, в которых музей-заповедник «просит оказывать содействие экспедиции». Татьяна Владимировна обещала помочь, если потребуется, в отправке вещей в Кострому, вообще отнеслась к нам с большой доброжелательностью. Вечером были у старейшего краеведа Чухломского района Лебедева Георгия Ивановича. Ему через несколько месяцев исполняется 80 лет (через 5 месяцев), живет одиноко, хлеб и воду приносят соседи. Память и рассудок хоро-



шие. У него собрана богатейшая библиография по Чухломскому озеру, по знаменитым землякам; имеются рукописи по истории края, по некоторым видам промыслов, например, по красильному; собрано очень много песен свадебных и рукопись по свадебному обряду, достаточно большой эпистолярный архив, т.к. он ведет переписку с крупными учеными, краеведами. У Георгия Ивановича сейчас есть желание передать все свои материалы в ГАКО или в музей. Хорошо бы этнографические материалы попали в музей, и подсказать в музее отметить 80-летие Георгия Ивановича.

*15 июня*

Знакомились с Чухломским музеем. Экспозиция по площади небольшая. Нас интересовали, в первую очередь, экспонаты. Зав. музеем Галина Павловна любезно показала нам крестьянские головные уборы и одежду чухломских крестьян: много кокошников, шугаев, полушугаев, очень интересное праздничное полотенце, вышитое мелким крестом – происходит из Вологодской губернии.

В этот же день выехали в Чертово – на самый север Чухломского района. Деревня большая, сюда переселились колхозники из, как недавно говорилось, неперспективных деревень. Устроились на ночлег в сельсовете, в кабинете самого председателя. Осмотрели стройку деревни, поговорили с жителями. Сделали кое-какие записи по быту крестьян, Светлана Михайловна записала на магнитофон рассказы о свадебном обряде. Нам показали некоторые вещи крестьянского обихода: горшок, кринку, осиновое лукошко, пряжу, но ничего не отдали – память. Вообще в Чертове со сбором материала плохо, переселенцы с собой из старинного ведь не брали, да и у коренных жителей мало что осталось.

*16 июня*

Едем с председателем сельсовета Владимиром Леонидовичем Соколовым на его родину в д. Починок и соседние деревни. Он говорит, что с ним нас лучше примут. Владимир Леонидович настроен доброжелательно, одной из причин является письмо с визой Постниковой Т.В. Последнее обстоятельство помогло достать бензин для автобуса, в противном случае мы бы не заправились, наши талоны на бензин – здесь пусто место.

Деревня Починок находится *примерно* в 4 км от Чертова, дорога неважная. Из жилых в деревне один дом, именно тот, в котором жил В.Л. Когда-то там оставались старые вещи, и мы надеялись с В.Л. их взять, но ... чердак пустой и прибранный, все выброшено и сожжено – и дом Анисимовых. В соседнем разрушенном доме взяли борону 30-х годов нашего века,



Научные сотрудники музея деревянного зодчества (слева направо): М. Никешина, (отдел фондов), А. Анисимина (зав. музеем), А. Соловьёва, С. Масалёва. 1970-е годы.

тяпку начала века, лопаточник. Заинтересовались напогребницами в этой деревне. Они бревенчаты, несколько распластанные, похожие на шалаши с широким основанием. Погреб принадлежал бабушке Владимира Леонидовича, дом тоже принадлежал бабушке и построен *примерно* в 1905 г.

В усадьбе бабушки есть баня, которую рубил прадедущка В.Л. (Владимиру Леонидовичу *примерно* 40-45 лет).

В Починке у Анисимова Николая Владимировича взяли достаточно много вещей и кое-что купили. Это вещи из дома недавно умершей матери жены Анисимова Н.В. В числе их жернова, весы, глиняные топники, лопаточник широкий и т.д. Дом Анисимова украшен пропиловочной резьбой.

Из-за бездорожья автобус оставляем в Починке, сами идем в д. Курьяново, что находится км в 3-4 от Починка, за лесом.

На крыльце дома барачного типа в Курьянове сидит группочка старушек. Смекаем: «хорошо». Оказывается, 3 из них живут в этом самом доме, они переселились из соседних деревень и им здесь дали по комнате. Поговорили с ними. С.М. записала на магнитофон песни, рассказали о избах-чернотрубках и еще кое-что. Язык у них – просто чудо! Пополнили словарь областных говоров, который готовили к изданию новыми словами.



Климова Евдокия Лаверовна, 1928 г.р., подарила нам «сачёк», кофту теплую из шерстяной домотканницы, принадлежавшую ее матери, и повойник, который тоже носила ее мать, Оборина Матрена Петровна. Обещала, если найдет, выслать тканые «поясья». Одна из бабушек, Шестакова Анна Константиновна, подарила прялку, как они говорят, *пресницу*.

В Курьянове находится интересная деревянная постройка – поповский каретный сарай. Эта постройка принадлежит сейчас Идскому лесопункту, т.е. хозяева в Вологодской области, Грязовецком р-не, п/о Ида. Начальник лесопункта Петров Сергей Семёнович. Хорошо бы этот каретный сарай вывезти в наш музей народной архитектуры.

Сарай сфотографировали и жителей деревни, но небо хмурое, получится ли что? Прощаемся с жителями, беспокоимся о том, что пройдет дождь, а он вот-вот начнется, и автобус наш сядет. Старушки очень тепло нас встретили, чувствуется, что рады новым людям, хотят поговорить, выясняют, кем же приходится нам молодой человек, который фотографирует, который с нами (а это мой сын Павел), вообще, чувствуется удаленность деревни от центров, о нашем музее старушки не слыхивали, нигде не бывали. Очень тепло нас провожают, думаем, что после ухода нас у них еще будет много разговоров. Чувствуем, что всколыхнули их обычную тихую жизнь. Жаль, что нет возможности пойти на Кордон, это еще ближе к Вологодской границе.

Возвращаемся в Починок. За время нашего отсутствия здесь прошел сильный дождь, водитель грозно молчит, но до Чертова все-таки добрались. А самая большая грязь в самом Чертове (кстати, назв. Чертово якобы происходит от слова черта, граница. По легенде до этой черты дошли в свое время монголо-татары, дальше не смогли и повернули. Ночевка в Чертове.

*17 июня*

Возвращаемся в сторону Судая, д. Рагозино. У Ординарцевой Валентины Александровны есть старинный амбар, «клеть». Здесь амбары большие, двухъярусные. Сейчас используется как скотный двор, но сохранность хорошая. Сама Валентина Александровна и ее муж удивительно гостеприимны и добры, хозяйство у них крепкое: корова, мелкий скот, ульи. Есть личная машина. Валентина Александровна подарила верх (кофту) от плательного костюма. Кофта типа казачка.

Едем на д. Панкратово, на куст деревень под общим названием Турдиево – это восток Чухломского района, ближе к Кологривскому району.

Дорога построена не до конца. Останавливаемся недалеке от поселка Панкратово, это не то селение, которое мы хотели видеть. Это новое Панкратово, лесоучасток – все дома одинаковые, новые, на дорогах грязь, а старое Панкратово дальше, примерно в 4-х километрах.

Разговариваем с Анастасией Васильевной Смирновой (81 г.) и с Анной Михайловной Нарышкиной, уроженкой д. Панкратово. Сообщили, что в ст. Панкратове у Чистовой Е. должны быть печатные сарафаны.

Едем в Судай. Дорога Чертово-Судай с гравийным покрытием, хорошая.

*18 июня*

Судай, в прошлом центр Судайского района. Осмотрели город. Много хорошей пропиловочной резьбы. Есть дома, которые перевезены из деревень.

Осмотрели дом, принадлежащий директору местного совхоза Сафаряну. Он перестроен из старого дома д. Полстниково, перестроен до неузнаваемости, чувствуется, наличники подлинные и прекрасной резьбы, хотя и пропиловочной.



В экспедиции. А. Н. Мазерина в верхнем ряду - справа.

*19 июня.*

Выезд из д. Полтараново. Это рядом с Судаем (2-3 км). Домов осталось мало, но все украшены резьбой. Сделали фотоснимки. Поговорили с Семёновой Марией Васильевной о стройке, о плотниках, а также о гуляниях, осмотрели ее дом, увидели традиционные и характерные для этой местности вещи.

### **Деревня Полстниково**

От Полтаранова в 1,5 км, пройти пешком. Как вошли так и обомлели: огромный дом рубленый, украшенный резьбой; принадлежал зажиточному крестьянину-отходнику; будем рекомендовать к вывозу. Однако, спросить о доме практически не у кого, живут по соседству только дачни-



ки, да есть еще пастух (его сейчас в деревне нет). Удалось узнать адрес владельца дома. Обязательно с ней встретимся.

Записали сведения, которые дал житель соседней деревни, сейчас дачник деревни Полстниково, Бартенев Дмитрий Иванович (80 л.). О доме же узнали лишь то, что принадлежал он отходнику в Питер, бондарю. В деревне было три аналогичных дома, принадлежавшие трем братьям, занимавшимся бондарным делом. Рубили их якобы приходящие плотники...

*20 июня*

### **Деревня Куливёртово**

Деревня большая, недалеко от Торманова. У Марии Михайловны Чупиной купили кафтанную кофту, принадлежавшую ее матери. Мать носила ее как рабочую одежду весной и осенью.

*21 июня.*

В деревне Григорьевское сфотографировали дом. Записали рассказ о постройках на усадьбе, о занятиях населения.

*22 июня.*

Деревни Серапиха и Ожегино (в 1-2 км от Серапихи)

С.М. записала на магнитофон песни. Пели Андреева Анастасия Сергеевна (86 лет) и Федотова Александра Федоровна (86 лет). Записала рассказ о стройке и об отхожих промыслах.

Этнографический материал собирать лучше в тех деревнях, которые дальше от крупных современных поселков, а их остается не так уж много, да и информаторы «помолодели».

*Подготовлено к печати  
Т.Г. ГОНЧАРОВОЙ,  
учёным секретарём Музея-заповедника  
«Костромская слобода»*



Сотрудники Костромского музея деревянного зодчества  
и музея-заповедника «Ипатьевский монастырь». 1990-е годы.

**С.В. ЕКИМЕНКО,**

*первый директор*

*Музея-заповедника «Костромская слобода»,*

*2005– 2007 гг.*

## КАК СТРОИЛСЯ МУЗЕЙ

3 мая 2006 года было принято решение о создании Костромского архитектурно-этнографического музея-заповедника «Костромская слобода».

Надо сразу отметить, что тогда все мы мечтали о создании на базе этого музея большого музейно-туристического кластера, программу которого и проект нового генерального плана разработала группа московских и костромских реставраторов под руководством московского архитектора – реставратора И.Г. Семеновой. Удивительно влюблённая в костромское народное зодчество, обследовавшая многие памятники народной архитектуры нашей глубинки, прекрасный специалист, она сумела собрать вокруг этой идеи таких же увлечённых людей, и, что было тогда очень важно, нашла понимание и в лице губернатора Костромской области В.А. Шершунова. Губернатор даже отправил нас на Сорочинскую ярмарку, чтобы мы набрались опыта по проведению ремесленных праздников на территории музея-заповедника и поучились у коллег делать это красиво и с размахом, не только областным. Шершунову идеи Семёновой очень понравились,



были профинансированы экспедиции, в которые вместе с ней выезжали сотрудники нашего музея, собирая этнографический материал по традициям крестьянского домостроения, изучая строительные обычаи и обряды, народные промыслы и многое другое. Ирина Генриховна помогала нам советами, как лучше сохранить то великое культурное наследие, которым являются памятники нашего музея, так как у неё был большой опыт реставрации таких объектов по всей России.

Всем очень хотелось, чтобы побыстрее всё обустроилось, и музей стал полноценным культурно-экскурсионным центром. С необыкновенным энтузиазмом все сотрудники музея принялись за работу. В буквальном смысле все принимали участие в строительстве – постоянно выходили на трудовые субботники по облагораживанию территории, вырубке кустарника, помогали на строительстве мостов через Игуменку, чтобы создать подходы к Притыкинской часовне и мельницам, которые находились словно на острове. Вычистили пруд. Рабочих по территории тогда не было, в штате всего один рабочий, и поэтому привлекали на подсобные работы местных ребятишек, жителей Ипатьевской слободы.

Ограждения территории музея тоже не было, как и тёплого туалета, и отопления вообще. А входной павильон находился в плачевном состоянии. Начали с его ремонта, создания нескольких кабинетов для экскурсионного отдела и кассы. На заработанные деньги купили необходимое для ремонта оборудование, бюджет был такой ничтожный, что приходилось рассчитывать буквально каждую копейку. Тут нам опять помог губернатор В.А. Шершунов, с его подачи в департаменте лесного хозяйства состоялась встреча, которая помогла нам найти стройматериалы для благоустройства территории и ремонта протекающих крыш на памятниках. По просьбе начальника департамента А. Н. Коновалова и его заместите-



Празднование Масленицы  
в «Костромской слободе». 2006 год.



ля Г. В. Юрзова собрались на эту встречу лесорубы, которые и помогали заготавливать материалы для строительства забора. Десятиклассники ближайших школ приходили на субботники, они шурили брёвна, красили, убирали строительный мусор.

Помогали нам стройматериалами и администрации некоторых районов, например, Парфеньевского и Судиславского.

С 2005 года музей стал работать и в зимнее время, это был трудный переход, особенно для зрителей, т.к. все наши памятники не отапливаемые. Чтобы привлечь к новым зимним услугам посетителей и туристов, мы сделали традиционными наши встречи с туроператорами и не скупилась на угощение: сварили знатную уху и устроили на Свадебной поляне для них настоящий праздник. Так хотелось привлечь их симпатию к нашим объектам, самым примечательным в Костроме и далеко за её пределами памятникам народной старины. Старались, чтобы они всей душой полюбили наш музей.

Но первоначально у музея не было места, где разместить научных сотрудников и администрацию. Фонды и два рабочих стола находились в церкви Спаса в рядах, потом музею был передан выставочный зал «Автограф» вместе с его функциями выставочной деятельности и его фондами, планировалось, что всё это здание будет переоборудовано под фондохранилище, но этого не произошло, кажется, кому-то было выгоднее использовать его другим образом. Но и этого не случилось, здание пустовало после нашего переселения ещё около десяти лет.

Осень 2006 года мы провели на Льяной, 15, где музею была выделена маленькая комната. Все мы были молодыми и со стойкостью перенесли тяготы переездов.

Зимой 2006 года мы получили административное здание на Молочной, 5. Снова нас ожидал ремонт, снова красили, белили, клеили обои, там впервые появился кабинет для администрации и 2 кабинета для научных сотрудников.

Постепенно наш музей-заповедник становился самым посещаемым местом в городе. Особенно много людей посещали наши праздники «Маленица», «Егорьев день» и другие. Во многом этому способствовали и ставшими традиционными областные праздники народных ремесел, интересные интерактивные программы, разработанные Любовью Ивановной Массориной, научным сотрудником музея. Они проводились исключительно на этнографическом материале, собранном в районах Костромской области.

Музеи под открытым небом всегда должны помнить о привлекательности своих программ для посетителей и доходности своей деятельности. Поэтому их подстерегает опасность увлечения развлекательностью, превращения музея в парк культуры и отдыха. Чтобы этого не



случилось, научная составляющая работы музея должна быть на высоте. Важное значение, в связи с этим, мы придавали исследовательской работе и экспедиционному изучению этнографического материала нашего края. Мы финансировали экспедиции научных сотрудников, понимая, что пополнение музейных фондов и создание научного архива по этнографии Костромского края – это главная функция музея. Нанимали «газель», и в течение десяти дней собирался материал, особенно помню, что большое количество экспонатов было привезено из Макарьевского района.

Было много разных начинаний, проектов и идей, не все, к сожалению, по разным причинам состоялись. Например, по восстановлению фундаментов амбаров, которые стремительно разрушались, или по строительству конюшни, по созданию образа живой деревни, где возле каждого дома есть огород, пасутся козы, кудахчут куры, работает кузня и мельница.

А когда в Кологриве создали заповедник «Кологривский лес», ко мне приезжали его организаторы с интересным предложением: совместно разработать новый автобусный туристический маршрут – «Костромская слобода» – Макарьев – Горчуха ( где планировалось построить туристическую деревню в русском стиле), потом Кологрив – «Кологривский лес» – и далее города «Золотого кольца».

Чтобы музей-заповедник постоянно развивался и обогащался свежими идеями, необходимо давать возможность научным сотрудникам и методистам развиваться, изучая другой опыт музейной работы. Поэтому как руководитель учреждения я понимал, как важны учебные экскурсии: на автобусе, который нанимали, мы ездили в Тутаев, Борисоглебск, Мышкин, с заездом в Углич и Суздаль. Смею надеяться, что всё это внесло свой вклад в развитие Музея-заповедника «Костромская слобода».



Экспедиция по обследованию памятников деревянного зодчества Костромской области. 1990-е годы.



Л.И. Массорина ведет интерактивную программу «Вокруг печки». 2006 год.

### *История музея в воспоминаниях*

**Л.И. МАССОРИНА,**

*научный сотрудник*

*Костромского музея деревянного зодчества в 1990-е гг.*

## МУЗЕЙНЫЕ ВСТРЕЧИ

В 1983 году я окончила курсы внештатных экскурсоводов при историко-архитектурном музее «Ипатьевский монастырь». В комплексную экскурсию входило посещение Костромского музея деревянного зодчества, расположенного за крепостной стеной Ипатья. Это была русская деревня, расположенная вдоль берега реки Игуменки, поросшей кустарником, где весной и летом пели соловьи и разные птицы. Глазницы окон изб смотрели на реку, вдоль деревни шла широкая песчаная дорога, края которой обрамляла зелень постриженной травы. За избами стояли амбары, овин, в стороне кузница. Луговина зарастала разнотравьем, где паслась «музейная лошадь». Ухаживала за ней В.М. Сулоева – наш хозяйственник, она же косила траву, складывала в стога сено. Река, протекая вдоль деревни, делала изгиб, образуя мыс, на котором стояла водяная мельница.



Рядом с мельницей сажали поле льна. Как было красиво, когда лен цвел, а его голубые цветы сливались с голубизной летнего неба. На высоком взгорье стояли баньки на столбах. В низине берега в трясине с весны звучал лягушачий хор...

Это была настоящая русская деревня, и работала она только летом. Во всех избах были экспозиции и выставки. За избами – огороды, где зрителями выращивались овощи. На зиму экспозиции разбирались, а деревня для посетителей закрывалась.

В 1993 году я была принята в исторический отдел музея-заповедника на должность методиста на выставку «Кострома и костромичи», где создала клуб интересных встреч, а на базе 41-ой школы Костромы – «Центр краеведческого просвещения», совместно с заместителем по науке С.М. Гусевой была разработана программа работы. В 2001 году я была переведена научным сотрудником в отдел деревянного зодчества. За каждым был закреплен памятник архитектуры, в летнее время делались экспозиции и выставки. Разрабатывались интерактивные мероприятия: «Вокруг печки», «Поиски Снегурочки», «Егорьев день», «Фрагмент свадебного обряда» и т.д.

Музей деревянного зодчества переходит в 2005 году на круглогодичное обслуживание посетителей. Проводятся городские праздники



Л.И. Массорина ведёт экскурсию. 1990-е годы.



Праздник народных ремесел. Выступление фольклорного коллектива музея «Берегиня». 1984 год.

по народному календарю: «Масленица», «Троица», «Ярмарка ремесел», «Праздник хлеба». Участниками их являются студенты училища культуры (руководитель А. Попова), молодежное объединение «Хоровод» (руководитель С. Торопов), фольклорно-этнографический ансамбль «Берегиня» (руководитель С. Гусева и сотрудники музея). Центр краеведческого просвещения переносит свою деятельность в музей деревянного зодчества, где летом ребята из объединения «Хоровод» обучают мальчиков владению топором, другими мужскими ремеслами. Девочки занимаются заготовкой трав, участвуют в занятиях, которые проводят для них сотрудники музея-заповедника. Научные сотрудники вместе со школьниками выезжают в экспедиции по области. По радио каждую неделю по вторникам выходит передача «Дорога к музею», в которой рассказывается о работе музея, выставках, о характерных особенностях нашего края.

В течение нескольких лет с 2002 года под руководством федерального архитектора И.Г. Семеновой проводились экспедиции по Костромской области. Собран богатейший материал по памятникам деревянного зодчества и другим темам, касающимся крестьянской жизни в Костромском крае.





Сотрудники музея деревянного зодчества С.М. Гусева и Л.И. Массорина в экспедиции. 2002 год.

В 2005 году начался распад историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь». А в 2006 году отдел деревянного зодчества реорганизован, и Костромской музей деревянного зодчества принял статус Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода». Первым директором музея был назначен С.В. Екименко. Познакомившись со многими музеями этого направления, он понял значимость и индивидуальность нашей деревни. Стал проводить ремонтные и реставрационные работы по сохранению памятников. Деревня тогда была не огорожена. И первое, что пришлось делать первому директору, – заказывать трубы для капитального забора. С помощью С.В. Екименко была открыта ткацкая мастерская, где стало возможным реализовать программу «Ткачество в крестьянстве».

Костромской музей деревянного зодчества славился тем, что раскрывал посетителям особенности нашего Костромского края, традиции, обычаи и обряды, уникальность памятников деревянного зодчества районов Костромской земли! Хотелось бы надеяться, что музей «Костромская слобода», которому исполнилось 55 лет, продолжит былую славу музея деревянного зодчества, его традиций, праздников русских ремесел и народных ремесленных ярмарок.

## **ТОПОНИМЫ НАСЕЛЁННЫХ ПУНКТОВ**

**Из записок Л. И. Массориной,**

**научного сотрудника музея деревянного зодчества.**

**Экспедиции в Мантуровский, Поназыревский (2007) и в  
Макарьевский (2006) районы Костромской области**

Интерес представляют топонимы населенных пунктов. Чаще всего они *связаны с природной окружающей средой, ландшафтом*. Так, в Мантуровском районе село Угоры – от слова «угор», что означает «место на подъеме, на пригорке, селение у горы»; а деревня Береговая, видимо, стояла на берегу реки. Деревня Вымолы – от слова «вымол» – такое название деревень, пустошей и починков упоминается в новгородских Писцовых книгах (основное значение слова «вымол» – водомойка, ров, овраг); деревня Хмельничное получила свое название от того, что здесь выращивали хмель и делали кумушку – самодельное пиво, из которого затем делали самогон.

*Нередко названия населенных пунктов связаны с именем храма*. Так, в большом селе Георгиевское Межевского района в центре расположен каменный храм Георгия Победоносца 1812 года; в Макарьевском районе село Нежитино ранее именовалось Воскресенье-Коряково – по имени церкви, построенной в селе в 1803 году.

*Названия населенных пунктов могут быть связаны и с хозяйственной деятельностью жителей той или иной местности*: так, деревня Усолье Мантуровского района получила свое название от места, где когда-то располагалась солеварня, варница. В Макарьевском районе есть деревни Токари и Лаптево, а топоним деревни Мытище образован от слова «мытница», что в древнерусском языке употреблялось в значении «место сбора податей, пошлин».

*Отдельно в группе топонимов стоят антропотопонимы*: так, название деревни Хлябишино в Мантуровском районе происходит от имени её основателя по фамилии Хлябишин (хлябь – простор, пустота, глубь, глубина); а название деревни Кривоногово того же района, вероятно, свидетельствует о том, что среди первожителей был такой человек.





Л.И. Массорина (справа) и С.М. Гусева, зав. научным отделом музея, ведут интерактивную программу. 2006 год.

В Макарьевском районе деревня Матренкино – топоним образован от женского имени Матрёна (его произвольная форма – Матрёнка); Исаково – от имени Исаак; Никулино – топоним от слова Николай, его производной формы Никуда (Никуля); Климитино – от имени Клим; Ивановское – от имени Иван; Алешино – от имени Алексей и производного от него имени Алеша; Амоново – топоним из тюркского языка – означает «клич пощады», «дурной, худой» (в XV веке это прозвище уже было известно на Руси, от него фамилия Ямонов); Шемятино – от прозвища Шемяка; Дешуково – топоним от прозвища Деша (от него фамилия Дешины, Дешуковы); деревня Половчиново – от прозвища Половинка; деревня Пузыри – такое прозвище давали человеку, который сердился молча, а еще так называли коротыша – полного ребенка ( прозвище Пузырь); деревня Княжево принадлежала князю Василию Ивановичу Долгорукову и по его титулу получила свое название. Можно предположить, что антропотопонимами являются и деревни Афанасьево, Никитино, Леонтьево, Макарово, расположенные на территории Мантуровского района. А в Поназыревском районе деревню Поназырь назвали по основателю этой деревни по прозвищу Поназырь (в вятской земле так называли малорослого, толстого человека), а деревню Буковское по прозвищу основателя деревни Буки (так называли человека брюзгливого, ворчливого).



*Существуют названия населенных пунктов, происходящие от способа их образования:* так, название деревни Выползово Мантуровского района произошло от слова «выползло, выделилось»; а деревня Починок Макарьевского района – от слова «починок», что означает «почин, начало, выселок» (место расчищали от леса, потом расчищали место под пашню, сенокос).

*Ряд населенных пунктов связан с представителями животного мира:* так, в Мантуровском районе деревни Коровино, Малое Лисицино, Медведево, Медведица, в Поназыревском районе деревни Ежово, Орлово, Соболево; в Макарьевском районе – Быково, Свиная нога (современное название – Васильково), Козлово, Журавлево (бывшее Кобылино).

### **Планировка сел и деревень**

Характерными особенностям, изученными в Мантуровском и Поназыревском районах, является уличная планировка населённых пунктов. Реже встречается однорядная застройка; села, перестроенные в послевоенное время: в 50-60-е годы XX века; дома новой застройки барачного типа. Это избы-брус, 4-х стенки, 4-х стенки с прирубом, 5-стенки, 5-стенки с мезонином. Кровля преимущественно 2-х скатная, бывает с перепадом, реже – вальма; крыльцо, веранда с расстекловкой, хозяйственный двор, к которому сбоку обычно примыкает пристройка-дровяник. В декоративном убранстве домов (причелины, лобовая доска) имеют место как элементы с глухой резьбой, солярными полурозетками, растительным побегом, орнаментными мотивами, мужскими личинами, оберегами в виде львов, так и элементы с пропильной резьбой (также растительные и орнаментные мотивы), кронштейны. В отличие от Макарьевского района в Мантуровском и Поназыревском районах колодцы с воротом более распространены, чем колодцы-журавли. В Поназыревском районе сохранились бани с топкой по-черному.

Для Макарьевского района характерны как уличная, так и однорядная планировка, встречается полукруг, новая застройка барачного типа, избы 4-х стенки, 4-х стенки с прирубом, встречаются и избы-пятистенки. Изба-брус, избы с перепадом кровель: изба, хоздвор. Встречаются избы-двойни с мезонином. Кровли 2-скатные, 2-скатные с налобником, вальма, часто покрытые дранкой. В ряде деревень в избах отразилось влияние городской архитектуры. Крыльцо находится с фасада избы, со стороны прируба. В районе сохранились деревянные постройки XIX века.



## Промысловые обычаи и занятия крестьян

*Жители Мантуровского района* занимались сельским хозяйством (земледелием, скотоводством). Мужики летом ходили на сплав и зимой на лесозаготовки, на жгонку (катать валенки), плели лапти, корзины. В хозяйстве держали коров. Выращивали рожь, пшеницу, лен. Лен обрабатывали осенью, зимой ткали. Девушки уже после Покрова начинали прясть (на беседах – супрядках). В престольные праздники гуляли весело, молодые собирались на беседы и сбитни (вечерки), где веселились под гармонь и балалайку. Выращивали хмельники (хмель), варили пиво, но допьяна не напивались. Еще варили разные кисели – овсяный, свекольный, крахмал делали из картофеля. Народ был дружный и простой. Наблюдается устойчивость традиций.

Наиболее развитыми промыслами в *Макарьевском районе* были сплав леса и изготовление валяной обуви (жгон). Мастера уходили из родных мест в Сибирь, Самарскую, Оренбургскую и другие губернии. Часть макарьевцев нанималась в навигацию на службу на пароходы и суда. Мужики занимались плотничьим делом, строили лодки, избы, мастерили мебель, сани, мелкую посуду, бочонки. Плели корзины, лапти, пестери. Женщины обрабатывали лен, занимались ткачеством.

Любопытны некоторые бытовые моменты. Например, в деревне Шемятино Макарьевского района жители готовили так называемый «яблошник»: варили очищенный картофель, толкли его, перемешивали с молоком, все выкладывали на сковородку и ставили в печь. Любопытно, что здесь «яблоками» называли картофель. В деревне Лаптево был записан обычай мыть пол «голиком с дресвой», которую получали следующим образом: топили печь, в ней грели камни и горячими опускали в холодную воду, затем вытаскивали из воды и толкли молотками. Полы становились белыми.

*Подготовлено к печати  
Н.В. ЛЬВОВОЙ,  
научным сотрудником  
музея-заповедника «Костромская слобода».  
Июнь, 2016*



Сотрудники музея деревянного зодчества разыгрывают обряд «Костромская свадьба». 1990-е годы.

## *История музея в воспоминаниях*

**О. А. ЗАБОТКИНА,**

*преподаватель русского языка*

*Даремского университета (Англия),*

*член Союза журналистов России*

### ВРЕМЁН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ

Благодарна судьбе за то, что в моей жизни был музей. Навсегда осталось в памяти ясное сентябрьское утро, переправа через реку Кострому на катерочке (в 1980-м ещё не было моста) и совершенно очаровавший меня сказочный вид Ипатьевского монастыря, где в то время размещался музей-заповедник и куда я ехала устраиваться на работу. Чувство благоговения, испытанное при первой встрече, не покидало меня все годы, что я проработала в Ипатии. Работала я в разных отделах музея, но музей деревянного зодчества (или, как мы любовно называли его, деревяшки) занимал особое место в моей душе.

Надо сказать, что детство моё прошло в дальневосточном гарнизоне среди типовых шлакоблочных восьмиквартирных домов, но с ранних лет я узнала и полюбила настоящую русскую деревню благодаря папиным рассказам: в них оживала изба с печью и полатями, повить, куда вечером боязно выходить одному, баня в огороде, овин в поле, лес за околицей – у папы было множество историй, и рассказчик он был замечательный. В воображении своём я так хорошо представляла всё, о чём рассказывал папа, что мне иногда казалось, что я росла вместе с ним в деревне. Позже, когда папу перевели на запад и мы стали каждое лето ездить к бабушке в



деревню, я увидела деревенский мир воочию и полюбила его. До сих пор, когда вспоминаю те наши поездки в Кострому, физически ощущаю утреннюю прохладу только что вымытого города. Московский поезд тогда, как и сейчас, приходил рано; город ещё только просыпался, но по чисто выметенным улицам уже ехали поливальные машины. А потом мы шли к Волге. И там открывался бескрайний простор, от реки веяло свежестью и неизъяснимым чувством воли. Катер отправлялся в четыре часа дня и прибывал в Сандогору в одиннадцать вечера. С поклажей взбирались мы на крутой берег Костромки и к полуночи добирались до дома, где с нетерпением ждала нас бабушка.

У бабушки было просто и уютно. В доме всегда пахло свежестью, и это ощущение усиливалось золотистым цветом дощатых перегородок и бревенчатых стен, проконопаченных мхом и куделью. Мост, изба, горенка, чулан, повить – эти удивительные слова не были новыми: много раз слышала я их от мамы и папы, а теперь с интересом осваивала пространство деревенского дома. Когда входила на повить с тёмными углами и лестницей, ведущей на чердак, по спине пробегал холодок. Тогда и на повити, и на чердаке ещё можно было найти много интересных вещей – свидетелей прежней, совсем недавней, но уже ушедшей жизни: мялки, трепала, гребни и щётки для чесания льна, прялки, веретёна, мотовило, воробы, ткацкий стан, жёлоб, мутовки, жернова, коромысло, цеп для молотьбы, косы и лопаточки.

В избе почти четверть пространства занимала русская печь. Печь была большая, сложена с таким расчётом, чтобы в ней можно было париться. В печи отверстие-вытяжка для самовара и маленькие печурки, в которых можно сушить носки и варежки. К печи пристроен голбец (дверь в нём вела в подполье, которое тоже называлось голбец) и печь-столбьянка с красивым верхом. Я слышала от бабушки имя печника – Егор Семёнович. Но велико было моё удивление, когда зашёл к нам из другой деревни мужик, сам печник и плотник, и посмотрев на печь, сказал: «Красивая. Вижу, Егор Семёнович из Лялек клал». Недаром говорят: мастера по работе видно. Бабушка ловко управлялась у печи (пространство перед печью, отделявшееся от жилой избы перегородкой, так и называли: *úpечь*; говорили: в *úpечи* лежит, возьми в *úpечи*): ухватками ставила в печь и вынимала из печи чугушки, сковородки, кочергой загребала угли, чтобы поставить противни с пирогами. Долго прогревалась печь, но потом долго хранила тепло, постепенно отдавала его в избу. Полежать на печи было удовольствием.

С печи через голбец легко можно было перебраться на полати – самое любимое место всех детей: с полатей видишь всю избу, но никому не мешаешь. Когда собиралась родня, всегда пели. Красивые были голоса,



Сотрудники Костромского историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь» на первомайской демонстрации. О.А. Заботкина - 7-я слева в первом ряду. 1982 год.

красивые песни. Не песни – целые поэмы. Вообще мир деревенский, в котором труд был основой жизни, пронизан для меня поэзией. И очень близки мне слова В. М. Шукшина о малой родине: «Больше всего в родной своей избе я любил полаты. Не печку даже (хотя печку тоже очень любил), а полаты. Теперь, когда и видеть-то не видишь нигде полатей (даже в самых глухих и далёких деревнях), оглядываясь мысленно по стране..., я вижу Алтай – как если бы это мои родные полаты из детства, особый, в высшей степени дорогой мир... с полатами связана неповторимая пора жизни... Трудно понять, но как где скажут «Алтай», так вздрогнешь, сердце лизнёт до боли мгновенное горячее чувство, а в памяти – неизменно – полаты».

Запахи Волги, деревянного дома навсегда остались связанными с удивительным летним праздником свободы, единения с природой, радости жизни. Новой встречи я ждала целый год и даже за тысячи вёрст, закрыв глаза, могла ощутить лёгкое дуновение ветерка на лице и вдохнуть волжскую прохладу...

Помню, как мама наказывала мне здороваться с каждым встречным: «Неважно, что ты их не знаешь. Они все тебя знают». Удивительно, но это была истинная правда. Я здоровалась со всеми – и все здоровались со мной, да ещё и останавливались, чтобы спросить, чья такая, но часто сами безошибочно определяли – по породе, на кого похожа и кому прихожусь внучкой. Здесь ощутила я глубинную, корневую связь с этой землёй.



И где бы потом ни жила, деревню, где родились и выросли мои мама и папа, воспринимала и как свою малую родину.

Таким образом, мой приход в музей не был случайным. Работа в музее была сопряжена с постоянной учёбой, что мне очень нравилось. Богатейшая библиотека и фонды музея открывали новый удивительный мир. Огромное удовольствие приносило общение с коллегами, образованными, умными, очень интересными людьми.

Светлана Михайловна Гусева, научный сотрудник отдела народной архитектуры и быта, пригласила меня в свой фольклорный коллектив «Берегиня», и я с радостью согласилась. Почти все молодые сотрудницы музея были в «Берегине». Мы разучивали старинные народные песни, танцы, обряды. Никогда не забуду наши репетиции. Светлана Михайловна была строга и требовательна, но в то же время относилась к нам по-дружески, на репетициях было много шуток и смеха. Репертуар свой мы показывали на праздниках Костромских ремёсел, которые устраивались на территории музея деревянного зодчества. Во время подготовки к празднику сотрудники из разных отделов объединялись под руководством Антонины Николаевны Мазериной, заведующей отделом народной архитектуры и быта. Владимир Геннадьевич Ковшиков, талантливый лингвист, садился за написание сценок, разложив на столе «пасьянс» из карточек с образцами костромского говора, меткими выражениями и костромскими диалектными словами. Володя работал по вдохновению – и иногда текст был готов лишь за два-три дня до праздника. Нам приходилось очень быстро его заучивать, что, в общем-то, не было большой проблемой, потому что все были молоды и легко запоминали большой объём информации. Для выступлений мы должны были сами шить себе костюмы (по образцу крестьянских сарафанов и рубах, хранившихся в фондах музея). Выдали мне красный материал на рубаху и огромный отрез тёмно-синего холста на сарафан. Материал занял у меня чуть ли не половину шифоньера. Пришлось изрядно потрудиться, чтобы костюм выглядел похожим на оригинал из фондов: рубаха с широкими присборенными рукавами и длинный (до полу) сарафан с большим количеством сборок сзади (в таком не побежишь вприпрыжку, а выпрямив спину, поплывёшь, как утица по озеру).

На одном из праздников мы показывали фрагмент старинного свадебного обряда Костромского уезда – вынос девьей красоты. В дореволюционной России свадьба следовала определённом порядку. Это было поистине театральное действо, которое отмечало очень важный этап в жизни молодых людей: прощание с холостой жизнью, создание новой семьи и вместе с этим – появление новых обязанностей. Своим чередом шли сватовство, смотрины, сговор, девичник, молодечник, свадебный поезд, венчание, княжий стол, послесвадебные обряды. Каждое



В.С. Соболев, директор Костромского историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь», открывает праздник костромских ремесел. 1982 год.

«действующее лицо» должно было играть предназначенную ему роль. Например, даже если невеста выходила замуж по желанию, ей следовало причитать. Не случайно говорили: играть свадьбу. Обряд выноса девьей красоты совершался накануне свадьбы, когда в доме невесты собирались родственники. Сюда и приходили подружки невесты, чтобы попрощаться со своей подруженькой, хозяев и гостей почествовать, ну и себе гостинцев и денег насобирать. Они приносили наряженную вершинку ёлочки, которая символизировала красоту и молодость невесты (отсюда и название её – девья краса), – и самая бойкая из них сыпала приговорами про то, как гости к дому подъезжали, а девушки в горнице сидели и «из окошечка глядели, как гости из саночек вылезали, золотой казной брячали, в часту лесенку входили, по пятам карманам били... Как у нашего сватушка есть в избе полати, положите нам, красным девушкам, на шелковые платы; есть в избе полочки, положите нам на рукавички, чтобы нам подруженьку проводить, да ручки не застудить. Как у нашего сватушка под порогом лежит шест, положите-ка нам, красным девушкам, рубликов шесть. А кто ловок да совок, положит рубликов сорок. Как положите рубликов восемь, так и на ту осень милости просим. А кто положит рубля полтора, так и не заглядывай сюда. Кто положит пятак, возьми его назад: не пригодится ли на табак. Кто положит грош, возьмёт того дрожь». Потом чествовала каждого гостя в отдельности, ожидая награды, и всех вместе: «Экие вы, сватушки, хорошие, экие вы, свахоньки, пригожие; на вас, свахоньки, полушубки-то добрые, на вас, сватушки, тулупы-то долгие, карманы-то до пят, кладите-ко нам опять».

Меня назначили ответственной за проведение этого обряда. Я нашла исполнительницу главной роли и стала с ней репетировать. Но заучить текст оказалось для девушки слишком трудным делом. Пока она читала и



пыталась рассказывать этот длинный наговор, я практически выучила его. Так и пришлось мне самой играть бойкую девушку, хотя бойкой я совсем не была и очень волновалась. Интересно, что когда я начала показывать этот обряд своей бабушке, она продолжила наговор... Живая связь времён.

Много сил уходило на подготовку праздников, много радости приносили они и много переживаний: хотелось, чтобы всё прошло без сучка и задоринки, чтобы главные участники – костромские мастера – и зрители получили удовольствие. И всегда последнее волнение – по поводу того, над чем никто из нас был не властен: погода. По-моему, это был 1983-й. Я проснулась утром – и не могла поверить своим глазам: за окном хлестал дождь. Говорят: ранний гость – до обеда (то есть если дождь начался рано утром, то к обеду должен закончиться). Праздники обычно начинались часов в 11 утра. Собралась я в музей, несу костюм, наряженную девью красоту, иду по лужам под проливным дождём, а из глаз – слёзы ручьями: небо беспросветно, и конца ненастью не видно. Единственное, что порадовало: были зрители. Те, кто полюбил наши праздники, шли в музей, несмотря на дождь. Мы решили, что праздник состоится, даже если он будет в одном из домов на повити. Но примета оказалась верной: к полудню тучи рассеялись и ярко засияло солнышко...

Мастера разложили разноцветные тканые дорожки, кружева, салфетки, расставили удивительной красоты плетёные изделия из лозы, изделия из глины, берёсты, дерева (с резьбой и росписью). Тут же демонстрируют они своё мастерство, а желающие могут попробовать и поучиться. Музейные сотрудники показывают вещи из фондов музея и рассказывают о славных мастерах прошлых времён. А вот и молодёжь музейная с песнями и танцами. На сцене возле дома Лоховой – сценки из деревенской жизни. Володя Ковшиков играет пожилого прижимистого крестьянина. Он в лаптях, рубаха подпоясана поясом, борода и усы (натуральные, не приклеенные) прекрасно завершают образ. Немного ссутулившись, подходит он к воображаемому окну, протирает его, пристально всматривается в небо и сообщает домочадцам: «Кажись, обьярычилось. А даве, вроде, позамулындило...» Потом взгляд его падает на улицу: «Вона, кумовья катят. Ни одного праздника не пройдёт, чтоб не припожаловали. Жрать-то люты оба больно...» Кумовья уже на пороге – и хозяин расплывается в улыбке, а ворчливый тон сменяется сладко-гостеприимным: «Добро пожаловать, гости дорогие!» Кумовья – это Евгений Александрович Ершов (прекрасный актёр) и я. Следом бежит любопытная соседка – её играет роскошная красавица Любовь Александровна Михайленко. Увидев гостей, делает вид, что удивлена, но особо не смущается – не из таких: «Гости на гости – хозяевам радости». Публика очень живо реагирует на всё происходящее на сцене, поэтому выступать – просто удовольствие. Вообще зрители на



праздниках наших были замечательные. У меня всегда было ощущение, что у нас с ними полное единение в любви к русским традициям и к русской культуре.

На одном из праздников мы рассказывали о хлебе, о том, сколько труда и терпения требуется, чтобы вырастить и убрать



В. Е. Шантырева на празднике костромских ремесел в музее деревянного зодчества. 1980-е годы.

урожай, высушить и обмолотить зерно, смолоть в муку и испечь хлеб, о традициях русского хлебосольства. Кульминацией этой части праздника стал настоящий ржаной хлеб, испечённый в русской печи. Мы заказывали хлебы в деревне Колесово Костромского района, а испекли их прекрасные мастерицы Лидия Васильевна Бодрикова, Анастасия Александровна Чагина, Мария Васильевна Бекенёва, Аграфена Алексеевна Горячёва и Мария Фёдоровна Бекенёва. К сожалению, никого из этих замечательных женщин нет с нами. И всё меньше в деревне тех, кто владеет мастерством хлебопечения. Но думаю, те, кто присутствовал на празднике, помнят кусочки ароматного, удивительно вкусного хлеба, которым угощали их сотрудники музея.

Деревня моей бабушки, музей народной архитектуры и быта, русские традиции, обычаи, русские сказки, песни, пословицы, меткое русское словцо – это бесценное богатство живёт во мне и поддерживает в любых ситуациях. Теперь, когда я преподаю русский язык на факультете иностранных языков Даремского университета, я продолжаю открывать для себя и своих студентов новые грани нашего национального достояния. А ещё – я подготовила лекцию «Мир русской деревни», в которой рассказываю нашим первокурсникам (как когда-то это делал мой папа) об одном из чудес России – деревенской избе, о хозяйственных и культурных постройках, об укладе деревенской жизни и о выносливом, мудром русском крестьянине-труженике.





Праздник костромских ремесел в музее. Мастер Анна Козлова из д. Тепра Костромского района со своими учениками. 1982 год.

**О.В. СМУРОВА**

*доктор исторических наук, профессор КГУ*

## ОТ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ К СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ

Вспоминаю это время как праздник. Музей в феврале 1979 года ещё располагался в Ипатьевском монастыре. После окончания исторического факультета Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена мой приход в музей был связан с возвращением в родную Кострому.

Здесь, в музее, окунулась с головой в литературу, прежде мне неизвестную, познакомилась с необыкновенно интересными людьми, общение с которыми без сомнения и преувеличения предопределило всю мою последующую жизнь. Всех назвать невозможно, назову лишь тех, общение с кем было наиболее значимым: Владимир Семёнович Соболев, Елена Васильевна Сапрыгина, Виктор Николаевич Бочков (в краеведческое объединение, им созданное, меня привела Елена Васильевна), Светлана Михайловна Гусева, Владимир Геннадьевич Ковшиков, Николай Георги-

евич Морозов, Ольга Витальевна Кордубайло, Ольга Алексеевна Заботкина. Это было время бесконечных открытий культурного пространства Костромы, насыщенного общения в кругу костромской интеллигенции, а на конференциях – и российской интеллигенции.

Срок работы в музее был невелик по времени, но это было такое красочное пятно в моей жизни, что с этим ощущением живу всегда. В музее было несколько отделов. Как-то исподволь сложилось так, что я всё больше прикипала к музею народной архитектуры и быта. Демократичная атмосфера внутри музея позволяла сделать этот внутренний выбор и периодически вливаться в работу этого музея. Так и получилось, что я оказалась причастной к подготовке первого праздника ремёсел. Я ездила к мастерам, собирала информацию о кружевоплетении. Итогом стала первая в моей жизни статья в газете «Северная правда» и маленькая выставка в часовне (тогда меня это обстоятельство не смущало) по крестьянскому искусству. Памятна поездка в д. Тепра. Там мы собирали материал по корзиноплетению. Заречье – родная для меня сторона, корни мои оттуда. Каково же было моё удивление, когда одна 80-летняя слепая бабушка в Тепре в ответ на моё упоминание о предках сразу же среагировала на фамилию: «Головкин-то почётливый был, когда через Шунгу ехал, так шапки-то скидывали». Эта оговорка открыла для меня окно в минувшее.

Много воспоминаний связано и с фольклорно-танцевальным коллективом «Берегиня». Участниками были все молодые сотрудники, а таких было большинство. Костюмы шили своими руками, копируя фоновые вещи. Энтузиазм восполнял наш непрофессионализм.

Наконец, не могу не рассказать о поездке в Макарьевский район. Дом Липатова тогда ещё только готовился к вывозу. Наша задача была собрать материал о доме, владельце, семье, чтобы возможна была музеефикация. Городские рафинированные девочки: Светлана Гусева, Ольга Кордубайло и я ехали туда стоя, по бездорожью (это после Невского-то проспекта) на машине вместе с лесорубами, которые всю дорогу изъяснялись на незнакомом для нас языке и почему-то останавливались у каждого магазина. Приехали в деревню ночью, была абсолютная тьма. Макарьевские мужички оказались весьма гостеприимными, проводили нас к хозяйке липатовского дома.

Итогом всего этого стало то, что, даже покинув музей, никогда не порывала контактов с людьми из юности, а занятие крестьяноведением стало потребностью, вылившейся в работу сначала над кандидатской, а затем и докторской диссертацией. И, пожалуй, самое главное, что, благодаря этим занятиям, я вошла в пространство деревенской культуры, мои деревенские предки стали мне понятнее, их ценности мне стали дороги, и я живу с ощущением своей принадлежности к большому роду. И осознание этого пробуждает во мне чувство ответственности перед памятью предков.





Праздник Троицы в «Костромской слободе», 2010 год.

**Л. А. МИХАЙЛЕНКО,**

*директор Костромского архитектурно-этнографического  
и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода»,  
2007- 2014 гг.*

## ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ «КОСТРОМСКОЙ СЛОБОДЫ»

Плановая работа в 2010-х годах, когда закладывались основные традиции Музея-заповедника «Костромская слобода», была подчинена основным целям и задачам музейной деятельности – сбережению уникальных памятников архитектуры деревянной Руси, изучению обычаев и верований, укоренённых в православной традиции крестьянства, и их популяризации. В атмосфере нового времени, когда у многих пробуждался интерес к своим историческим корням, к биографии места – каждого городка и деревушки русской провинции, к забытым промыслам и ремёслам своих земляков, особенно было интересно работать.

Предшествующий опыт выставочного центра «Автограф, открытого в Костроме в марте 1995 года в структуре областного Дома народного творчества, убеждал, как много у нас творческих и одарённых мастеровых людей, как жива на Костромской земле народная ремесленная традиция. С

января 2007 года «Автограф» был включен в состав Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода». Опираясь на опыт предшественников, сотрудники «Автографа», перешедшие на работу в музей-заповедник, продолжили собирательскую и исследовательскую работу по изучению традиционных видов ремесел, сохранившихся на территории Костромской области. Был сформирован выставочный отдел музея, куда вошли и научные сотрудники. Так опыт экспедиционной работы сотрудников Костромского музея деревянного зодчества, много лет собиравших материал по истории традиционных промыслов Костромского края, соединился с усилиями тех, кто изучал творчество современных мастеров, работающих в народной традиции. За 12 лет собирательской работы и приобретения лучших изделий народных умельцев выставочный центр «Автограф» сформировал фонд предметов декоративно-прикладного народного искусства, насчитывающий около 500 единиц хранения. Они были приняты в фонды музея-заповедника «Костромская слобода», где продолжилась работа по их изучению. Творческие семинары, областные, региональные и международные выставки помогли в развитии многих направлений традиционного прикладного искусства и отражали тенденции, появившиеся в народном искусстве на рубеже XX – XXI вв. Это позволяло выстраивать стратегию культурной политики музея-заповедника «Костромская слобода» на 2010-е годы.

Возрождение, развитие народного искусства Костромского края, имеющего свои яркие специфические черты, сохранение индивидуальности творца, занимающегося традиционными художественными ремеслами, оказание научно-методической помощи и проведение научных консультаций по разделам этнографии для учреждений культуры, Домов ремесел, студий и центров народной культуры, – всё, что входило когда-то в сферу деятельности «Автографа», получило вторую жизнь в музее-заповеднике «Костромская слобода».

В начале 2000-х годов и в первое десятилетие существования «Костромской слободы» большая собирательская работа позволила подготовить к изданию книгу «Народное творчество Костромской области» (2005 г.); подарочный календарь «Костромская слобода. Народный костюм Костромского края» (2009 г.); подарочное издание «Художественные промыслы Костромского края» (2011 г.), «Костромская глина» (2013 г.); «Народный костюм Костромского края. Конец XIX – начало XX веков» (2014 г.).

При музее-заповеднике «Костромская слобода» была создана экспериментальная ткацкая мастерская, торговый киоск на входной зоне музея-заповедника, специализирующийся на местной продукции сувенирного характера. Наш музей стал инициатором и организатором нового проекта-конкурса – создания местного «Костромского сувенира», кото-



рый привлек многих участников, мастеров со всей Костромской области, также как и другой конкурс «Лес-Чародей» – резчиков по дереву, плотников, ставший для «Костромской слободы» на многие годы традиционным.

Мы стремились отвечать своему меняющемуся времени, пересматривать свои научные и образовательные программы. Становиться музеем всё более открытым и доступным для всех категорий населения. Научная, экспозиционная, лекционная, просветительская деятельность была направлена на воссоздание духа и облика крестьянской деревни, сохранившей колорит ушедшего времени. Это было главным и в содержании экскурсий, и интерактивных мероприятий, и на праздниках, мастер-классах, конкурсных программах.

Календарь крестьянских праздников имеет тесную взаимосвязь с циклами полевых работ и основан на традициях православного вероисповедания. Эти основные циклы и легли в основу музейного проекта «Крестьянский календарь», который был открыт с 2008 года. В январе проводились «Святочные гадания»; в феврале – «Зимние забавы»; в марте – «Широкая Масленица»; в апреле – «Веснянки»; в мае – «Егорьев день»; в июне – «Троица – Семика», «Зелёные Святки»; в июле – «Иван Купала»; в августе – «Медовый Спас»; в сентябре – «Осенины», «Дожинки»; в октябре – «Покровские посиделки»; в ноябре – «Кузьминки». В декабре музейные праздники – «Рождество», «В гостях у Снегурочки».

В основу каждой программы входил этнографический материал традиционного обрядового действа и несколько игровых, конкурсных блоков интерактивного характера. Подобный метод позволял максимально использовать ландшафтные возможности музея и привлекал максимальное число посетителей музея-заповедника к участию в наших программах.

С 2009 года в рамках праздника «Широкая Масленица» начал проводиться конкурс деревянной скульптуры «Лес-чародей», на «Дожинки» – конкурс садоводов и огородников, на «Покров» – конкурсные программы рукодельниц «Варвара-краса, длинная коса». А конкурс «На лучшего мастера кузнечного дела» входил в программу праздника «Кузьминки». Соревновательный дух привлекал к участию в конкурсах талантливых мастеровых людей, имеющих дело с традиционными видами ремесленных занятий, укоренённых в бытовании крестьян Костромской губернии с незапамятных времён.

Большим подарком для всех костромичей, кого волнует судьба народных промыслов, стало создание в «Костромской слободе» Дома ремёсел. Необходимость для города научно-методического, производственного и культурно-просветительского музейного центра по промыслам и ремёслам существовала давно. На подворьях музейных памятников деревянной архитектуры в «Костромской слободе» разместились гонча-

ры, берестянщики, мастера плетения из лозы, в «деревенской кузнице» работал кузнец, на ткацком стане заправлялась основа для изготовления домашних половичков. Живое участие мастеров в культурных программах музея было традицией – это и проведение мастер-классов, и участие в игровых и интерактивных программах, что позволяло всем желающим попробовать свои силы в том или ином виде ремесла и в конце занятия унести из музея вещь, изготовленную своими руками.

Планировалось, что Дом ремёсел, основанный на базе отдела художественных промыслов музея-заповедника, и станет художественным центром и в то же время производством, объединяющим мастеров Костромской области. Организация выставочной деятельности, ярмарок, аукционов народного декоративно-прикладного искусства, изготовление сувенирной продукции, выполненной в местном колорите, выпуск буклетов, каталогов – всё это были направления работы этого центра. Мы старались создать банк данных о мастерах и реестр костромских ремёсел, бытующих в Костромском крае в 2000-е годы. В рамках бренда «Кострома – душа России» наши проекты и конкурсы народных ремёсел помогли пополнить музейные фонды работами лучших современных мастеров, а на костромском «арт-рынке» поднять уровень художественности, пополнив его подлинными предметами народного искусства. В музейное пространство самого музея-заповедника органично вписались «торговые ряды», предназначенные для реализации продукции народных умельцев, как альтернативное предложение на сувенирном рынке, заполненном, к сожалению, часто безликими суррогатными образчиками псевдонародного искусства.

Музей рассматривал как перспективное направление в своей деятельности сотрудничество с мастерами, «прививая» интерес к художественным ремёслам. Именно поэтому практически в каждую программу «Крестьянского календаря» включались мастер-классы по направлениям крестьянских ремёсел – ткачеству, изготовлению обрядовой куклы, глиняной игрушки, гончарному делу, плетению из прута и бересты, кистевой росписи.

Составной частью наших программ были фольклорная музыка и «меткое народное костромское слово». Многие обряды основных народных христианских праздников – «Масленицы», «Троицы», «Покрова», «Рождества» – были записаны сотрудниками музея в научных экспедициях по Костромской области. Неповторимые диалектные особенности костромских говоров, «местных» традиций, присущих народному гулянию того или иного региона нашей большой губернии, использовались и в сценарных разработках «Крестьянского календаря». Популярность наших программ с каждым годом росла. И «Костромская слобода» стала одним из любимых мест не только отдыха, но и творческого сотрудничества музея и его посетителей.





**С.А. ПИЛЯК,**

*архитектор, заместитель директора  
Музея-заповедника «Костромская слобода»*

## ИСТОРИЯ МУЗЕЙНЫХ КОНЦЕПЦИЙ

2016 год является особым для музея-заповедника «Костромская слобода». 50 лет назад началось освоение территории на берегах реки Игуменки, ныне основного музейного участка, и 125 лет назад был открыт Скансен – первый музей под открытым небом, явившийся образцом для сотен музеев, в том числе и Костромского: «1891 г. признан всеми как год возникновения нового типа музеев – музеев под открытым небом. В этом году Артур Газелиус организовал открытый доступ к объектам, перенесенным в Стокгольм на остров Дьюргарден. Это были жилые дома и хозяйственные постройки, вывезенные из селения Мора провинции Даларна в 1885 г.»<sup>1</sup>. Оба события заставляют вернуться к первым годам существования и формирования концепции Костромского музея деревянного зодчества, ставшего в свою очередь образцом для аналогичных музеев России.



Вначале наш музей был исключительно архитектурным. Во многом этому способствовал сам повод создания Костромского музея деревянного зодчества, давно ставший легендой в устах местных гидов.

*В середине 1950-х годов в связи с созданием каскада волжских водохранилищ рядом с Костромой должно было появиться рукотворное море. При этом затоплялись огромные территории Костромской низины – особого «низменного края», воспетого еще Николаем Алексеевичем Некрасовым. Под воду уходили десятки деревень, несколько сел. Уже подходил к концу процесс переселения жителей, перевозка домов в Кострому и несколько новообразованных поселков поблизости. Однако под воду должны были уйти и бесценные произведения костромских зодчих – старинные избы, амбары, бани и уникальная церковь Спаса-Преображения, водруженная на 24 дубовые сваи. Костромские реставраторы и музейщики не могли этого допустить. Деревянные здания тщательно обмеряны, разобраны по бревнышку и в плотах сплавлены в Кострому. Для сохранности архитектурных шедевров было решено поставить их в Новом городе Ипатьевского монастыря. Эти памятники положили начало одному из старейших музеев деревянного зодчества России – Костромскому...*

Являясь одним из старейших музеев под открытым небом России, Костромской музей постепенно стал экспериментальной площадкой для апробации различных сценариев формирования музея народной деревянной архитектуры. Из-за развития музейной застройки на разных территориях это качество проявилось наиболее заметно.

Спасение памятников преследовало единственную цель – сохранение произведений народной архитектуры. Использованию памятников в качестве музейных объектов, созданию каких-либо экспозиций в их помещениях в первых проектах реставрационных работ не уделялось внимания вовсе. Сохранение памятника не предусматривало и благоустройства прилегающей территории, в том числе организации характерной для здания ландшафтной среды. Все это привело к тому, что первые экспонаты музея – свайная церковь Спаса Преображения и курные бани, перевезенные из Костромской низины, оказались буквально втиснутыми в стены Нового города музеефицированного Ипатьевского монастыря, наподобие артефактов в открытом фондохрании: «музеефицированные объекты не нашли экспозиционного места и являются чем-то вроде набитого экспонатами запасника, где, если и увидишь какой-либо экспонат, то либо не целиком, либо в случайном и неестественном окружении»<sup>2</sup>. Естественно, достойное представление ценнейших архитектурных произведений стало перспективной задачей, поставленной на следующем этапе развития музея.





Уточненный вариант генплана К.Г.Тороп и И.Ш.Шевелёва.

В 1960 году для развития экспозиции был выделен земельный участок к северу от Ипатьевского монастыря. Исторически данная территория была связана с монастырем. Здесь находились хозяйственные постройки и сад, именно здесь уже с XV века начинает формироваться подмонастырская слобода, позднее получившая название Богословской. Памятники деревянного зодчества, размещенные здесь согласно проекту, должны были образовать вместе с сооружениями монастыря гармоничный ансамбль, представляющий полную палитру произведений костромских зодчих.

И на этом этапе музей являлся архитектурным по профилю. Размещение на участке

памятников народной архитектуры подчинялось, по сути, исключительно требованиям наиболее эффектной постановки зданий по сторонам света. На этом этапе костромской музей деревянного зодчества близок по концепции «выставке образцов народной деревянной архитектуры». Стоит отметить, что генеральным планом музея уже предусмотрены такие необходимые сооружения, как лекторий и павильон сбора экскурсий. Дальнейшее использование зданий-памятников, насыщение их характерными для родных местностей бытовыми предметами было призвано способствовать разноплановому представлению народной архитектуры и быта.

Уже в середине 1960-х годов становится распространенной концепция архитектурно-этнографического музея. От механической реставрации и сохранения памятников архитекторы вместе с музеями приходят к созданию целостной историко-культурной среды. В таком музее каждый памятник занимает свойственное ему место в застройке, а сам музей приобретает облик типичного населенного пункта или фрагмента его застройки. Именно такой музей уже с 1966 года начинает проектироваться, а с 1967 года – формироваться на новом участке, переданном музею.



Музей деревянного зодчества. Панорама 1972 года.

Прорезающая участок примерно посередине неширокая река Игуменка подсказала архитекторам основную идею генерального плана. К северу от реки пролегла улица, на которой поставлены 6 крестьянских усадеб и часовня. Некоторые усадьбы дополнены хозяйственными сооружениями – как подлинными амбарами, кузницей, овином, так и новодельными колодцами и заборами. Близкая масштабно костромской деревне-малодворке застройка музея дополнена храмами, поставленными на условных погостах. Улица стала основным экскурсионным маршрутом музея. На значительном расстоянии к югу от нее поставлены высотные объекты, выделяющиеся сложными силуэтами – ветряные мельницы и ярусная часовня.

Генеральный план музея, предусматривающий развитие на территории, зажатой между берегом реки Костромы и дорогой, проходящей к западу от нее, предусматривает известную компактность экспозиции, а, следовательно, логичность и удобство для посетителей. На неполных 14 гектарах разместилось два с половиной десятка сооружений. Такая насыщенность памятниками уже несколько десятилетий остается визитной карточкой Костромского музея.

В начале 1970-х годов методика создания архитектурно-этнографических музеев продолжает развиваться в заданном, «средовом» направлении. С учетом того, что даже в пределах одной области или края традиции народного быта могут быть различными, концепция цельного архитектурно-этнографического комплекса перерастает в тему многосекторного музея, каждая зона которого представляет соответственно определенную историко-культурную территорию, выделяемую по географическо-



му, национальному или иному признаку. Сектор представляет из себя условное селение, составленное архитектором из построек одной историко-культурной зоны. Подобное решение предусмотрено генеральным планом музея архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья<sup>3</sup> (Нижний Новгород), музея «Семенково»<sup>4</sup> (Вологодская область), музея «Витославицы»<sup>5</sup> (Великий Новгород), однако наиболее последовательно тип многосекторного музея был реализован в музее Малые Корелы<sup>6</sup> (Архангельская область). Из шести секторов архангельского музея, спроектированных архитекторами Борисом Гнедовским, Ольгой Севан и другими, в настоящий момент существует четыре. Неосуществленным осталось предложение Игоря Шургина по созданию музея деревянного зодчества Коми<sup>7</sup>. Развитие центрального сектора предполагалось на основе подлинной деревни. Существующие объекты при этом сохранялись на местах, а утраченные заменялись близкими по объемно-пространственной композиции. Музеефикация исторических деревень Ямка и Васильево на острове Кижи, как и частичное приспособление зданий для нужд музея, также следует упомянутой концепции. Развитие Костромского музея в этом направлении осталось нереализованным, хотя предполагалось «показать отдельные территориально-этнографические зоны»<sup>8</sup>. Костромской музей до сих пор остается одним из немногих, где соседствуют объекты, исторически находившиеся друг от друга в сотнях километров.

Позже в приоритете в качестве предмета показа оказался не столько подлинный памятник, сколько характерная для него историко-культурная среда, в особенности обряды, традиции, промыслы, обычно объединяемые понятием «нематериальное культурное наследие». Сейчас Костромской музей деревянного зодчества носит наименование «архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника». Народная архитектура, культура и природа становятся «тремя китами», на которых зиждется уникальная среда, формируемая музеем. В современном архитектурно-этнографическом музее данная среда создается десятками средств, но ключевой составляющей остаются подлинные произведения зодчества. Без сохранения артефактов народной архитектуры музей под открытым небом лишается смысловой основы.

## Примечания

1. Е. Чайковский. Музеям под открытым небом – 100 лет / Музееведение. На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. –М., 1991. С. 10.
2. Заключение по проекту планировки музея деревянного зодчества в городе Костроме, разработанному Костромской специальной научно-реставрационной мастерской от 25 октября 1975 года. Архив КАЭЛМЗ «Костромская слобода». Л. 2.
3. Ю.Г. Самойлов Проблемы развития архитектурно-этнографического музея под открытым небом (из опыта создания музея архитектуры и быта народов Нижегородского Поволжья) / Музееведение. На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. –М., 1991. -238 с. – (Сб. науч. тр./ НИИ культуры). С. 134.
4. О.Г. Севан. Из опыта проектирования и формирования музеев под открытым небом гг. Костромы, Архангельска, Вологды, Перми / Музееведение. На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. –М., 1991. С. 78.
5. Красноречьев Л. Е. Народное деревянное зодчество Новгородчины. Витославлицы. – Великий Новгород. / Новгородский государственный объединенный музей-заповедник, 2014. С. 13.
6. О.Г. Севан. Из опыта проектирования и формирования музеев под открытым небом гг. Костромы, Архангельска, Вологды, Перми / Музееведение. На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. –М., 1991. С. 68.
7. И. Н. Шургин. Некоторые архитектурно-планировочные принципы и приемы проектирования экспозиций музеев под открытым небом в Коми и Удмуртии / Музееведение. На пути к музею XXI века: Музеи-заповедники. –М., 1991. С. 152.
8. Письмо начальника Костромского областного управления культуры заместителю председателя Советского комитета ИКОМОСа И. Маковецкому от 27.04.1971 г. Архив КАЭЛМЗ «Костромская слобода».





**С.А. ПИЛЯК,**

*архитектор, заместитель директора  
музея-заповедника «Костромская слобода»*

## ЦЕРКОВЬ СПАСА – ПЕРВЫЙ ЭКСПОНАТ НА ИГУМЕНКЕ

Церковь из села Фоминское – один из самых известных экспонатов Музея-заповедника «Костромская слобода». Ныне она встречает всех посетителей музея у самого входа. Эффектный силуэт храма, возвышающегося на невысоком холме в излучине реки Игуменки, привлекает гостей музея. Также храм виден и со стороны автостоянки музея, примыкающей к входному павильону. Высокая звонница в обрамлении листвы деревьев составляет один из самых поэтичных видов музея. Именно с этого объекта началось формирование музейной архитектурной экспозиции на реке Игуменке.

Церковь Спаса была построена в селе Фоминское Костромского уезда в 1712 году. Она заменила шатровую церковь XVII века, освященную во имя Дмитрия Прилуцкого<sup>1</sup>. Посвящение музейного объекта до сих пор вызывает определенные сомнения, однако это составляет тему самостоятельного исследования. В отличие от многих известных костромских деревянных храмов Спасская церковь уже в середине XIX века была упразднена, поэтому не зафиксирована в большинстве статистических источников и вошла в научный оборот лишь в 1946 году. Экспедиция студентов и преподавателей Харьковского архитектурного института по исследованию

и учету памятников деревянного зодчества новообразованной Костромской области подготовила акт от 23.08.1946 г., в котором отмечено хорошее состояние памятника.

По итогам исследования июня 1949 г. был выполнен паспорт объекта, и храм был поставлен под государственную охрану<sup>2</sup>.

В 1960-х годах церковь Спаса была обмерена, и уже 5.04.1965 года датирован чертеж генерального плана с изображением церкви Спаса с вариантом расположения на 1-м участке музея деревянного зодчества<sup>3</sup>. Ныне этот участок занимает спортивная площадка городской школы № 10. В непосредственной близости к памятнику, также на границе, предполагался к размещению еще не перевезенный в Кострому дом Ципелевой из деревни Аристриха Шарьинского района и амбар при доме, без указания происхождения.

В 1966 году храм был повторно обмерян специалистами реставрационной мастерской, и затем был подготовлен проект реставрации объекта. При реставрации и воссоздании утраченных деталей храма архитектор Костромской специальной научно-реставрационной и производственной мастерской (КСНРПМ) Иосиф Шевелев (консультант – Александр Ополовников) в первую очередь ориентировался на достоверные изобразительные источники. Основанием для воссоздания восьмериковой колокольни стал рисунок конца XIX века неизвестного художника. На изображении храм показан с юго-восточной стороны. Огрубленная тесовой обшивкой, колокольня возвышается над западным объемом храма – притвором. Детальные размеры были вычислены путем работы с аналогами и сложной системой пропорций. Соотношение объемов храма, общих для десятков известных памятников русского зодчества, стало не только относительно достоверным источником для воссоздания колокольни и главки храма, но и явилось своеобразной «визитной карточкой» Иосифа Шевелева, причем в работе на памятниках как деревянного зодчества, так и каменной архитектуры.



Реставрация церкви Спаса. 1968 год.

Особую проблему при реставрации составило воссоздание крыльца. Храм поставлен на высокий подклет, а крыльцо, соответственно, является значительным архитектурным объемом, в большой степени влияющим на облик храма. Западная стена храмового сруба за 300 лет существования памятника оказалась покрыта многочисленными врубками для закрепления конструкций крыльца. Неоднократно заменявшееся крыльцо имело различные формы. К 1950-м годам, времени введения памятника в научный оборот, сохранилось крыльцо второй половины XIX века – дощатый короб, содержащий в себе одновходную лестницу. Поздний объем крыльца в определенной степени вступает в противодействие с народной архитектурой начала XVIII века, и согласно проекту должен был быть заменен на соответствующие сооружению формы, определенные с помощью достоверных источников.

Воссоздание крыльца предполагалось по врубкам, оставшимся на западной стене сруба храма. Первоначальный вариант ориентировался на максимальное количество используемых врубок. В частности, вертикальные, на несколько венцов, врубки определили размеры и место закрепления вертикальных брусьев каркаса притвора. Однобрусенные врубки определили размещение каркаса покрытия крыльца – князевой слеги, охлупня и подстропильных балок. Именно подстропильные балки определили характерный угол подъема лестничных входов – более 45 градусов. Этот уклон задан уже в чертежах мая 1967 года<sup>4</sup>. Именно такой наклон имеют входы существующего крыльца.

На чертеже крыльца от 23.09.1967 г. – заметка консультанта проекта А. В. Ополовникова<sup>5</sup>:

*«При детальном изучении следов крыльца выявляется, что:*

*- существующие врубки остались от двух разных композиций крылец, существовавших здесь на разных этапах жизни памятника;*

*- в представленном проекте, на их общей основе создан вариант крыльца, вероятно, не существовавший никогда – поэтому: лучше принять композицию первоначальную, т.е. без паперти, при которой двухвходное крыльцо примыкает вплотную к срубу (и опирается оно на клеть.)*

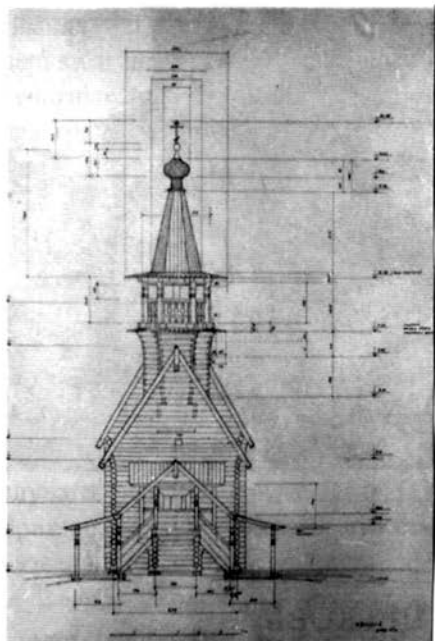
*Если сделать так – это будет очень правдиво, убедительно, просто и хорошо. И главное – в образе и духе нар. дер. зодчества.*

*23/IX-67 Ополовников».*

За 1968-1970-е годы церковь была собрана на новой территории музея. Как для костромских архитекторов, так и для плотников реставрационной мастерской этот объект оказался сложным. Однако именно Фоминская церковь задавала ритм строительства музейной архитектур-



ной экспозиции – к 1970 году были также завершены реставрационные работы на трех часовнях музея, церкви Илии Пророка, двух ветряных и одной водяной мельницах. К этому времени на музейной улице появляются деревянные избы и амбары. Костромской музей деревянного зодчества за несколько лет приобрел облик, который, в общем, сохраняет и сейчас.



Проект реставрации церкви Всемилоственного Спаса из с. Фоминского.

### Примечания

1. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск II. Костромской район. Красносельский район. (под. ред. Кондратьевой И. Ю.) –Кострома: Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры, -Кострома: 2000. С. 117.
2. Научный отчет по теме «Деревянное культовое зодчество Костромского края XVI- н. XX вв. (По клировым ведомостям церквей Костромской епархии)», 1995 г. Архив КАЭЛМЗ. Л. 5.
3. Архив КСНРПМ. Схема расположения церкви Спаса из села Фоминское.
4. Архив КСНРПМ. Чертеж № 640.
5. Архив КСНРПМ. № 630.





**С.С. КАТКОВА,**  
*искусствовед*

**ИЛЬИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ  
СЕЛА ВЕРХНИЙ БЕРЕЗОВЕЦ  
К проблеме атрибуции известного памятника  
деревянной архитектуры**

Памятник давно привлекал внимание исследователей, его обследовали экспедиции ИАК в 1907-1909 годах и РАА в 1946. Ильинская церковь была перевезена в Кострому в Музей деревянного зодчества в 1970 году<sup>1</sup>. Собрали храм на территории музея в 1973 году. Поставили за линией «сельской» улицы и предполагали создать вокруг него погост, с типичными атрибутами кладбища. Однако, эту идею воплотить не удалось.

Воссоздание художественного убранства затянулось. Иконостас реставрировали и собрали в 1982 году, а в 1984 после реставрации установили «небо»<sup>2</sup>. Получился редкий по цельности и сохранности интерьер, уникальный для нашего региона, так как больше не сохранились деревянные храмы, в которых был бы расписной свод, иконостас, сень над плащаницей, иконы из тьяблового иконостаса.

Впервые о селе Верхний Березовец упоминается в XV веке в связи с покупкой Троице-Сергиевым монастырем у Ивана Калинина двух наволоков на реке Костроме у Верхнего Березовца. В галичских Писцовых книгах церковь записана как «Никольская с приделом пророка Ильи, да другая церковь Покрова Пресвятыя Богородицы да придел священномученицы Параскевы».<sup>3</sup> Никольская была летней церковью, а рядом стояла зимняя – Покровская. Традиционно главным считали престол летней церкви и по нему называли весь приход. В 1707 году в Записной книге печатных пошлин записано «июля в 14 день запечатана благословенная грамота на два престола по челобитью Галичского уезда Верхнего Березовца Николаевского попа Иакова с прихожаны, велено к той Николаевской церкви *построить придел с одну сторону Покрова Пресвятой Богородицы теплой, а по другую сторону мученицы Параскевы, нарицаемые Пятницы*»<sup>4</sup>. 22 сентября этого же года были выданы два антиминса в новопостроенные приделы. Итак, к холодной церкви прирубили с двух сторон приделы, а отдельная теплая церковь перестала существовать.

Почему была нарушена традиция воссоздания изветшавшей церкви на том же месте, почему ограничились пристройкой приделов? С завершением строительства явно спешили, хотели управиться до холодов. Значит, служить зимой было уже негде. О пожаре не упоминается, видимо, здание пришло в такую ветхость, что стало опасно в него заходить или совсем развалилось.

Есть еще одно обстоятельство, препятствовавшее воссозданию теплого храма. В связи со строительством новой столицы Петр I запретил всякое новое строение по городам и весям. В архивных документах часто встречаются отказы на новое строение и только пожар, все уничтожавший, позволял получить разрешение на строительство одной церкви.

Сколько времени просуществовала Никольская церковь с двумя пристроенными приделами? Неизвестно. Трудно представить, что с 1707 года до 1822 довольно большой приход в зимнее время мог обходиться только небольшим теплым приделом. Со смертью Петра I ослаб запрет на строительство новых храмов и где-то с конца 1720 до 1750-х годов приход вполне мог вновь построить теплый Покровский храм.

Высказанные С.Забелло и позднее Е.Кудряшовым предположение о размещении теплой Покровской церкви в подклете опровергают данные обследования памятника реставраторами перед разборкой храма.<sup>5</sup> Не обнаружено следов расположения печи, дымоволока, теплого пола и двойных рам.

Закладка шурфов после разборки храма позволила установить отметку пола. Высота подклета всего 150 см. Междуэтажное перекрытие



над подклетом не утеплено, что является прямым свидетельством того, что вся церковь была холодной. Подклет мог использоваться лишь как место, куда ставили покойника до отпевания. Реставраторы нашли остатки тябел у самого потолка по всем стенам подклета и следы штукатурки на потолке и стенах. На тяблах, вероятно, стояли иконы, приносимые с покойником (расстояние между тяблом и потолком невелико, только для установки небольших пядничных икон). Напомним, что в Указе 1707 года предписано пристроить приделы по сторонам четверика. Их пристроили и освятили.

В 1822 году возводят каменную Покровскую церковь с приделом Параскевы, туда же переносят и Никольский придел. Очевидно, к этому времени Никольская церковь совсем изветшала. Может быть, тогда и возник замысел перестроить обветшавшую церковь, сохранив в ней существовавший издревле престол во имя пророка Ильи? Вокруг церкви находилось кладбище. Посвящение пророку Илье кладбищенского храма имело особый смысл. Илья пророк считается посредником между Небом и Землей и по легенде должен вместе с праотцем Енохом вернуться на землю перед вторым пришествием Христа.

Скорее всего, завершив строительство каменного храма, прихожане занялись кладбищенской церковью. Есть предположение, что церковь всю перебрали, скорее всего, построили заново. При разборке храма в 1970 году не выявлено следов примыкания двух приделов. Два верхних восьмерика выполнены из оконтуренных снаружи бревен, что вполне в традиции северных плотницких приемов, сочетавших в одном здании разные приемы обработки бревен и вязки срубов. Нередко «верхние жилья рубили в брус», особо отмечали, если горница брусая или «побита тесом кругом от кровли и до земли». Гладкие, обитые тесом стены более соответствовали строению «на каменное дело», как и большие окна, кровля и главка, крытая железом.

При сборке церкви в музее ее поставили на каменный ленточный фундамент, и семь нижних венцов уложили на мох. Это до высоты межэтажного перекрытия, выше все собрано всухую, то есть без прокладки мхом. Это давало возможность проветривания и быстрого высыхания сруба после зимы или затяжных дождей. И чем выше была церковь, тем лучше была циркуляция воздуха. Два восьмерика были той воздушной трубой, которая обеспечивала тягу воздуха вверх. Однако тесовая обшивка, казалось бы, препятствовала этому, но не настолько, чтобы закрыть доступ воздуха, она лишь утепляла и предохраняла четверик от переувлажнения.

Вернемся к проблеме обшивки тесом. Изначально фундамента не было, камни лежали только под углами, то есть на момент обшивки тесом венцы закладные и тупики не пытались заменить, они были



Демонтаж Ильинской церкви из с. Верхний Березовец  
Солигаличского района. Снятие холста с росписью. 1970 год.

крепкими и не вызывали опасения. «Выметывать сгнившие бревна и заменять новыми» плотники умели. Можно предположить, что обшивка тесом была задумана изначально при перестройке 1820-х годов для чего использовали тес колотый. Пилёный тес использовали только для обшивки свода и тропов. На фото 1908 года виден колотый тес потолка трапезной, то есть колотый тес поставили снаружи, использовали в укладке потолка и полов.<sup>6</sup>

Колотый тес можно заготавливать зимой, когда свободны плотницкие артели, а пилёный тес дороже и наемным пильщикам могли заказать лишь небольшой объем теса. Неизвестно, были ли среди прихожан свои пильщики, но чтобы управляться с продольной пилой, нужно иметь большую сноровку и силу, поэтому обычно нанимали специалистов пильщиков.

В послевоенное время, в начале 1950-х годов, по деревням еще ходили пильщики. Их нанимали при строительстве или ремонте домов. Рядом со стройкой они ставили козлы, закатывали на них бревно. Один вставал наверх, другой под козлы и точно по разметке распускали бревно на доски. Казалось, широкое полотнище пилы, как по маслу, скользит в руках пильщиков вверх-вниз. На деле же все не так просто, есть много условий в синхронном ритме обоих пильщиков. Мы, как замороженные, смотрели на их слаженную работу и даже просили попробовать потянуть пилу снизу. Иногда они отвечали на наши вопросы, когда в перерыве правили пилу. (У наших пильщиков всегда с собой было два полотнища и при поломке одного из них перерыва в работе не было).

Все перечисленное свидетельствует, что существующий храм дошел до нас с изменениями при ремонтах и реставрации.

На фото Костромской экспедиции РАА и обмерном чертеже 1946 года видно, что окна подклета не касаются земли, а при разборке в 1970 году три нижних венца уже сгнили, церковь просела, ушла в землю нижняя часть окна. Без поддерживающего ремонта церковь ветшала и только перевозка в музей спасла ее от окончательной гибели.

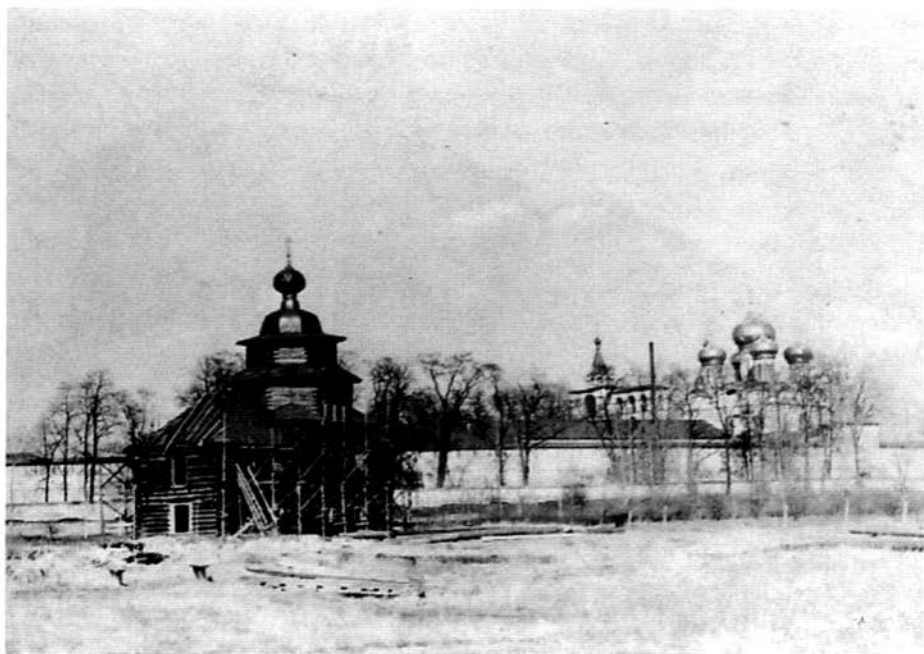


На фото 1908 года видны следы вычинки тесовой обшивки на линии соприкосновения с землей, а также под всеми окнами и в притворе. В интерьере видны свежие планки по ребрам трапециевидных граней и нащельники потолка трапезной. Видны новые доски по торцам расширенного прохода из трапезной в четверик. Крыша, видимо, долго и повсеместно протекала. Полотнища «неба» местами отстали, под воздействием влаги вспучились и на них отпечатались пазы стыков тесовой обшивки.

Не проблема ли с крышей заставила приход покрыть кровлю жостью? Это была вычинка или замена старой жести. Нет полной уверенности в том, что изначально храм был крыт жостью, а не тесом. В 1908 году все кровли выглядят новыми, оконные рамы тоже со свежей покраской переплетов и обкладок. Местные жители в 1946 году помнили о большом ремонте в начале века.

Под свесами крыши алтаря, четверика и притвора узкая полоска подзора из просечного железа с самым незамысловатым узором мысами. На кровле восьмерика подзоров нет. На вспученном своде не барабан, а пирамидка с подчеркнутыми гранями держит главку-маковку с простым крестом. Форма главки и пирамидка полностью аналогичны главам каменного храма. Характер расстекловки рам тоже аналогичен рамам каменной церкви, что косвенно подтверждает возможную дату перестройки церкви в 1820-е годы.

При ремонте в начале XX века были сделаны значительные конструктивные перестройки в интерьере. Перекрытия в трапезной и алтаре выполнили подшивкой по каркасу в форме трапеции. То, что первоначально они были плоскими, подтвердили гнезда матицы и пазы в стенах для укладки потолочного наката. При восстановлении памятника в музее вернули первоначальные по конструкции потолки в трапезной и алтаре. Также было установлено, что прямоугольный проем, соединяющий трапезную и четверик, был расширен и увеличен в высоту после устройства потолочного перекрытия в трапезной в форме трапеции. Срубленный порог, по предположению реставраторов, свидетельствует об изначальном заполнении входа из трапезной в четверик дверью, только тогда порог обязателен, а срубленный свидетельствует о стремлении сделать проход удобнее и выше. Характерно, что в начале XIX века сильно подросшее население, вынуждено было увеличивать высоту дверей, даже в иконостасах<sup>7</sup>. Очевидно, отсюда же стремление приподнять потолок в трапезной. Реставраторы воссоздали первоначальный проем между четвериком и трапезной с колодой по аналогии со входом из притвора в трапезную. Такой же дверной проем с мощной колодой и трапециевидным верхом с лавками, вплотную подходящими к нему, виден на фото в книге Б.И. Дунаева. Из чего следует, что работы по реконструкции интерьера производились после 1907 года.



Ильинская церковь в процессе реставрации.

### Примечания

1. Теперь архитектурно-этнографический и ландшафтный музей-заповедник «Костромская слобода».
2. «Небо» - установлено по фанерной обшивке, чтобы избежать следов по стыкам досок теса.
3. Писцовые книги Галича
4. Записная книга печатных пошлин
5. Забелло С. Костромская экспедиция // Архитектурное наследство. Вып.5, М.1955. Кудряшов Е. Солигалич. Л.1987.
6. Дунаев Б. Деревянное зодчество северо-востока Костромской области. М. 1915.
7. Царские врата Трехсвятительского придела ц.Воскресения на Дебре.





Древнейший храм Костромской области - церковь Собора Пресвятой Богородицы. Фото 2014 года.

**С.А.УТКИН,**

*старший научный сотрудник*

*Костромского архитектурно-этнографического и*

*ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода»*

## ЦЕРКОВЬ СОБОРА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ ИЗ СЕЛА ХОЛМ ГАЛИЧСКОГО РАЙОНА

Среди памятников церковного деревянного зодчества, расположенных на территории Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника, особое внимание исследователей: архитекторов, искусствоведов, музейных работников и иных специалистов – издавна привлекал к себе храм Собора Пресвятой Богородицы из села Холм Галичского района Костромской области. До 1960 г. церковь стояла вблизи с. Холм, в километре на запад от него. Место, где она прежде находилась, представляло собой высокое взгорье у долины реки Тебзы. «Окруженный со всех сторон широкими далями открытого пространства, замыкаемого волнистой линией высоких склонов речной долины, – писали в середине XX в. изучавшие этот памятник ученые, – здание церкви на холме господствует среди этого необычайно красивого по своей эпической



простоте и спокойствию пейзажа. Архитектура церкви настолько соответствует ее местоположению, что это сравнительно небольшое сооружение кажется величественным и стоящим как бы в центре организуемого им огромного пространства долины и замыкающих ее холмов»<sup>1</sup>.

Высота холма, на котором располагалась церковь, составляла около 50 метров над уровнем речной долины.<sup>2</sup> Само село находится в 25 км к югу от Галича, вблизи от галичско-костромского тракта.

Первое детальное натурное обследование данного памятника провели в 1946 г. участники научной экспедиции Института истории и теории архитектуры Академии наук СССР под руководством С.Л. Агафонова. За два года до этого, летом 1944 г., у храма провалился верхний восьмерик с крестовой бочкой и пятью главами, а спустя еще несколько месяцев (весной 1945 г.) упал и потолок, в результате чего главы оказались стоящими на церковном полу.<sup>3</sup>

В 1960 – 1962 гг. памятник был перевезен в Кострому и установлен за рекой Костромой в Трудовой (ныне Ипатьевской) слободе, вблизи высокой каменной ограды церкви Иоана Богослова, и на недалеком расстоянии от крепости Ипатьевского монастыря. Перевозкой и реставрацией памятника руководил выдающийся советский архитектор, академик А.В. Ополонников.<sup>4</sup> Церковь Собора Пресвятой Богородицы стала одним из первых уникальных экспонатов в коллекции недвижимых культовых памятников активно развивавшегося в те годы Костромского музея деревянного зодчества.

Конструкция здания церкви, как отмечают исследователи, принадлежит к редкому типу ярусных пятиглавых церквей с подклетом. Его вертикальная композиция состоит из двух восьмериков. Нижний – более крупный, рубленный в обло, верхний – утонченный, меньших размеров, рубленный в лапу. На последнем покоится крещатая бочка и пять луковичных глав на тонких цилиндрических барабанах (главы и барабаны покрыты осиновым лемехом). С востока к церкви примыкает рубленный в лапу пятистенный алтарь, с запада – небольшая трапезная, рубленная в обло. С трех сторон к церкви пристроена висячая галерея – гульбище, опирающаяся на мощные бревенчатые консоли. С запада расположено крыльцо с длинной крытой одномаршевой лестницей, воссозданной при реставрации.<sup>5</sup>

По преданию, распространенному в среде холмских жителей, церковь Собора Пресвятой Богородицы построили два брата – плотники Карп и Папила, которые будто бы впоследствии были похоронены под этим храмом.<sup>6</sup>

Участниками экспедиции, возглавляемой С.Л.Агафоновым, в подцерковье здания действительно были обнаружены два захоронения, но



находились они в разных частях подклета (одно захоронение под алтарем, второе – под трапезной). Археологи и антропологи, как следует понимать из содержания научных статей экспедиционеров, к исследованию важных находок не привлекались.<sup>7</sup>

Традиционно время возведения холмской церкви в литературе, преимущественно краеведческой, датируется 1552 годом. Указание на эту дату исследователи заимствовали из записи, сделанной чернилами на деревянном напрестольном кресте, и описи церковного имущества 1837 года, происходивших из холмской Богородицкой церкви. В конце XIX в. эти предметы хранились в каменной Николаевской церкви того же села Холм. По сообщению местного священника о. Петра Покровского на кресте значилась следующая надпись: «Построена бысть и освящена церковь Божия во имя собора Пресвятыя Богородицы на память святых мученик Карпа и Папилы месяца Октября 13 число лета 7009»<sup>8</sup>. В пересчете этой даты на летосчисление от Рождества Христова получается 1500 год. В храмовой описи 1837 г. отмечено, что «церковь собора Пресвятыя Богородицы устроена в 7060 году, а от Рождества Христова в 1552 году»<sup>9</sup>.

Обе записи были опубликованы членами Костромской губернской ученой архивной комиссии в 1890 году, позднее исследователи приняли за дату постройки изучаемой церкви данные описи 1837 г.



Но и определение возраста памятника с 1552 г. не совсем точно. Если месяц и число («октября 13 число»), указанные в надписи на напрестольном кресте, правильны, то как справедливо замечали в свое время публикаторы этой записи, а позднее и Л.В. Москалева, время возведения холмского храма следует удревнить и отнести к осени 1551 года, ибо в допетровскую эпоху (с XV в.) год на Руси начинался с сентября месяца. При пересчете дат на летосчисление от Рождества Христова этот факт ускользнул из поля зрения исследователей, занимавшихся историей галичского храма.<sup>10</sup>

тросковскую эпоху (с XV в.) год на Руси начинался с сентября месяца. При пересчете дат на летосчисление от Рождества Христова этот факт ускользнул из поля зрения исследователей, занимавшихся историей галичского храма.<sup>10</sup>

Крупные исследователи древнерусской деревянной архитектуры Ф.Ф. Горностаев, И.Э. Грабарь, М.Красовский данную постройку датировали XVIII в.<sup>11</sup> Напротив С.Л. Агафонов, С.Я.Забелло и А.В. Ополовников (последний, правда, в осторожной форме) считали, что нижняя часть храма относится к XVI в., а его верх якобы построен в XVIII столетии.<sup>12</sup> И те и другие исследователи датировку церкви предлагали, как ни странно, на основе своих визуальных наблюдений за памятником, архитектурного анализа, видимо целиком полагаясь на свои богатые знания и опыт практической деятельности в изучении древних культовых сооружений.

Данные же письменных источников по ранней истории Богородицкой церкви, которые еще в XIX в. были введены в широкий научный оборот путем публикации, ими почему-то не учитывались. Так, например, в регистрационной записи Книги выдачи ставленнических грамот и антиминсов Патриаршего Казенного приказа имеется следующая запись: «208 (7208 / 1700 г. – С.У.) г. июня 8 по благословенной грамоте выдан антиминс в Галицкий уезд в село Холм в новопостроенную церковь во имя собора Пресвятыя Богородицы, а взял тот антиминс поп Иван Григорьев и росписался.<sup>13</sup>»

Документ этот однозначно свидетельствует, что холмская Богородицкая церковь была заново построена в 1700 г. И, очевидно, правы были Ф.Ф.Горностаев, И.Э.Грабарь и М.Красовский при отнесении возраста изучаемого храма к более позднему периоду. Есть и другие подтверждения источников, позволяющие датировать постройку временем не ранее последнего года XVII века.

Сегодня церковь Собора Пресвятой Богородицы из с. Холм все же является старейшим культовым объектом в коллекции уникальных церковных памятников Костромского архитектурно-этнографического музея-заповедника. Историческое здание доступно для всех посетителей музея: школьников, зарубежных туристов, гостей города, а также для костромичей и жителей Костромской земли, их родственников и знакомых, с кем они часто приходят в музей-заповедник и активно вовлекаются в творческий процесс проводимой музеем работы.

В мае 2014 г. сотрудником музея С.А.Пиляком на галерее холмской церкви была построена экспозиция архивных фотографических материалов: «Православные святыни», посвященная православным деревянным церквям и часовням, прежде существовавшим на территории Костромской губернии. На стендах было представлено около 100 фотографий из архивов Москвы, Санкт-Петербурга и Костромы. Многие из памятников давно утрачены, а некоторые находятся в весьма бедственном положении. Знакомство с выставкой в помещении столь редкостного сооружения, как



храм Собора Пресвятой Богородицы, пробуждает в ее посетителях неравнодушное отношение к судьбам последних свидетелей церковного мира времен традиционной Руси.

### Примечания

1. Агафонов С. Некоторые исчезнувшие типы древнерусских деревянных построек // Архитектурное наследство. №2. – М., 1952.- С.174.
2. Там же. С.185. Прим.7.
3. Там же. С.174.
4. Москалева Л.В. Наследие костромских зодчих // Страницы времен. Историко-краеведческий журнал. – Кострома, 2010. №4(7).- С.83.
5. Памятники архитектуры Костромской области. Каталог. Выпуск I. Кострома. Часть 3. – Кострома, 1998. – С.79-80.
6. Агафонов С.Л. Указ. соч. – С.173; Москалева Л.В. Указ. соч.- С.81-82.
7. Агафонов С.Л. Указ. соч. – С.173, 178; Забелло С. Костромская экспедиция // Архитектурное наследство. №5. – М., 1955. – С.22.
8. Костромская старина. Сборник, издаваемый Костромской ученой архивной комиссией. Выпуск 1.- Кострома, 1890.- С.28.
9. Там же.
10. Там же. С.28-29.; Л.В.Москалева эти соображения высказала нам в устной форме.
11. Горностаев Ф.Ф., Грабарь И.Э. Деревянное зодчество русского севера // Грабарь И. История русского искусства. – М., 1909. Том I. Допетровская эпоха.- С.433.; Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Часть I. Деревянное зодчество. – 1916.- С. 296-298.
12. Агафонов С.Л. Указ. соч.- С.184-185; Забелло С. Указ. соч. – С.21-23; Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. – М., 1986.- С.235-241.
13. Материалы для истории Костромской епархии. Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею...жилых данных церковей 1628 – 1710 и 1722 – 1746 гг. Отдел 1. – Кострома, 1895.- С.334.



*История в воспоминаниях*

**С.А.УТКИН,**

*старший научный сотрудник*

*Музея-заповедника «Костромская слобода»*

## О ТАИНСТВЕННОМ ПОДЗЕМЕЛЬЕ ВБЛИЗИ ИГУМЕНКИ

История, о которой пойдёт речь ниже, достоверна, лица, упомянутые в ней, тоже реальные люди.

Было это почти 40 лет тому назад. Весной 1977 года наша семья переехала на новое местожительство в Андреевскую слободу, что расположена неподалёку от Ипатьевской (в прошлом Богословской) слободы. Как и всех моих сверстников-мальчишек, проживавших в костромском Заречье, меня всецело захватывали разговоры про таинственный подземный ход, который, как считали многие местные жители, будто бы шёл от Ипатьевского монастыря в сторону города под рекой Костромой.

Однажды в приватной беседе с внуками хозяев дома (у последних мы тогда снимали комнату)<sup>1</sup> старший из них, Станислав Урсин<sup>2</sup>, поведал нам (мне и своему младшему двоюродному брату Сергею Иванову-Камыгину<sup>3</sup>) историю об одном из ипатьевских подземелий, которая приклю-



чилась с его знакомыми сверстниками – учащимися 10-й средней школы, которая находится в слободе возле храма Иоанна Богослова.

Стас сказал, что ему действительно известно местонахождение одного из подземных ходов Ипатьевского монастыря. Но ход этот, отмечал он, идёт не под рекой Костромой, а под землёй, в направлении от южной крепостной стены в сторону речки Игуменки, вблизи квадратной (Воскобойной) башни и имеет выход на небольшом склоне у старого вяза, под одной из арок малой кирпичной стены (обруба)<sup>4</sup>, в том месте, где находится старинный монастырский пруд и поставлен забор музея деревянного зодчества.

По словам рассказчика, однажды его товарищи решили проникнуть внутрь этого хода и проверить, куда он ведёт (а точнее, откуда берёт своё начало). Взяв с собой фонарики или свечи, ребята полезли в этот тёмный и манящий таинственностью проход. Но, к их удивлению, туннель оказался достаточно узким и невысоким, таким, что продвигаться им приходилось фактически ползком по-пластунски и только друг за другом.

Первые двое из этой отчаянной компании немного удалились от остальных попутчиков, продвинулись по подземелью вперёд метров на 6-8 и с ужасом замерли от шума обвалившейся сзади их части кирпичного свода. Обуреваемые страхом, они не рискнули продолжить далее своё путешествие и не без помощи следовавших за ними друзей поспешили покинуть это мрачное место. Кажется, и сам рассказчик побывал тогда в том забытом временем сооружении. Не без чувства досады и некоторого сожаления он произнёс, что сие место весьма тёмное, сырое и холодное и что кирпичная кладка данного строения уже не прочная. Стас не советовал нам туда забираться.

«Иначе, – говорил он, – всё может закончиться печально». И ещё раз напомнил нам о тех двоих, которые чуть не остались в этом подземелье навеки.

Однако любопытство брало своё. Кажется, не на следующий ли день мы с Серёгой поделились секретом ещё с одним своим лучшим другом – Сергеем Смеловым, и втроём отправились на поиски таинственного хода к стенам седого старца Ипатия. Без особого труда отыскивали тот самый ход (а точнее, выход из него), но пролезть в холодную каменную темень мы не решились. Да и не намеревались тогда это осуществить. Главным для нас было в тот момент убедиться в реальности существования монастырского подземного хода, про который накануне нам рассказывал Стас.

Позднее, видимо, во избежание новых попыток проникновения в этот туннель детворы и подростков (молва ходила, что взрослым стало известно о необычном увлечении некоторых юных зареченцев) рабочи-

строители присыпали вход в неизвестность гравием, но, как всегда, не до самого конца. Спустя несколько лет чьи-то «заботливые» руки расшевелили гравийную присыпку, и древний ход вновь обнажил торцовую часть своего архитектурного каркаса. Разверзнувшееся окно подземного царства и сегодня готово принять в свои объятия отчаянных и любопытствующих смельчаков. Да не каждый из них, тем не менее, отважится углубиться в манящую темень далёких и безвозвратных веков.

P.S. В далёкие 1970-е годы данное подземное сооружение мне представлялось тайным выходом за пределы монастыря, который иноки устроили на случай непредвиденных обстоятельств (например, во время осады или захвата обители противником, грабителями и т. п.). Но с познаний сегодняшнего дня этот туннель, скорее всего, следует рассматривать как хозяйственную постройку, предназначенную для сброса (отвода) использованной на монастырском чёрном (хозяйственном) дворе воды. Выход подземелья находится между Квасной и Воскобойной башнями Старого (Годуновского) города Ипатьевского монастыря. Как раз в том месте вблизи южной крепостной стены в средневековую пору размещались монастырская поварня, хлебопекарня, просвиropечная, трапезная и другие строения. Но точное определение рассматриваемой конструкции могут дать лишь археологические изыскания.

В настоящее время на ниве науки тему подземных ходов Ипатьевского монастыря обстоятельно разрабатывает (правда, на теоретическом уровне) бывший научный сотрудник располагавшегося ранее в стенах этой обители краеведческого музея Виктор Валентинович Смуров. Думаем, что в будущем он порадует читателя своими открытиями.

### Примечания

1. Хозяева дома, у которых мы жили в 1977-1979 годах, – Павел Александрович и Анна Ивановна Камыгины.
2. Станислав старше меня на 1,5 года, и было ему тогда 15 лет.
3. Сергей Иванов (Камыгин по дедушке), самый близкий мне зареченский друг.
4. Обруб – дополнительное каменное (до 30-х годов XIX в. деревянное) укрепление примыкающей к монастырю береговой линии от льда во время весеннего половодья.





Сундук свадебный. Дерево, роспись. Нач. XX века.  
Вохомский район. Мастер Д.О.Бумагин.

**С.С. КАТКОВА,**  
*искусствовед*

## КОСТРОМСКИЕ РОСПИСИ ПО ДЕРЕВУ

Костромские живописные росписи по дереву бытовых предметов и в интерьерах крестьянских изб – яркая страница народного искусства. В 1960–1970-е годы исследователи народного искусства находили их в разных сильно удалённых от Костромы краях: в Архангельской области, на Урале, в Забайкалье, на Алтае и в Бухтарме. Иногда красильщиков называли молвитинскими малярами. В собрания музеев чаще попадали прялки, ковши, которые легче привезти и с которыми легче расставались их владельцы. В Государственном Историческом музее Москвы костромскую роспись представляют уникальные праздничные сани и несколько сундуков. На родине в костромском музее собрание предметов крестьянской росписи до 1970-х годов было представлено весьма скудно. Всего несколько дощечек от шкафов, прялки, дуги и зарисовки из экспедиций 1920-х годов. Только целенаправленная экспедиционная работа отдела древнерусского и народного прикладного искусства по поиску расписанных местными мастерами изб дала результат. Сейчас в собрании музея расписные заборки, шкафы, отдельные филенки, прялки, ковши. Есть даже почти полный наряд изб из Буйского и Вохомского районов.



Костромской краевед и этнограф В. И. Смирнов в 1920-х годах обследовал селения вокруг Молвитина. В его дневниках записано: « Нигде в другом месте мне не приходилось видеть столько народной росписи. Опечек, голбец, посудник, филёнчатый шкаф, люлька... нередко расписаны цветами, вазами с цветком и птичкой, львами и прочее. Встречается живопись датированная: лев и виноград. 1812 г. (д. Молочное). Сюжет цветка с птичкой... дата 1821 г. (д. Дубровка), ваза с цветами и птичкой. 1886 год (д. Григорово, мастер А. И. Перцев из Завражья)»<sup>1</sup>. И делает вывод: сказался малярный отхожий промысел.

Село Молвитино (в настоящее время пос. Сусанино) было одним из центров отхожего малярного промысла.

При подворной переписи кустарного населения Костромской губернии выяснилось, что в 1912 году малярный промысел занимает одно из первых мест: в 22 волостях было 19088 хозяйств маляров, то есть 7,5 % всех хозяйств губернии. Основная масса их была сосредоточена в Буйском, Галичском, Солигаличском уездах<sup>2</sup>. Писатель С. Максимов просто утверждал, что в Питере в 1868 году маляры целиком принадлежали Костромской губернии<sup>3</sup>.

Именно маляры-отходники, на строительный сезон уходившие на заработки в столицы, были той средой, которая профессионально владела приёмами работы с масляными красками. Из этой среды и выделялись художники декоративных росписей. Для талантливого мастера «у крупных подрядчиков, где дело было поставлено широко, всегда находилась специальная работа: они работали во дворцах, в музеях, театрах. Нередко они являлись незаменимыми помощниками художников и живописцев, а иногда и самостоятельно выявляли свои творческие способности как уборщики, колористы, деревщики и самородки художники и живописцы»<sup>4</sup>.

А. Ф. Писемской в рассказе «Питерщик» с известной долей иронии описал избы питерщиков, в которых нашли применение все умения хозяев в искусстве. «Большой дом, изукрашенный разными разностями: узорными размалеванными карнизами, узорными подоконниками, какими-то маленькими балкончиками, бог весть для чего устроенными, потому что на них ниоткуда нет выхода, разрисованными ставнями и воротами, на которых иногда попадаются довольно странные предметы, именно летящая слава с трубой; счастье, вертящееся на колесе, с завязанными глазами; амур какого-то особенного тёмного цвета и прочее. Если таких домов два или три, то прихоти в украшении ещё более усиливаются, как будто домохозяева стараются перещеголять в этом случае один другого»<sup>5</sup>.



При изучении публикаций, касающихся столь распространенного в губернии малярного промысла, стало понятно, что необходимо узнать, сохранилось ли что-нибудь из росписей в деревнях в округе Молвитина.

Жизнь иногда вносит неожиданные повороты в планы и намерения. Его величество случай ускорил события. Научный сотрудник отдела древнерусского и народного прикладного искусства С. Д. Масалёва по делам семейным поехала в Буйский район в село Елегино и оттуда позвонила в музей. Сообщила мне, что в здешних избах много расписных шкафов, восторженно описала, что же на них изображено.

Видавший виды музейный ПАЗ поехал в далёкое Елегино, и стараниями Сталины Дмитриевны в собрании музея-заповедника появились, наконец, образцы костромской росписи на предметах интерьера. Восторгам не было границ.

Находка С.Д. Масалёвой не отменила экспедиционных планов. Летом отправились по маршруту Сусанино-Буй. Это, конечно, была разведка, которая лишь наметила ареал поисков. Но она принесла и определённые результаты. Мы дополнили нашу коллекцию прялок, ковшей, глиняной посуды и...такое счастье! Спасли предназначенный в топку пекарни расписной интерьер из разобранной на дрова избы<sup>6</sup>.

Удалось увидеть весь наряд избы без изъята в д. Слобода. Жаль, что хозяйка не согласилась продать его, хотя сама уже жила у дочери в Костроме. Теперь-то ясно, что надо было купить весь дом и перевезти его в музей деревянного зодчества. Вот такое живописное чудо было бы настоящим обретением и представляло бы традицию костромских росписей во всей красе и цельности. Не случилось! Есть только зарисовка художника В. Каткова, участника этой экспедиции.

И всё-таки в собрании музея-заповедника оказалась изба с росписями. Её нашла в 1965 году в деревне Мухино Вохомского района М. М. Орехова, директор областного краеведческого музея, человек энергичный и увлечённый идеей создания музея деревянного зодчества. Изба из д. Мухино курная, топилась по-чёрному, и росписи сильно прокоптили, поэтому не столь яркие, и всё-таки они очень важны, так как именно в Вохомском районе мы более всего встретили интерьерных росписей. Как выяснилось в ходе экспедиций, роспись в курной избе была не единичным явлением.

Этот лесной уголок присоединился к области после очередного изменения статуса Костромы. В 1944 году Кострома вновь стала областной столицей, и к ней присоединили районы Северного края, в том числе Вохомский, Павинский, Пыщугский, Боговаровский. Эти районы оказались местом ближнего отхода маляров из уездов губернии.

На этой территории также попадались росписи вятских мастеров. Они тоже писали маслом, и сюжеты росписи близки, но всё-таки у них иная манера письма. Росписи вятских мастеров и маршруты их рабочих выездов подробно изучал В. А. Барадулин (искусствовед НИИХП). Благодаря ему мне удалось опубликовать в сборнике института статью о костромских росписях<sup>7</sup>.

То, что питерщики расписывали свои дома и избы в округе, понятно, но как оказывались их росписи далеко за пределами Костромской губернии, и почему хозяева домов так твёрдо помнят, что писали костромские мастера? В Вельском районе Архангельской области даже частушку сочинили:

*«Красил Ваня костромской,  
Красил красочкой баской;  
Как пошёл Иван домой,  
Так и красочка долой»<sup>8</sup>.*

Всё-таки помнили костромских мастеров прежде всего потому, что и через много лет их работа «сохранилась как новая. Мы и щёлоком её каждый год перед Пасхой шоркали», – рассказывали многие жители.

В экспедиции 1971 года нам повезло встретить одного из бывших отходников. Н. И. Гуцин из села Буяково, мальчишкой ходил он со своим дядей на Алтай. Его рассказ очень важен для понимания особенностей работы мастера росписи.

Они прожили в тех краях три года. «Народ там богатый, места хлебные. Заказов было много. Писали больше по белому фону. Среди поселенцев было немало украинцев, а те любят яркую роспись. Писали и по мумии. Больше всего цветы в вазе, львов на цепи, на дыбках да птичек. Ягодки клюют на букете. Сначала делали общую окраску в красный или белый цвет. Эту работу поручали мальчику-ученику или помощнику. Затем мастер начинал роспись, а ученик готовил окраску в другом доме, чтобы тот успел просохнуть.

Букет обычно начинали писать с крупных красных “яблок” роз. Это была основа. Красили их с одного приёма широкой плоской щетиной кистью, затем брали мягкую скрулённую кисть и по не просохшей ещё краске начинали наводить лепестки “сбела”, если в букете были ещё синие тюльпаны, то их писали так же, синяя основа и лепестки белильные. Когда основные цветы написаны, наступала очередь листьев, они заполняли пространство между ними. И последним этапом было нанесение “разживок”, тонкой кистью чёрной краской намечали стебельки, травки, собирали букет».



Разживки придавали живость, движение и, как притенения, выявляли объём. Такой метод был классикой стиля костромских живописных росписей. Но, сохраняя приверженность к основным образам, костромские мастера бесконечно варьировали их. В росписях слишком ярко проявлялся индивидуальный почерк каждого мастера. Причина тому – работа на заказ. Мастер продает не товар, а своё мастерство, свою работу. Промыслы, базирующиеся в одном центре, заинтересованы в сохранении своей узнаваемости (как теперь говорят, раскрученного бренда) – Хохлома, Городец, Полхов-Майдан и др.

Костромские мастера росписи уходили из своих мест в поисках заказов как плотницкие артели. Только в отличие от них маляры в дальний отход часто шли в одиночку, так как не было уверенности в заработках. Если заказов оказывалось много, то на месте брали себе помощника. Иногда мастер так и оставался жить в новых местах, его уже считали своим, но долго помнили, что пришёл с Костромы.

Живописный убор в каждой избе неповторим. Он зависит от особенностей столярного «снаряда»: где и как устроена голбечная заборка, есть ли шкафы, как сделан опечек, полицы, полати, на что опирается полатный брус и даже на север или юг ориентирован фасад избы. Не исключены и пожелания хозяина, возможно, указывающего на образец понравившейся росписи, «как у соседа», «у свата». То есть мастер и заказчик вступали в личные контакты, и «роспись» становилась не просто предметом торга, а исполнялась по уговору с хозяином избы. Конечно, в таком случае мастерство исполнителя играет главную роль. И от возможностей хозяина зависело пригласить для росписи мастера, уже заслужившего славу в округе, или ограничиться простейшей покраской местного самоучки.

Каждый мастер хотел, чтобы добрая слава позволила ему и впредь в этих краях находить заказы. Так, в Вохомском районе имя мастера Дмитрия Осиповича Бумагина с уважением вспоминали через 70 лет. Помнили о том, что «родом он от Костромы, до германской войны один год ходил с племянником Ваней Сахаровым, а потом по старости и вовсе перебрался жить в одну из здешних деревень. Жена вела хозяйство, а помощницей стала “старская девка Федосья с Вятки”, он её звал “Фетюк полевой”, она ему грунтовку красила». Вот в этих мелочах, сохранившихся в памяти уже внуков заказчиков, есть та мера уважительного отношения к мастеру необычной профессии, которого ценили во всей округе. Вспоминали, что, расписывая избу, он «взглядывал на бумажку». То есть при всей импровизационной манере исполнения конкретного мотива мастер разрабатывал эскиз, набросок общего решения декора данного интерьера. Эта продуманность, упорядоченность и соподчинённость частей с общим замыслом создавали гармонию и неповторимость образа конкретного жилища.

Искусствоведов, исследователей народного искусства, конечно же, привлекали виртуозно исполненные росписи профессиональных мастеров. Некоторые авторы не забывали на память оставить свою подпись. Так стало возможно собрать сведения о некоторых из них, а анализ творческого почерка стал основой для определения стилевых особенностей, присущих росписям определённого круга мастеров.

В деревне Телешово Буйского района нам удалось собрать значительную коллекцию расписных прялок и сведения о мастере Ф. И. Смирнове, авторе росписей. Маляр-отходник, до старости ходивший с артелью в Питер на заработки, по возвращении домой на зиму подрабатывал, расписывая разную бытовую утварь своим односельчанам, а в старости вместе с сыном стал изготавливать и расписывать прялки на продажу.

Другие мастера, отбившись от артели по возрасту или болезни, искали себе заработок в округе и с готовностью выполняли окраску в избах. При обилии местных мастеров малярного дела найти стабильный заработок было сложно. Наиболее предприимчивые и рискованные шли в дальние края, туда, где не было своих маляров, но у населения были средства и желание заказать роспись. Архангельскую область молвитинские мастера считали ближним отходом. Туда ходили многие, и записанная в тех краях частушка подтверждает это.

Активно работавшие в Архангельской области в 1960–1970-е годы экспедиции ГРМ, НИИХП, ВООПИиК вывезли многочисленные бытовые предметы, украшенные яркой декоративной росписью масляными красками, зафиксировали целые сёла, в которых росписи были не только в интерьере, но и снаружи на ставнях, обшивке фронтона и под балкончиками мезонинов<sup>9</sup>.

В этой росписи был какой-то особый шик свободного экспрессивного письма. При повторяющихся мотивах цветка розы, ягодок-бутонов и тюльпана, словно произрастающих на одном стебле, было такое разнообразие вариаций, что не случайно исследователи назвали подобные росписи «свободными», то есть не было чёткой заданности в методе письма, последовательности, определяющей технологические приёмы. Почему «кистевые»? Да в этом названии и проявлялась технологическая особенность росписей. Красочная поверхность росписи была настолько рельефной, что свободно читалась последовательность нанесения краски, мазков и ударов кисти. Исполнитель не стремился их заглаживать, а напротив – подчеркивал широту и пастозность мазка широкой щетинной кисти. И в этом стремительном движении кисти была главная привлекательность росписи. Образ словно рождался у вас на глазах. Вы могли проследить, как шла кисть при окраске фона, как затем мастер намечал главные цвето-



вые пятна – основу цветка розы, и как затем, густо взяв на кисть белила, точно, одним взмахом кисти, наводил лепестки.

Можно увидеть, с какого лепестка начато письмо. Точка касания кисти с белилами самая пастозная, и видно, как с каждым лепестком краска постепенно уходит с кисти, чтобы в последнем мазке стать почти прозрачной. Это соучастие зрителя в творчестве создает иллюзию простоты и лёгкости исполнения. Кажется, вот возьму в руки кисть и сделаю так же. «Будет просто, коли сделаешь раз со сто».

Только действительно взяв в руки кисть и попытавшись с такой же лёгкостью написать ту же розу, понимаешь, насколько обманчива эта простота. К такой свободе импровизации мастер приходил в результате полного освоения возможностей краски как материала и приёмов письма. Секреты начинались уже с приготовления краски. В экспедициях из воспоминаний жителей нам удалось узнать, что мастера маляры («красильщики») носили с собой куранты для растирания сухих пигментов, сами варили олифу и готовили краску. Переложить олифу, краска будет жидкой, текучей, не укрывистой; не доложишь, она будет густой и плохо ложиться. У каждого мастера был свой секрет приготовления нужной ему консистенции краски. А уж роспись в полной мере отличала его мастерство во владении рисунком кистью.

В деревне Княгинино Буйского района в доме А.В. Петуховой роспись голбечной двери была исполнена с редким темпераментом, машисто, хлёстко, широкой щетинной кистью, рукой, привыкшей к безошибочной работе. Руку этого мастера узнаёшь в зарисовках Е. Полянской и в зарисовках, опубликованных в книге Н. И. Каплан<sup>10</sup>. Везде один мотив – букет роз в вазоне, напоминающем плоскую вазу для фруктов на высокой ножке. Филёнки опечка расписаны по белому фону. Этот мастер явно был на Алтае, а возвратившись в родные края, писал по белому фону, который так нравился алтайским украинцам.

В XIX веке народное искусство испытывало сильнейшее влияние городской художественной культуры. Заимствуя сюжеты, орнаменты, оно перерабатывало их в соответствии с нормами народной эстетики. Пышные букеты французского декоратора Ленотра, классические вазы, геральдические львы превратились в народных росписях в цветущее пышными розами древо с бутонами, ягодками и тюльпанами, на вершине которого уселись нарядные птички, а вазы стали напоминать знакомый пузатенький самовар. Львы хотя, ощериваясь, показывают зубы и красные языки, но утратили грозную силу. Так на гербах их изображают парой, стоящими напротив друг друга на задних лапах, но цепь от ошейника напоминает об их роли охраняющей жильё собаки. Как в народных лубках рисунок

порой сопровождала надпись, шуточная: на двери крыльца фигура солдата с обнажённой шашкой и надпись: «Не ходи, зарублю!»

Мне рассказывали, что на воротах одного дома были нарисованы два дерущихся мужика и надпись: «Два дурака дерутся, а третий смотрит». А где третий? В нём смотрящий узнавал себя и с улыбкой шёл дальше. Оставляли хозяйке письменный наказ: «Стряпуха, пироги пеки, а краску береги».

Интересно было проследить связь костромских живописных росписей с народным искусством в европейских странах. Оказалось, что и в них с начала XIX века тоже появились росписи в интерьерах крестьянских жилищ. Конечно, они отличаются по приёмам письма, но близки по сюжетам и, главное, везде мастера используют масляную краску.

Конечно, одного внимания к искусству профессиональных художников-декораторов было недостаточно, чтобы обеспечить такой крутой разворот народных мастеров к росписи маслом по дереву. Столетия главным декоративным элементом изделий из дерева была резьба, иногда подцвеченная раскраской.

Народное искусство чутко реагирует на запросы рынка, на него оказывают влияние развитие промышленности, технологический прогресс. Какие-то промыслы под его напором исчезают, для других он создаёт материальную основу.

В XIX веке в деревообработку пришла механическая распиловка на доску, что потянуло за собой изменение в конструкции кровли дома, замену самцовой на стропильную с обшивкой фронтона тёсом. Тёсом же стали крыть крыши, а в интерьере избы появились тесовые заборки и вязаные филёнчатые перегородки, двери и дверцы шкафов. Столярные изделия стали объектом росписи.

Производство красок приобрело промышленные масштабы тоже в XIX веке, что не только увеличило объём выпускаемой продукции, но снизило цены на пигменты. Земельные краски: охра, красно-коричневые глины (мумия) и зелёные (ярь медянка) – были самыми ходовыми в наружной окраске городских домов и усадебных строений.

В России технику письма маслом живописцы начали осваивать с начала XVIII века. Маслом писали не только портреты, картины, но иконы, настенные росписи в храмах. «Комнатные живописцы» украшали гирляндами цветов, летающими амурами и орнаментами плафоны залов городских домов и загородных усадеб. Масляная техника сменила бытовавшую века темперу. Возможность писать *a la prima* (за один приём) и легко вносить правки было, безусловно, одним из преимуществ техники масляной живописи.





Фрагмент росписи шкафа-посудника.  
Буйский район. Нач. XX века.

Крестьянские живописцы не отказались от веками нарабатанных запасов орнаментальных богатств травного узорочья, которым так славились храмовые росписи и иконопись XVII века. В государевых хоромах знаменитого деревянного дворца царя Алексея Михайловича в с. Коломенском под Москвой травы писали 8 костромских мастеров-травщиков. Любовь к узорочью, хитрому плетению трав размётных, которыми украшали царские, боярские палаты в XVII веке, к XIX веку дошла до крестьянской избы. Но в ней орнамент наполнился своим содержанием.

Почему малярный промысел стал ведущим среди отходников – костромичей и галичан? В этом тоже есть исторические корни. Свитки Оружейной палаты сохранили списки мастеров – терщиков красок, вызывавшихся в XVII веке для участия в возобновлении росписей в собо-

рах Московского Кремля. В них основную часть составляют галичане. Откуда у них такая специализация? Да потому, что издревле в этой округе добывали охру, красные и зелёные земли и готовили из них краски. Жгли свинец на сурик и белила. Производство сейчас забыто. Но ещё в начале XIX века галичской охрой красили дома в столице на Неве. Возами везли охру и поставляли мастеров малярного дела. Краеведы в 1920-е годы предлагали возобновить промысел, но их предложения не нашли поддержки властей.

Костромские живописные росписи – это наш вклад в сокровищницу национального народного искусства. Кострома должна гордиться ими не меньше, чем искусством ювелиров. А для начала необходима выставка и издание альбома-каталога.





*Ковш. Вохомский район. Нач. XX века.*

### Примечания

1. Арбат Ю. Русская народная роспись по дереву. М. 1970. С.110.
2. Промысловые и кустарные районы Костромской губернии. Кострома. 1913; Владимирский Н. Н. Отход крестьянства Костромской губернии. – Кострома. 1927; Жбанков Д. Н. Бабыя сторона. // Материалы для статистики Костромской губернии. VIII. 1891.; Ремесленно-кустарное население Костромской губернии. 1913.
3. Максимов С. В. Лесная глушь. – СПб. 1909. Ч.2. С.152–294.
4. Соловьёв А. Н. Питерщики – галичане. – Галич. 1923. С.1,10.
5. Писемский А. Ф. Питерщик. Собр. соч. в 3-х т. Т.2. С. 80.
6. Деревня Федотово, Буйский район.
7. Каткова С. С. Народные монументальные росписи Костромской области. // Искусство современной росписи по дереву и бересте Севера, Урала, Сибири. Сб. науч. трудов НИИХП. – М. 1985.
8. Мильчик М.И. Росписи крестьянских домов на Ваге: традиции и новации. // Народное искусство. Сб. ст. к 100-летию ГРМ. – СПб.1995.
9. Вишневская В. М. Свободные кистевые росписи. // Русское народное искусство Севера. – Л. 1968.
10. Каплан Н.И. Очерки по народному искусству Алтая. – М. 1961.



Мельница из д. Разливное. Перевезена в музей в 1960-е годы.

**С.Д. МАСАЛЕВА,**

*старший научный сотрудник*

*Музея-заповедника «Костромская слобода»,*

*2006 - 2016 гг.*

## МЕЛЬНИЦЫ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Среди многочисленных необходимых для жизни человека сельских хозяйственных построек особое положение занимали мельницы. Именно при помощи этих механических сооружений человек создавал жизненно необходимые продукты питания такие как мука, крупа, масло.

Деревянные мельницы, существовавшие на Руси с давних времен вплоть до 50 годов XX в., представляли собой довольно сложную конструкцию. Такая сложная конструкция мельниц отработывалась веками. Архитектор А.В. Ополовников отмечал «...старинные мельницы были плодом крестьянской премудрости и смекалки, венцом крестьянской мысли»<sup>1</sup>.

На территории Костромского края в начале XX в. работало до 400 водяных и ветряных мельниц. Ветряные мельницы ставили на возвышенной местности, так как для их работы использовалась сила ветра. Водяные мельницы строили на реках, они и приводились к работе движением напора воды. Это были лесопильные, маслобойные и мукомольные мельницы.

Большинство мельниц строилось на несколько поставов, т.е. внутри мельницы устанавливалось от одного до 3-4 жерновов, на одних мелют муку, другие обдирали зерно на крупу, толокно. Небольшие и средней величины ветряные мельницы делались «об одном поставе».

Ветряные мельницы были двух видов: «шатровки» и «столбовки».

Более старый тип мельниц «ветряков» – это «столбовки». В основе этой мельницы – мощный столб, наполовину вкопанный в землю. На столб нанизывались две крестовины, а на верхней была установлена сама мельница. Мельничная клеть, срубленная из теса, покрывалась двускатной кровлей. Рабочее помещение было разделено на два этажа. Наверху устанавливались ларь для зерна и каменные жернова. Жернова приводились в движение горизонтальным валом. Вращение вала передавалось пестам, которые на нижнем этаже в специальных ступах дробили зерно на крупу. Восемь мощных крыльев, закрепленных снаружи на валу, позволяли работать мельнице даже при легком ветре.

Мельницы ветряные «шатровки», в отличие от мельниц «столбовок», имели совершенно иную конструкцию. Свое название мельница «шатровка» получила благодаря ее основанию, отличительному от мельниц «столбовок». Основным элементом в конструировании этой мельницы был восьмигранный сруб, рубленный в «лапу». Стержнем «шатровки» был вертикальный вал, пронизывающий мельницу насквозь до самого ее верха, так называемой шапки, завершающей мельницу сверху.

Основания мельниц «шатровок» по форме и конструкции различны. Пирамида остова шатровой мельницы начинается от земли, и к ней могут быть пристроены необходимые помещения. Это амбар, помещение для мельника и другие подсобные постройки.

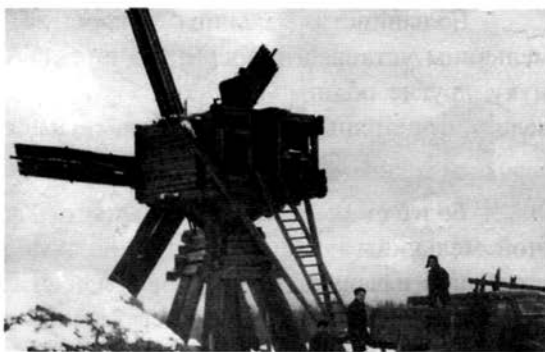
Более дешевыми и простыми в постройке считались водяные мельницы. Водяную мельницу было под силу построить крепкому домохозяину или нескольким крестьянам вскладчину. Поэтому неслучайно водяные мельницы чаще всего были частными, причем владелец работал на мельнице в качестве мельника. Хозяин мельницы считался богатым и пользовался в округе соответствующей репутацией.

В зависимости от способа устройства водяного колеса водяные мельницы разделялись на мельницы «мутовки» и мельницы «колесухи». В то же время мельницы «колесухи» подразделялись на два типа:

1. Мельница-колесуха с подливными колесами, на которые вода напирала снизу.
2. Мельница-колесуха с наливными колесами, на которые вода падала сверху.



«Деревня Нюрюг Шарьинского района (быв. Ветлужский уезд). На реке Нюрюг стояла водяная мельница. Заведовал мельницей в 1919-1920 гг. А.Жуков из д.Королевка. Мельница была общественной, ею пользовались жители деревень Хмелевка, Королевка, Головино. Мельница была на



Мельница из д. Разливное. Перевезена в музей в 1960-е годы.

два постава. Один постав работал на обдирке зерна, другой – помол на муку. Обдирали и мололи овес, пшеницу, ячмень. Для зерна, муки стояли специальные широкие лари. Сыпали муку и сразу в мешки, которые тут же выносили и увозили. Привезенные мешки с зерном для помола стояли на помосте. Был специальный ларь для получения муки на «сбор», так называемый «гарцевый сбор». За помол зерна мельнику отсыпали 3 фунта с пуда»<sup>2</sup> (пуд – 16,38 кг, фунт – 409,5 кг).

По способу подведения воды к колесу мельница была с подливными колесами. По своему внешнему виду мельница напоминала простой амбар, покрытый тесом на два ската. Внутри через все здание мельницы проходил горизонтальный вал, на который было насажено большое колесо, приводимое в движение водой.

Мельница была в два яруса. В нижнем ярусе мельницы находился очень сложный механизм, полностью выполненный из дерева и являющийся основой мельницы, состоящий из разного размера колес, шестерен, соединенных между собой в определенном порядке и насаженных на горизонтальный вал. При подаче воды на колеса они приходили в движение вместе со всем механизмом мельницы, приводя в движение и жернова, установленные в верхнем помещении мельницы.

«Водяная мельница костромского мещанина А.Н. Кузнецова при д. Малое Андрейково на реке Покше. Мельница и ее строения занимали до 1 десятины земли. На этой земле стояли амбары, бревенчатые избы, сарай, бани, погреба. На мельнице работало до 5 человек, средний заработок 6 руб. при годовом содержании»<sup>3</sup>.

«Галичский уезд. Водяная мельница на реке Немда. Владелец – Василий Иванов из д.Б.Калина. Два дня в неделю может работать на себя, «четыре дня на общество»<sup>4</sup>.

«Д. Дуброво. Пречистенской вол. Галичского у. Арендатор мельницы на два постава – Петров Алексей. Молот только зимой, брал с мешка ржи 3 коп., пшеницы, ячменя – 4 коп. В год зарабатывал около 80 руб.»<sup>5</sup> При мельницах обязательно должны быть деревянные ящики, коромысловые веса.

В XIX веке существовали разные формы собственности мельниц – это мирские, принадлежавшие общине, казенные – государственные, монастырские и частные. Нередко одна мельница принадлежала нескольким хозяевам, которые сообща нанимали человека для обслуживания ее во время помола. «Помельник» жил в специально выстроенной избушке. Его обязанностью кроме помола было содержать мельницу в порядке, чинить ее, смазывать механизм мельницы, помогать приезжавшим с зерном совладельцам мельницы при разгрузке и загрузке подвод. За эту работу приехавший на мельницу должен был кормить «помельника», пока шел помол, и отдавать ему по совку муки с каждого смолотого мешка зерна, так называемый «гарцевый сбор».

Были мельницы «общественные», т.е. принадлежавшие сельским общинам или «миру». В губернии таких мельниц в конце XIX в. – начале XX в. было много.

«Костромской уезд, д. Нелидово и Большое Андрейково Башутинской волости – мельницы были в пользовании крестьян этих деревень»<sup>6</sup>.

«Ветлужский уезд, д. Столбецкое. Ветряная мельница принадлежала крестьянам окрестных деревень. Мельница на два постава: 1 постав – мукомольный, 1 постав – обдирка зерна. В год перемалывается около 3000 зерна по 3 коп. с пуда»<sup>7</sup>.

Чаще всего мельницы принадлежали частным лицам. Мельницу мог построить крепкий домохозяин – кузнец или плотник, скопивший своим трудом определенный капитал и вкладывавший его в постройку



Мельница из д. Германов Починок. 1969 год.



мельницы. Владение мельницей значительно повышало его доход и положение в обществе крестьянской общины.

Мельницы, принадлежавшие частным лицам, имели немалый доход, но каждая работала по-разному. Одна давала до 20 мешков обработанного зерна в сутки, другая – только 4-5 мешков. В связи с этим и разный доход, т.е. выручка в год – от 20 до 90 руб. Указанная выше ветряная мельница д. Столбцею Ветлужского уезда чистой прибылью в год имела до 50 руб.

«Ветряная мельница в д. Ведерница Сокольской вол. Макарьевского уезда принадлежала частному лицу, в сутки молола 5 мешков, выручка в год 25 руб.»<sup>8</sup>

«Ветряная мельница на один постав д. Бараньково Галичского уезда принадлежала частному лицу. В сутки – до 15 мешков, выручка в год – 40 руб.»<sup>9</sup>

«Стоимость мельниц в зависимости от того, кому она принадлежала, была разной и колебалась от 70 рублей до 3500 и выше»<sup>10</sup>.

«Стоимость ветряной мельницы на два постава д. Столбцею Ветлужского уезда оценена в 8670 рублей»<sup>11</sup>.

«Стоимость ветряной мельницы д. Бараньково Макарьевского уезда 125 руб. На ее ремонт хозяин тратил около 10 руб.»<sup>12</sup>.

«Стоимость постройки ветряной мельницы д. Ведерница Сокольской вол. Макарьевского уезда 360 рублей»<sup>13</sup>.

«Мельница, принадлежавшая крестьянам д. Большое Андрейково и Нелидово Костромского уезда, оценена в 2235 руб.»<sup>14</sup>

«Мукомольная мельница дворянина Павла Осипова Кинешемского уезда оценена в 2955 рублей»<sup>15</sup>.

«Мельница, принадлежавшая Ипатьевскому монастырю на р. Черной Левашовской вол. Костромского уезда, оценена в 3265 руб.»<sup>16</sup>

За неисправность в работе мельницы, как было сказано выше, отвечал работавший на ней мельник, за неисправность коллективной мельницы в случае ее поломки, ответственность ложилась на владельцев мельницы. Это относилось и к постройке плотины и поддержанию ее в рабочем состоянии. Плотины для устройства водяной мельницы насыпали, устраивали всей деревней, для больших мельниц принимали участие в ее постройке жители окрестных деревень. В случае ее прорыва, что нередко случалось во время весенних паводков, восстанавливали плотину также своими усилиями – всей деревней.

*«Плотину строили так, – рассказывает краевед с. Ильинского Кологривского района Н.Я.Звонов, – оба берега реки укреплялись бревенчатými стенками. Между укрепленными берегами сваливали большие*

*слои навоза и глины. На них укладывали комельями вниз по течению реки слой березовых веток длиной 3-5-8 метров. Затем опять слой навоза, глины и березовые «вицы» – ветки в несколько слоев. Поперек укладывалась стенка бревен в 3-4-5 рядов. На стенки устанавливали ставни. Таким образом, обеспечивался перепад около полутора метров. Перед половодьем ставни убирались, бревна раскатывали, чтобы опустить большую воду. Все устройство было из дерева, ни одного гвоздя»<sup>17</sup>.*

Осенью в период сбора урожая на мельнице скапливалось много народа, поэтому неслучайно на помол зерна устраивались очереди. Обычай предписывал молоть «по череду», т.е. кто раньше приехал, тот первый и молот свое зерно. Нарушения в очереди создавали мельнику плохую репутацию, и тогда крестьяне предпочитали ездить молоть на другие мельницы.

Очередь, скопление народа у мельницы делали ее центром внимания. Осенью на водяной мельнице и весной после схода льда люди проводили многие часы, а то и дни, заполняя время разговорами, обмениваясь новостями и всякими слухами, небылицами. Мельник оказывался в центре внимания, к нему стекалась информация со всей округи.

В тоже время мельник иногда был держателем общественной кассы, формировавшейся из приплаты, которую ему давали по обычаю сверху положенного за помол – мукою, деньгами. Из этих средств формировалась общественная копилка для помощи малоимущим – многодетным, вдовам. Такое положение мельника давало возможность ему быть в центре внимания, создавало ему авторитет.

По архивным материалам рядом с мельницей строили и другие подсобные помещения – изба мельника, изба помельника, изба или любое другое помещение для временного проживания приезжих – «помельников», сарай для инвентаря, погреб, конюшня, амбары.

Например, у водяных мукомольных мельницах в деревнях Большое Андрейково и Нелидово Костромского уезда подсобные помещения к мельницам пристраивались вплотную – это маслобойня, амбар<sup>18</sup>.

Водяная мукомольная мельница дворянина Пушкина на р. Корба Кинешемского у. Мельница на собственной земле занимала 1 десятину земли. Сдавалась в аренду. При мельнице были изба и сарай, стоящие отдельно друг от друга на берегу р. Корба<sup>19</sup>.

«Водяная мельница-крупчатка Гридинской вол. близ д. Куваево Костромского уезда. При мельнице постройки: баня деревянная, крыта тесом; деревянный сарай; конюшня деревянная крыта тесом; погреб – бревенчатый; жилой деревянный дом, крыт тесом, бревна – 3-4 вершковы»<sup>20</sup>.





С.Д. Масалева, научный сотрудник музея деревянного зодчества, в экспедиции по изучению гончарного ремесла. 1970-е годы.

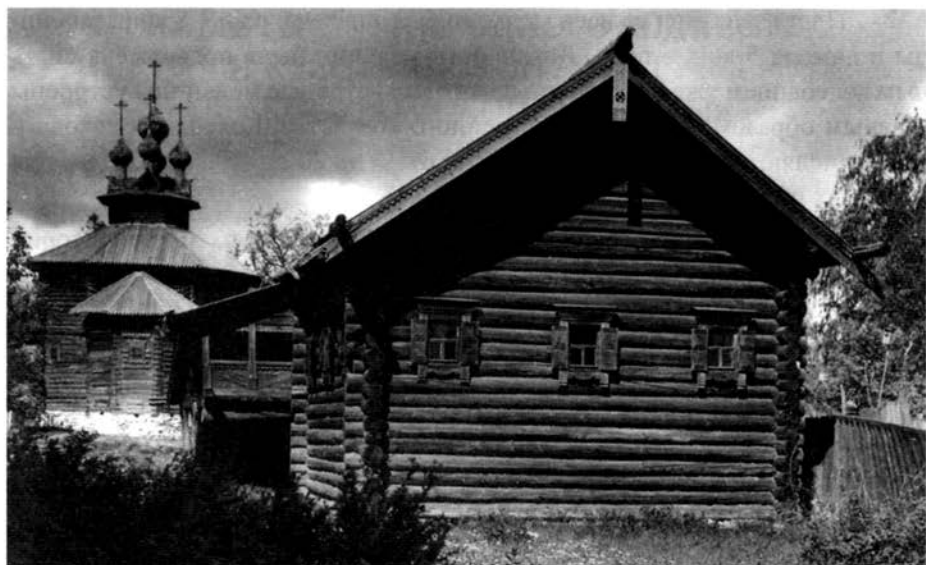
Ветряная шатровая мельница крестьянина В.Е. Сосунова в д. Бряково Ильинской вол. Костромского уезда. Работала мельница шесть месяцев в году, 120 рабочих дней по 12 часов. Перерабатывали от одного до четырех часов в день. Мололи рожь, овес, ячмень – доход 12р.50 коп. за 1912 год, льняное семя за 1912 год – 25 рублей. Владелец занимался земледелием, на мельнице работал сам. Общая стоимость мельницы 1361 рублей. При мельнице амбар»<sup>21</sup>.

«Ветряная мукомольная мельница крестьянина А.А. Резвова при д. Каримово Каримовской вол. Костромского уезда. На мельнице работает сам хозяин. Общая стоимость мельницы 1261р. 27 коп. При мельнице амбар»<sup>22</sup>.

«Водяная мельница И.В. Соколова у деревни Иконниково Семеновской вол. Костромского уезда на р. Покше в 24 км от Костромы. Мельница работала в две смены 10 месяцев в году, пять месяцев по 8 часов в смену и пять по 10 часов. Не работала 2 месяца во время половодья. В смену работали два человека (мужчина – 35 лет за 20 руб. в месяц и мальчик – 16 лет за 9 руб.). Оба жили у хозяина на квартире с харчами. В 1913г переработал льняного семени 3000 пудов в год на 900 рублей»<sup>23</sup>.

«Водяная мукомольная мельница А.И. Кукушкина деревни Есюни-на Красносельской волости Костромского уезда. Общая стоимость 228 руб.06 коп. Строений на 36 руб. 81 коп. Сооружений на 25 руб. 78 коп. Машин на 165 руб. 47 коп. Колодезь артезианский. Кожух деревянный. Плотина на сумму 8 руб. 43 коп. Мельница – стены – бревна 3-4 вершка,





Дом Ершова после переноса в музей деревянного зодчества.

новые, площадью 4.75 сажень на сумму 21 руб. 90 коп. Пол простой деревянный. Крыша соломенная»<sup>24</sup>.

Водяные мельницы в Солигаличском уезде<sup>25</sup> расположены недалеко от слияния рек Совдюги и Водопойницы, притоках реки Вои, две мельницы в деревне Малое и Большое Токарево. Эти реки в пределах волости мелкие и слабого течения, поэтому водяной силой их можно пользоваться лишь осенью, весной и в водополье. Водяные мельницы работали только в это время.

Водяные мельницы при селе Великово и д. Василево об одном поставе, мельницы при деревнях Пуховищине, Харитоновом Починке, Малом и Большом Токареве о двух поставках. Лучшими водяными мельницами считались Малотокаревская и Починковская. Все ветряные мельницы об одном поставе, из них лучшими считались только три – при Харитоновом Починке, Великове и Васильеве. Владельцами мельниц были отдельные местные крестьяне, исключение составляла Малотокаревская водяная мельница, которая была устроена с маслобойкой по общепринятому типу и содержалась на компанейских началах. Компаньонами были 4 крестьянина, которые пользовались мельницей попарно, один год одна пара пользовалась только маслобойкой, а другая только мельницей.

Суточная производительность разная у мельниц водяных и ветряных. Водяные мельницы давали от 15 до 60 пудов муки, ветряные – от 15 до 35 пудов.



Плата за помол на всех мельницах одинакова: ржи – 5 коп., пшеницы и ячменя 5 коп. с пуда. Доходность мельниц была подвержена сильным колебанием уже потому, что некоторые ветряные мельницы устроены главным образом для нужд собственного хозяйства. Колебания доходности исчисляются для водяных мельниц от 30 до 200 и более рублей, а для ветряных от 3-5 до 100 и более рублей<sup>26</sup>.

Совсем недавно, буквально в 50-60 годы XX в., на территории Костромской области можно было встретить эти интересные и очень нужные сооружения, которые были необходимы человеку. Они обеспечивали человека хлебом – основным его продуктом.

### Примечания

1. Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество. М. 1986.
2. Масалева С.Д. Экспедиция в Шарьинский район. Рукопись. 1977 год. Записки о мельницах.
3. ГАКО. Ф.205.Оп.2.Д.178.
4. Там же Оп.2.Д.178
5. Там же Оп.2.Д.178
6. Там же Оп.2.Д.14
7. Там же
8. Там же .Оп.2.Д.24.
9. Там же .Д.79.
10. Там же .Д.79.
11. Там же .Д.79.
12. Там же .Д.14.
13. Там же .Д.14.
14. Там же .Д.14.
15. ГАКО. Ф.205.Оп.2.Д.178.
16. Там же Ф.205Оп.2.д.14
17. Масалева С.Д. Экспедиция в Шарьинский район. Рукопись. 1977 год. Записки о мельницах. Рассказ краеведа Н.Я.Звонова.
18. ГАКО. Ф.205.Оп.2.Д.178.
19. ГАКО. Ф.205.Оп.2.Д.14.
20. ГАКО. Ф.205.Оп.2.Д.178.
21. ГАКО. Ф.208.Оп.1.Д.1781.
22. ГАКО. Ф.208.Оп.1.Д.1863.
23. ГАКО. Ф.208.Оп.1.Д.1965.
24. ГАКО. Ф.208.Оп.1.Д.1979.
25. ГАКО. Ф.456.Оп.2.Д.178.
26. ГАКО. Ф.456.Оп.2.Д.410.

# ПАМЯТНИКИ НАРОДНОГО ЗОДЧЕСТВА И КРЕСТЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ «КОСТРОМСКАЯ СЛОБОДА»



Дом Липатова. 1857 год. Памятник народной архитектуры Музея-заповедника «Костромская слобода».



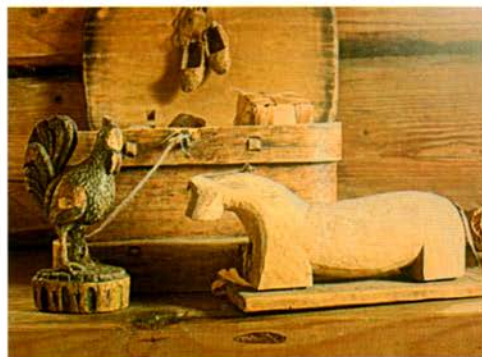


Дом Серова. 1873 год. Музей-заповедник «Костромская слобода».





Дом Лоховой. Музей-заповедник «Костромская слобода».



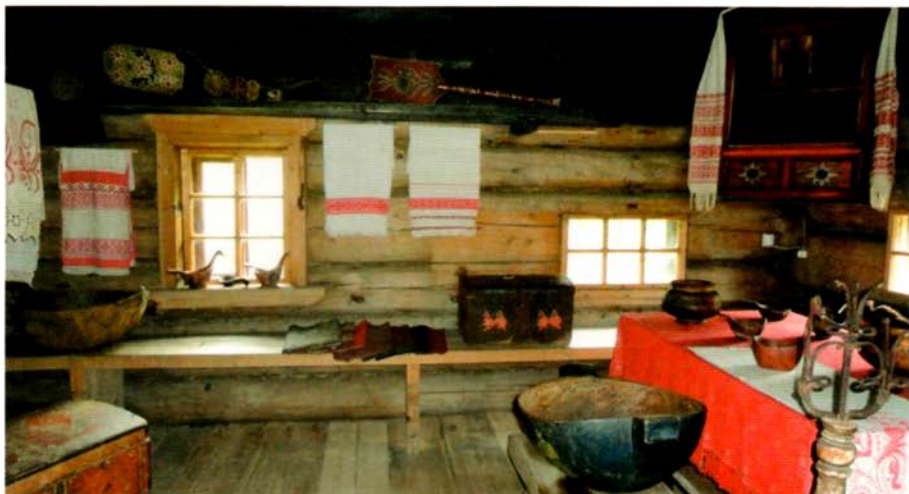


Дом Ципелёва. Первая половина XIX века. Экспозиция «Дом гончара».  
Музей-заповедник «Костромская слобода».





Дом Тарасова. Первая половина XIX века. Музей-заповедник «Костромская слобода».





Дом Чапыгиной. Музей-заповедник «Костромская слобода».







Дом Скобелкина. XVIII век. Музей-заповедник «Костромская слобода».

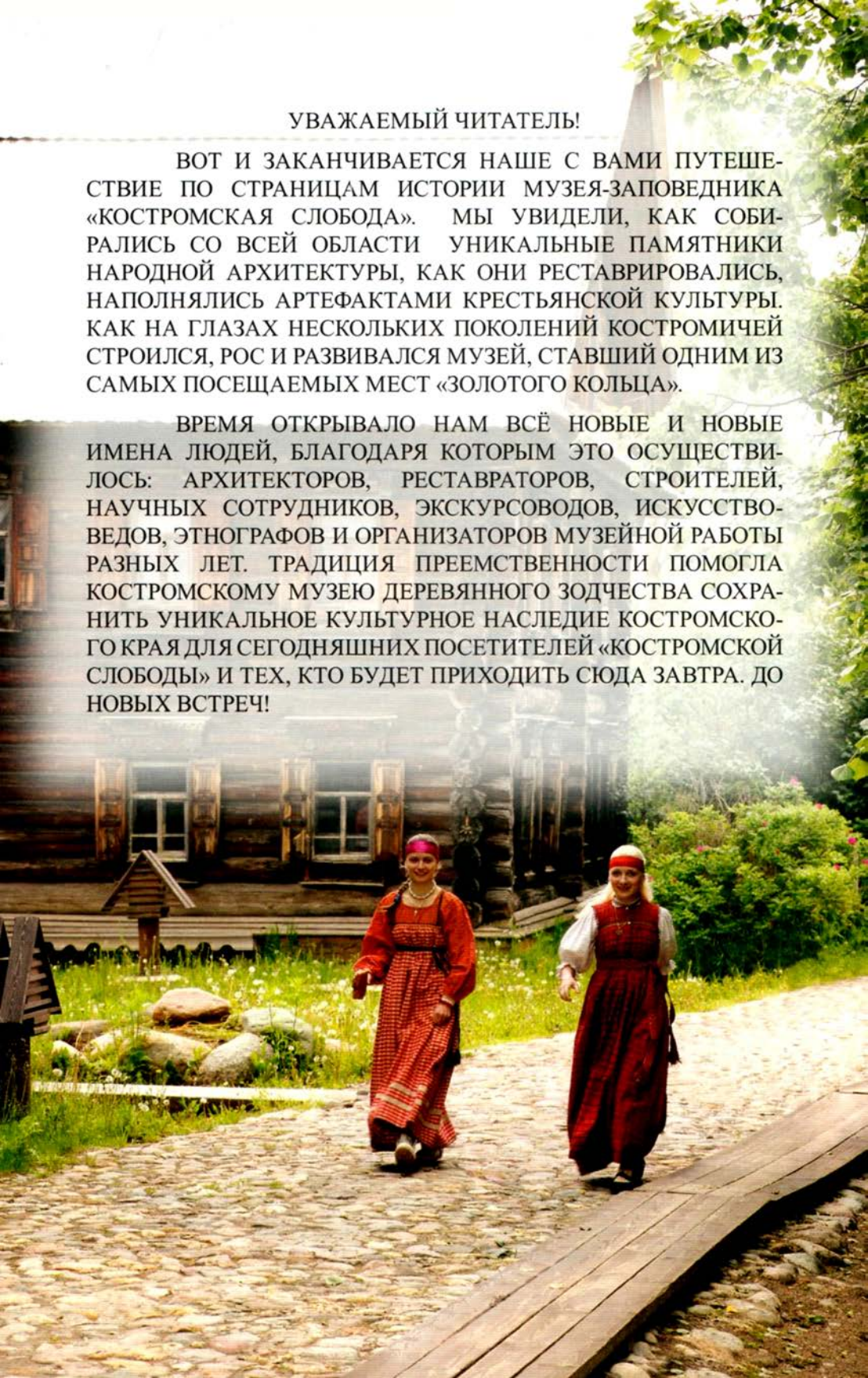


Интерактивная программа в Музее-заповеднике «Костромская слобода».

## УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

ВОТ И ЗАКАНЧИВАЕТСЯ НАШЕ С ВАМИ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТРАНИЦАМ ИСТОРИИ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «КОСТРОМСКАЯ СЛОБОДА». МЫ УВИДЕЛИ, КАК СОБИРАЛИСЬ СО ВСЕЙ ОБЛАСТИ УНИКАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ, КАК ОНИ РЕСТАВРИРОВАЛИСЬ, НАПОЛНЯЛИСЬ АРТЕФАКТАМИ КРЕСТЬЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ. КАК НА ГЛАЗАХ НЕСКОЛЬКИХ ПОКОЛЕНИЙ КОСТРОМИЧЕЙ СТРОИЛСЯ, РОС И РАЗВИВАЛСЯ МУЗЕЙ, СТАВШИЙ ОДНИМ ИЗ САМЫХ ПОСЕЩАЕМЫХ МЕСТ «ЗОЛОТОГО КОЛЬЦА».

ВРЕМЯ ОТКРЫВАЛО НАМ ВСЁ НОВЫЕ И НОВЫЕ ИМЕНА ЛЮДЕЙ, БЛАГОДАРЯ КОТОРЫМ ЭТО ОСУЩЕСТВИЛОСЬ: АРХИТЕКТОРОВ, РЕСТАВРАТОРОВ, СТРОИТЕЛЕЙ, НАУЧНЫХ СОТРУДНИКОВ, ЭКСКУРСОВОДОВ, ИСКУССТВОВЕДОВ, ЭТНОГРАФОВ И ОРГАНИЗАТОРОВ МУЗЕЙНОЙ РАБОТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ. ТРАДИЦИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОМОГЛА КОСТРОМСКОМУ МУЗЕЮ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА СОХРАНИТЬ УНИКАЛЬНОЕ КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ КОСТРОМСКОГО КРАЯ ДЛЯ СЕГОДНЯШНИХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ «КОСТРОМСКОЙ СЛОБОДЫ» И ТЕХ, КТО БУДЕТ ПРИХОДИТЬ СЮДА ЗАВТРА. ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ!





Дом Тарасова из д. Мухино-Емское Вохомского района после реставрации 1980-х годов.

*Из архива этнографических экспедиций*

## ТРАДИЦИИ ДОМОСТРОЕНИЯ КОСТРОМСКОГО КРАЯ

**Из материалов С.Д. Масалёвой,  
Межевской и Шарьинский районы (1975 – 1977 годы)**

### **Дом из д. Большое Бочерово**

Дом строили родители Михалева Петра Михайловича: Михаил Фёдорович Михалев (умер в 1937 г. на 74 году жизни). Предположительная дата постройки – 80-е годы XIX века.

Дом-двойня под одной крышей, состоит из двух изб – зимней и летней. В обеих избах были русские печи.

Зимняя изба была меньше летней. В правом углу была русская печь с голбцем. В кути – деревянная кровать с тюфяком (матрас набитый соломой). Накрывались одеялом, сшитым из трёх полотнищ, проложенных куделью. Угол, где иконы носил название «тябло». Поверху избы тянулись полки, куда клали платки, рукавицы и пряжу, намотанную на мотовило, либо снятую с него. По низу избы тянулись врубленные в стены лавки, на которых располагались вёдра с водой, опарницы и т. д.



С одной из сторон от входа находилась печь, на шестке которой хранились чугуны разного размера. У печи располагался залавок, на котором готовили пищу, стоял самовар, лежали сковороды, держали испеченный хлеб. В залавке были и полочки, на которых стояли кринки с молоком. Над залавком находился посудник, где располагалась деревянная посуда – чашки, ложки, блюда.

Дрова для топки укладывались за печь. В печном углу стояли ухваты и помело и берёзовые веники.

В летней избе была практически та же самая обстановка, что и в зимней, но с поперечной перегородкой, на которую вешали верхнюю одежду.

Перед входом – кут, лавка перед окном, вверху – небольшие полати, на которых хранили валенки, лапотки, онучи. Занавесок не было.

Голбец стоял отдельно от печи, из него вела лесенка вниз в подпол, в котором хранили запасы овощей – огурцы, капусту, картошку. На печь вела небольшая лестница. Сама печь, маленькая кирпичная, находилась в кути.

Помимо жилых помещений в доме находились в том числе и хозяйственные:

1. Сенник, где хранили одежду, вешая её на деревянные спицы и укладывая в сундуки и лубяные корбушки.
2. Горенка для хранения посуды и продуктов. В углу стояла кровать, вдоль стен – лавки.
3. Чулан. В нём также находились сундуки и корбушки, расставленные вдоль стен, для хранения одежды.
4. Сенница для хранения мякины после обмолота зерна.

Хозяйственный двор общий, с низкими потолками. На хозяйственном дворе дома Михалева из д. Большое Бочерово содержали 5 коров, 20 овец, 2 поросят. Обязательной в крестьянском хозяйстве была и лошадь. На двор въезжали по взвозу на лошадях. Со двора есть вход в сенницу, перед которым вбиты деревянные спицы для развешивания верёвок и хомутов.

Внизу под сенником – амбар для хранения продуктов.

Дом был огорожен. По фасаду дома располагался полисадник с яблонями и визами. По улице рядом с домом располагался огород или «тын». В тыну сажали прежде всего огурцы, свеклу, капусту, голландку, морковь, репу. Между домом и тыном – заулок, в котором хранились дрова.

Около дома располагался ряд хозяйственных построек:

1. Двухэтажная житница для хранения хлеба.
2. Овин.
3. Ульи, выполненные из дупла дерева. Стояли рядом с двухэтажной житницей.



Амбар. Устройство крыши приёмом курицы под слуги. Межевской район.

### Деревня Портюг. Дом Ершова

Экспедиция 1975 года захватывала в том числе и д. Портюг. Масалёва С.Д. в своих записях оставила подробное описание хозяйства жителей этой деревни. Деревня Портюг Межевского района связана с музеем деревянного зодчества тем, что в 60-е годы XX века отсюда был перевезён дом крестьянина Ершова. Дом датируется серединой XIX века и представляет собой северную избу русского крестьянина. Дом строил Артемий Калиныч Ершов – прадед последнего жителя дома – Егора Ершова. Семье Ершовых принадлежало три дома. Два дома друг напротив друга, а третий под одной крышей с левой стороны. Одно время в той половине дома была школа.

Избы в д. Портюг строили и под одной крышей, и по отдельности. Летом жили в летних избах, которые были большие, а зимой переходили в маленькие.

На крыльце стояла наковальня, и вешали деревянные шесты для просушивания белья – вешала. На мосту ставили кровати, которые были в ходу с начала XX века. В избах спали на полу, устилая соломой. Простыни и пологи были портяные. Для одеял сшивали три полотнища и простёгивали куделью. Подушки были как перьевые (из пера тетерева), так и из кудели. Обычно длинные. Маленькие подушки укладывались только в детские зыбки. Под подушки на время сна клали одежду. Кровать закры-



валась пологом, который на зиму снимался. На зиму постель с кровати убирали, но бывало и так, что вносили кровать в избу.

Крестьянская изба строится вокруг печи. Русская печь – это центр всего дома, она выполняла множество функций, и жизнь без неё не могла представить ни одна крестьянская семья. В доме из д. Портюг печи были и в зимней, и в летней избах, но с разными дымоходами. Печи в избах белили синей глиной, которая при побелке становилась серой. Вход в зимнюю избу был с двух сторон – с сеника и с моста. На мосту стояли две деревянные кровати. В «зимнице» печь стояла с правой стороны. Около печи располагалась хозяйственная утварь, необходимая каждый день для приготовления пищи – ухваты, хлебные лопаты, кочерги, сковородники. Постели на печи не было, лежали и грелись прямо на кирпичках.

Рядом с печью находился залавок или посудник, где хозяйка хранила деревянные чашки, ложки, берестяные солонки (солоницы). Всегда в избе находился и безмен, которым часто пользовались. Хлеб держали в лубяных коробах с крышкой и закрывали скатертью. Между печью и залавком висел умывальник с двумя петлями и одним рыльцем, под умывальником – деревянная кадка.

Перед печью вешался шест. В матицу прибивались планки с отверстиями, куда вставлялись шесты. На шестах сушили берёзовые дрова на лучину. Лучину щипали косарями, а хранили около печи.

Крестьянские семьи были большие, детей по 8-10 человек. Столы также были большие. Если кто-то не убирался за стол, то ели стоя. В больших семьях могли держать работников, которым платили за работу. Во время обедов стол обязательно покрывался простой портяной скатертью.

*«Скатерть да хлеб на стол –  
И стол престол.  
Скатерть со стола –  
И стол доска».*

На праздничные дни в основном стелились белые. На стол ставили одно или два блюда, маленьким детям еду подавали в небольших деревянных чашках – «воловушках», изготовленных из капа. Ложки укладывали одной общей кучей, а потом разбирали каждый свою.

Свещец часто в доме был один, на две лучины (когда одна догорала, сразу зажигали вторую). Его никогда не ставили на стол, всегда стоял на полу. Чтобы в избе не было копоти, над свещцом вешали колпак, который был подвешен к трубе.

Рядом с домом находился огород, где в грядках сажали капусту, огурцы, морковь, репу.

## Дом крестьянина Баева Николая Никифоровича 1907 г.р. из д. Слепиха Шарьинского района

*По материалам экспедиции 1977 года*

От дома крестьянина Баева сохранилась летняя изба, из которой в настоящее время сделан хозяйственный двор. Окно было небольшое, выходящее на запад. Вдоль стен тянулись лавки. Вверху над лавками – поллицы. В кути из трёх досок была сооружена деревянная кровать («кутник»). Летом в этой избе спали, а также хранили продукты. Спали обычно на кроватях. На кровать, которая стояла в правом углу, клали тканый тюфяк («холстину»), сшитый из трёх полотнищ и набитый соломой. Одежда ткали тоньше и также простёгивали соломой. Кровать покрывалась пологом. В летней избе также стояли и иконы – на небольшой полочке в южном, противоположном от кровати, углу. В шарьинских избах не постилали половики, а спали на полу на «коврах» из соломы. Толщина такого соломенника могла достигать до 10 см. На кухне находился залавок, где стояли кринки и держали испечённый хлеб и пироги. Залавок был по всей длине кухни. Посуду держали на полке («посуднике»).

## Дом Семенихинского сельского совета Шарьинского района

В доме были зимняя изба, мост, приподнятый сельник. Печи внутри нет, стены бревенчаты, окно одно большое, обращённое на сторону ограды. Место для икон называлось «тябло». Иконы ставились на небольшие полочки. Место у порога, у входа в избу, называлось «кут». Часто говорили «не стой в кути, проходи вперёд». Впереди избы – сутки, кругом лавки («проходи в сутки, садись на лавки»). Светец был один на всю избу, под светцом – корыто с водой для пожаробезопасности. На вечер для освещения расходовали одно берёзовое полено. Кухня в избе называлась загородка. Там также располагались лавки вдоль стен. В загородке стоял деревянный залавок (залавки бывали разные – открытые и глухие). Над залавком был посудник или, как его ещё называли, лошечник. На стене висел металлический рукомойник.

### Примечания

1. Записано автором у Красавиной Марии Васильевны 1915 г.р. в марте 1977 года.
2. Записано автором со слов секретаря Кривячского сельсовета Репина.

*Подготовлено к печати Е.А. НОВИКОВЫМ,  
зав.научным отделом Музея-заповедника  
«Костромская слобода»*





## СОДЕРЖАНИЕ

|  |    |
|--|----|
| <b>А.И. МИТИН</b><br>МУЗЕЙ – ТВОРЧЕСТВО КОЛЛЕКТИВНОЕ .....   | 3  |
| <b>И. Ш. ШЕВЕЛЁВ</b><br>СОХРАНИТЬ ОБРАЗ МИНУВШЕЙ ЭПОХИ<br>КАК ВОЗНИК МУЗЕЙ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА ..... | 7  |
| <b>И. Г. СЕМЕНОВА</b><br>СПАСЕНИЕ НАРОДНЫХ ШЕДЕВРОВ .....  | 20 |
| <b>Л.В. МОСКАЛЁВА</b><br>ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ В РОССИИ .....   | 28 |
| <b>А. Н. МАЗЕРИНА</b><br>«А ВОЙДЁШЬ В ГОРУ – ВСЁ СНОВА ХОРОШО...» .....                                | 48 |
| <b>С.В. ЕКИМЕНКО</b><br>КАК СТРОИЛСЯ МУЗЕЙ .....   | 69 |
| <b>Л.И. МАССОРИНА</b><br>МУЗЕЙНЫЕ ВСТРЕЧИ.....   | 73 |
| <b>О. А. ЗАБОТКИНА</b><br>ВРЕМЁН СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ .....  | 81 |
| <b>О.В. СМУРОВА</b><br>ОТ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ<br>К СЕМЕЙНОЙ ИСТОРИИ .....                             | 88 |



|   |     |
|---|-----|
| <b>Л. А. МИХАЙЛЕНКО</b><br>ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ<br>«КОСТРОМСКОЙ СЛОБОДЫ».....                     | 90  |
| <b>С.А. ПИЛЯК</b><br>ИСТОРИЯ МУЗЕЙНЫХ КОНЦЕПЦИЙ.....  | 94  |
| <b>С.А. ПИЛЯК</b><br>ЦЕРКОВЬ СПАСА –<br>ПЕРВЫЙ ЭКСПОНАТ НА ИГУМЕНКЕ.....                        | 100 |
| <b>С.С. КАТКОВА</b><br>ИЛЬИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ<br>СЕЛА ВЕРХНИЙ БЕРЕЗОВЕЦ.....                         | 104 |
| <b>С.А.УТКИН</b><br>ЦЕРКОВЬ СОБОРА ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ<br>ИЗ СЕЛА ХОЛМ ГАЛИЧСКОГО РАЙОНА ..... | 110 |
| <b>С.А.УТКИН</b><br>О ТАИНСТВЕННОМ ПОДЗЕМЕЛЬЕ<br>ВБЛИЗИ ИГУМЕНКИ .....                          | 115 |
| <b>С.С. КАТКОВА</b><br>КОСТРОМСКИЕ РОСПИСИ ПО ДЕРЕВУ .....                                      | 118 |
| <b>С.Д. МАСАЛЕВА</b><br>МЕЛЬНИЦЫ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ .....                                     | 128 |
| ТРАДИЦИИ ДОМОСТРОЕНИЯ<br>КОСТРОМСКОГО КРАЯ.....   | 137 |

Научно-популярное издание  
12+

**«КОСТРОМСКАЯ СЛОБОДА»**  
Костромской архитектурно-этнографический и ландшафтный  
музей-заповедник.  
**СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ**  
в воспоминаниях, документах, фотоочерках и материалах  
научных экспедиций

Составитель и технический редактор Т.Г. Гончарова  
Оригинал-макет – И.В. Васильев  
Художник О.И. Швейцер  
Фото из архива музея-заповедника «Костромская слобода»,  
частных коллекций  
Фото на обложке – Екатерина Шелыганова

Подписано в печать 04.10. 2016. Формат 60х90/8  
Объём 21 усл.печ.л. Тираж 500 экз.

ООО «Фабрика сувениров»  
г. Кострома, пр. Мира, 51





КОСТРОМСКАЯ  
СЛОБОДА

156004, Г. КОСТРОМА, УЛ. ПРОСВЕЩЕНИЯ, 1Б.  
ТЕЛ. (4942) 37-38-72 Тел./ ФАКС: (4942) 37-25-73  
MUZEIZAPOVEDNIK@YANDEX.RU  
WWW.KOSTRSLOBODA.RU